Агата Кристи

ПЯТЬ ПОРОСЯТ

К знаменитому сыщику Эркюлю Пуаро обращается молодая женщина по имени Карла, мать которой шестнадцать лет назад была осуждена за убийство собственного мужа. Ныне Карла собирается выйти замуж и опасается, что дела давно минувших лет могут разрушить ее личную жизнь. При этом она утверждает, что мать никогда не стала бы лгать ей. А та еще шестнадцать лет назад сказала, что невиновна… Пуаро, увлеченный сложностью загадки, берется за дело – и выясняет, что подозревать в убийстве можно еще пять человек. И хотя прошло столько времени, а вина матери Карлы считается доказанной, мощный интеллект Пуаро берется за работу…

Агата Кристи
Пять поросят
Стивену Глэнвиллу

Agatha Christie

Five Little Pigs

* * *

Пролог

Карла Лемаршан

Эркюль Пуаро посмотрел на вошедшую в комнату женщину оценивающе и с любопытством.

В письме, которое она написала ему, не было ничего примечательного. Всего лишь просьба о встрече; никакого намека на причину, лежавшую за обращением. Короткое и деловое. Лишь твердый почерк, указывавший на то, что Карла Лемаршан – молодая женщина.

И вот она здесь собственной персоной – высокая, стройная, лет двадцати с небольшим. Женщина из тех, на которую оглянешься дважды. Одета со вкусом – дорогие, хорошего кроя пальто и юбка, шикарный мех. Благородная посадка головы, пропорциональный лоб, тонкий, аккуратный нос

и решительный подбородок. Очень энергичная, живая, и именно эта живость более, чем красота, прежде всего привлекала внимание.

До ее прихода Эркюль Пуаро чувствовал тяжесть лет – теперь же он будто помолодел, оживился и приободрился.

Выходя навстречу посетительнице, детектив поймал ее пристальный, изучающий взгляд. Она наблюдала за ним со всей серьезностью.

Молодая женщина села и приняла предложенную им сигарету. Минуту или две курила, продолжая задумчиво смотреть на него.

– Да, нужно определиться, не так ли? – мягко спросил Пуаро.

Карла вздрогнула.

– Прошу прощения?

Голос у нее был приятный, с легкой, ничуть его не портящей хрипотцой.

– Не правда ли, вы сейчас решаете, кто я – шарлатан или человек, который вам нужен?

– Да, вроде того… Видите ли, месье Пуаро, вы не вполне соответствуете моему представлению о вас.

– Старик, да? Старше, чем вы думали?

– Да, и это тоже. – Она замялась. – Скажу прямо. Я хочу… мне нужен… лучший.

– Можете быть уверены: я – лучший!

– От скромности вы не умрете. И все же… пожалуй, я поймаю вас на слове.

– Здесь ведь, знаете ли, важны не мускулы, – спокойно заговорил Пуаро. – Мне не нужно наклоняться и измерять следы, собирать окурки и изучать примятые травинки. Достаточно сесть в кресло и подумать. Оно здесь, – он постучал пальцем по голове, вытянутой формой напоминавшей яйцо, – то, что работает!

– Знаю, – сказала Карла Лемаршан. – Потому и пришла к вам. Видите ли, я хочу, чтобы вы совершили нечто фантастическое!

– Это я вам обещаю. – Пуаро ободряюще посмотрел на посетительницу.

Женщина перевела дух.

– Я не Карла. Мое имя – Каролина. Как и у моей матери. Меня назвали в ее честь. – Она помедлила. – И хотя я всегда называлась Лемаршан, моя настоящая фамилия – Крейл.

Пуаро на секунду нахмурился, словно в замешательстве, потом пробормотал:

– Крейл… Я, кажется, припоминаю что-то…

– Мой отец был художником, – сказала посетительница. – Довольно известным художником. Некоторые даже называли его великим. Я думаю, он таким и был.

– Эмиас Крейл? – спросил Пуаро.

– Да. – Она помолчала, потом добавила: – И мою мать, Каролину Крейл, судили за его убийство.

– Ага. Помню, да, но только смутно. Я находился тогда за границей. Это ведь было давно…

– Шестнадцать лет назад. – Девушка побледнела, и глаза ее будто вспыхнули. – Вы понимаете? Ее судили и признали виновной… Но не повесили – нашли какие-то смягчающие обстоятельства – и приговорили к пожизненному тюремному заключению. Она умерла через год после суда. Понимаете? Все кончено… дело закрыто…

– И?.. – тихо произнес Пуаро.

Девушка, назвавшаяся Карлой Лемаршан, сцепила пальцы и заговорила – медленно, сбивчиво, но с удивительной выразительностью, подчеркивая едва ли не каждое слово.

– Вы должны понять, что привело меня сюда. Когда это…

случилось, мне было пять лет. Слишком маленькая, чтобы что-то знать. Я помню, конечно, мать и отца, помню, как меня вдруг забрали из дома и увезли в деревню. Помню свиней и симпатичную толстушку – жену фермера. Помню, что все относились ко мне хорошо, хотя и поглядывали порой как-то странно, исподтишка, будто со мной что-то не так. Я это чувствовала, но не знала, в чем дело.

А потом меня посадили на корабль. Путешествие было долгое и интересное. Я оказалась в Канаде, где меня встретил дядя Саймон. Я жила с ним и тетей Луизой в Монреале и помню, что, когда спрашивала про папу и маму, мне говорили, что они скоро приедут. Наверное, я как-то забыла о них; знала только, что они умерли, но не помнила, кто сказал мне об этом. К тому времени я уже не думала о родителях и была очень счастлива. Дядя Саймон и тетя Луиза относились ко мне по-доброму. Я уже пошла в школу, обзавелась друзьями и забыла, что когда-то носила другую фамилию, не Лемаршан. Тетя Луиза объяснила, что в Канаде у меня такая фамилия, и это не показалось мне странным. В конце концов я даже забыла, что когда-то меня звали иначе.

Она с вызовом вскинула подбородок.

– Посмотрите на меня. Ведь правда – согласитесь? – встретив меня на улице, вы бы подумали: вот девушка, которой не о чем беспокоиться! Я обеспечена, у меня прекрасное здоровье, довольно привлекательная внешность, могу наслаждаться жизнью… В двадцать лет не было на свете девушки, с которой я хотела бы поменяться местами.

Но, знаете, я стала задавать вопросы. О моих родителях. Кто они такие, чем занимались? Рано или поздно я все узнала бы. Но дядя с тетей сами сказали правду, когда мне исполнился двадцать один год. Им пришлось это сделать, во-первых, потому, что я должна была вступить в наследство. А потом… было еще письмо. Письмо, написанное матерью перед смертью и адресованное мне.

Лицо ее изменилось, помрачнело. Глаза уже не горели, как угольки, а темнели, как два тенистых озерца.

– Так я и узнала правду – мою мать обвинили в убийстве. Это было ужасно.

Она помолчала.

– Должна сказать вам кое-что еще. Я обручена. Нам сообщили, что нужно подождать, потому что я не могу выйти замуж до двадцати одного года. Узнав все, я поняла, почему.

Пуаро пошевелился и впервые подал голос:

– И как принял это известие ваш жених?

– Джон? Ему все равно. Он сказал, что для него это не имеет никакого значения. Мы с ним – Джон и Карла, а прошлое не важно.

Девушка подалась вперед.

– Мы всё еще обручены. Но все равно… Знаете, это важно. Важно для меня. И для Джона тоже. Дело не в прошлом – в будущем. – Она сцепила пальцы. – Видите ли, мы хотим детей. Оба. И не хотим видеть, как наши дети растут в страхе.

– Вы же понимаете, что у каждого среди предков были люди, совершавшие насилие и творившие зло?

– Разумеется, это так. Но обычно об этом никто не знает. Мы – другое дело. Для нас все ясно. И иногда я ловлю на себе взгляд Джона. Такой быстрый, украдкой… Предположим, мы, уже поженившись, однажды поссоримся, и вот я замечу такой вот взгляд и… что?

– Как погиб ваш отец? – спросил Пуаро.

Голос Карлы прозвучал ясно и твердо.

– Его отравили.

– Понятно.

Некоторое время оба молчали, потом девушка произнесла спокойным, суховатым тоном:

– Слава богу, что вы – здравомыслящий человек. Вы понимаете, что это важно и что из этого следует. И не пытаетесь отделаться утешительными словами.

– Я очень хорошо все понимаю, – сказал Пуаро. – Мне только непонятно, что вам нужно от меня?

– Я хочу выйти замуж за Джона, – спокойно ответила Карла Лемаршан. – И выйду! И хочу, чтобы у нас было по меньшей мере два мальчика и две девочки. А вы позаботитесь о том, чтобы это стало возможным.

– Хотите, чтобы я поговорил с вашим женихом? Ах нет, что я говорю, какие глупости… Вы предлагаете нечто совершенно другое. Скажите же, что у вас на уме.

– Послушайте, месье Пуаро. Поймите – и чтобы все было ясно, – я намерена нанять вас для расследования убийства.

– Вы имеете в виду…

– Да, я имею в виду именно это. Дело об убийстве есть дело об убийстве, независимо от того, случилось оно вчера или шестнадцать лет назад.

– Но, моя дорогая…

– Подождите, месье Пуаро. Вы еще не всё знаете. Есть один очень важный пункт.

– Да?

– Моя мать невиновна, – сказала Карла Лемаршан.

Пуаро потер нос.

– Ну, разумеется. Я понимаю…

– Это не сантименты. Есть ее письмо. Она оставила его мне перед смертью. Письмо полагалось передать, когда мне исполнится двадцать один год. Моя мать написала его с одной целью – чтобы я была совершенно уверена: она этого не делала, она невиновна. Чтобы у меня не было ни малейших сомнений. Вот и всё.

Эркюль Пуаро задумчиво посмотрел на девушку, со всей серьезностью смотревшую на него.

– Tout de meme…[1]

Карла улыбнулась.

– Нет, мама была не такая! Вы думаете, она могла солгать? Солгать ради меня? – Девушка подалась вперед и с чувством заговорила: – Послушайте, месье Пуаро, есть вещи, которые дети очень хорошо понимают. Я помню мать – воспоминания, конечно, бессвязные, но я хорошо знаю, что за человек она была. Она не кривила душой – даже во благо. Если что-то могло причинить боль, мать так и говорила. Зубной врач или заноза в пальце – такого рода вещи… Правда была для нее естественным импульсом. Не думаю, что я так уж сильно любила ее, но доверяла. И сейчас верю ей! Если она говорит, что не убивала отца, значит, не убивала. Она не стала бы писать заведомую ложь, зная, что умирает.

Медленно, почти неохотно, Эркюль Пуаро кивнул.

– Вот почему для меня не проблема выйти замуж за Джона, – продолжала Карла. – Я знаю, что все будет хорошо. Но он не знает. Для Джона вполне естественно, что я считаю свою мать невиновной. Вот в чем должна быть полная ясность, месье Пуаро. И вы это сделаете!

– Даже при условии, что все сказанное вами – правда, – медленно сказал детектив, – не забывайте, мадемуазель, что прошло шестнадцать лет.

– О! Конечно, будет нелегко! Кроме вас, с этим никто не справится!

Глаза у Пуаро едва заметно блеснули.

– Вы мне льстите, да?

– Я слышала о вас. О ваших делах. О том, как вам это удается. Вас ведь интересует психология, не так ли? А она со временем не меняется. Вещественные улики исчезли – окурки, следы на земле, примятые травинки… Их вы больше не найдете. Но можно изучить факты и, не исключено, поговорить с людьми, которые были там тогда – они все живы, – а потом, как вы только что сказали, сесть в кресло и подумать. И тогда вы узнаете, что случилось на самом деле…

Пуаро поднялся, пригладил рукой усы.

– Мадемуазель, вы оказали мне честь! Я оправдаю вашу веру в меня. Я проведу расследование. Я изучу события шестнадцатилетней давности и отыщу истину.

Карла тоже поднялась. Глаза ее сияли. Но произнесла она только одно слово:

– Хорошо.

Пуаро покачал указательным пальцем.

– Один только момент. Я сказал, что отыщу правду. Вы же понимаете, что я не допущу предвзятости и не приму на веру ваши уверения в невиновности вашей матери. Если она виновна – eh bien[2], что тогда?

Карла гордо вскинула голову.

– Я – ее дочь. И мне нужна правда!

– Тогда – en avant[3]. Хотя нет, не так. Наоборот. En arrière…[4]

Часть первая

Глава 1

Адвокат

– Помню ли я дело Крейла? – повторил сэр Монтегю Деплич. – Конечно, помню. И очень даже хорошо. Весьма привлекательная женщина. Но, однако, неуравновешенная. Не умела себя контролировать. – Он искоса взглянул

на Пуаро. – А почему вы спрашиваете?

– Из интереса.

– Не очень-то тактично с вашей стороны, мой дорогой. – Деплич блеснул зубами в своей знаменитой, напоминающей волчий оскал, улыбке, повергавшей, как поговаривали, свидетелей в ужас. – Успеха, знаете ли, оно мне не принесло. Оправдательного приговора я не добился.

– Знаю.

Сэр Монтегю пожал плечами.

– Я, разумеется, не обладал тогда таким опытом, каким обладаю сейчас, однако же, полагаю, сделал все, что было в человеческих силах. Невозможно добиться многого, если с тобой не сотрудничают… И все же нам удалось заменить смертную казнь тюремным заключением. Многие уважаемые дамы, матери и жены известных людей выступили с соответствующим обращением. В обществе к ней отнеслись с большим сочувствием.

Он откинулся на спинку кресла и вытянул длинные ноги. Лицо его приняло выражение, характерное для человека рассудительного, привыкшего принимать взвешенные, хорошо обдуманные решения.

– Если б она застрелила его или даже ударила ножом, я представил бы случившееся как непредумышленное убийство. Но отравление… нет, здесь возможностей для

маневра мало. Это сложно… очень сложно.

– Какую версию предлагала защита? – спросил Пуаро. Он знал ответ на свой вопрос, поскольку уже прочел газеты того времени, но решил предстать перед сэром Монтегю полным невеждой.

– Самоубийство. Единственный возможный вариант. Но неубедительный. Крейл был человеком совершенно иного склада! Вы, полагаю, не были с ним знакомы? Нет? Так вот, мужчина он был яркий, вспыльчивый, своенравный. Отчаянный волокита, большой любитель пива – и прочее в этом духе. Охотник до плотских утех. Трудно убедить присяжных, что такой вот человек способен просто взять и ни с того ни с сего свести счеты с жизнью. Картина не складывается. С самого начала было ясно, что дело – безнадежное. К тому же и она ничем не помогла! Мне стало ясно, что мы проиграли, как только она заняла свое место на скамье подсудимых. Даже не попыталась бороться. Но тут уж ничего не поделаешь – если не вызываешь клиента к барьеру, присяжные делают собственные выводы.

– Вы это имели в виду, когда говорили, что невозможно добиться многого, если с вами не сотрудничают? – спросил Пуаро.

– Именно это, мой дорогой друг. Мы, знаете ли, не волшебники. Исход судебной баталии наполовину зависит от того, какое впечатление обвиняемый производит на присяжных. Я сам не раз становился свидетелем того, как они выносили вердикт, прямо противоположный смыслу на-

путственного слова судьи. «Он это сделал, точно» – вот такая точка зрения. Или: «Не делал он ничего такого – не верю!» Каролина Крейл даже не пыталась бороться.

– Но почему?

Сэр Монтегю пожал плечами.

– Не спрашивайте, не знаю. Конечно, она его любила. Когда пришла в себя и поняла, что сделала, ее это надломило. Думаю, она так до конца и не оправилась от шока.

– То есть, по-вашему, она виновна? – уточнил Пуаро.

– Э… – На лице Деплича отразилось легкое недоумение. – Да… Я полагал, мы принимаем это как само собой разумеющееся.

– В разговорах с вами она хотя бы раз призналась, что виновна?

– Конечно, нет, – растерянно произнес адвокат. – Видите ли, у нас есть свой кодекс. Мы исходим из предположения, что клиент невиновен. Вижу, вас заинтересовал этот случай… Жаль, нельзя поговорить со стариком Мейхью. Материалы по тому делу для меня готовила их контора. Старик Мейхью рассказал бы вам больше, чем я. Но его с нами уже нет, ушел в мир иной… Есть, конечно, его сын, молодой Джордж Мейхью, но он в то время был совсем еще мальчишкой. Столько лет прошло…

– Да, знаю. Мне еще повезло, что вы помните так много. У вас замечательная память.

– Запоминаются, знаете ли, большие дела, – пробормотал Деплич, явно польщенный похвалой. – Особенно те, где речь шла о смертной казни. И, конечно, дело Крейла широко освещалось в прессе. Любовные отношения всегда вызывают интерес. В той истории участвовала девушка, весьма привлекательная. Мне она показалась крепким орешком.

– Простите, если я покажусь чрезмерно назойливым, – сказал Пуаро, – но позволю себе повториться: вы действительно не сомневались в виновности Каролины Крейл?

Деплич снова пожал плечами.

– Откровенно говоря, как мужчина мужчине, – не думаю, что есть какие-то сомнения. Да, она это сделала.

– Обвинение располагало уликами против нее?

– И весьма серьезными. Прежде всего у нее был мотив. Последние годы они жили как кошка с собакой, непрерывно ссорились. Крейл постоянно связывался с какими-то женщинами. Ничего не мог с собой поделать. Такой уж был человек. Вообще-то она держалась молодцом. Делала скидку на его темперамент – а художником он и впрямь был первоклассным. Между прочим, работы его с тех пор сильно выросли в цене. Сам я к такого рода живописи равнодушен – безобразная экспрессия… но хороша – в этом

сомневаться не приходится.

Так вот, как я уже говорил, время от времени у них случались проблемы из-за женщин. Миссис Крейл была не из тех тихонь, что страдают молча. Так что да, скандалили они частенько. Но в итоге увлечения проходили, и он всегда возвращался к ней. Хотя последний роман сложился иначе. Девушка была еще юная, всего лишь двадцать… Звали ее Эльза Грир. Единственная дочь какого-то йоркширского промышленника. Денег и решительности ей было не занимать, и она точно знала, чего хочет. А хотела она Эмиаса Крейла. Добилась, чтобы Крейл взялся писать ее портрет. За парадные, типа «Миссис Блинкети Бланк в атласе и жемчугах», он не брался – только жанровые. Не думаю, что среди женщин было бы так уж много желающих – он ведь их не щадил! Но за портрет этой девицы, Грир, Крейл взялся, а закончилось все тем, что он влюбился в нее без памяти. Мужчина под сорок, давно в браке – самое время выставить себя посмешищем из-за какой-нибудь девчонки… Вот тут и подвернулась Эльза Грир. Крейл потерял голову, задумал развестись и жениться на ней. Каролина, разумеется, терпеть такое не стала. Пригрозила – чему были два свидетеля, – что убьет его, если он не образумится. И, как оказалось, совсем даже не шутила!

За день до того, как все случилось, они пили чай с соседом. А он, между прочим, собирал целебные травы и готовил дома лекарственные настойки. Среди прочих использовал и цикуту, или болиголов крапчатый. В разговоре речь зашла и об этом растении и его смертоносных свойствах.

На следующий день сосед заметил, что содержимое бутыли с кониином, ядом, получаемым из болиголова, уменьшилось наполовину. Встревожился, забеспокоился, поднял шум. Почти пустой флакон нашли потом в комнате миссис Крейл, в ящике комода.

Пуаро заерзал в кресле.

– Флакон могли подложить.

– Нет! Каролина призналась полиции, что сама его взяла. В высшей степени неразумно, но адвоката с ней тогда еще не было, и должного совета она просто не получила. Ее спросили насчет яда, и она откровенно призналась, что сама его взяла.

– Но зачем?

– Заявила, что намеревалась покончить с собой. Но объяснить, как флакон оказался пустым и как случилось, что на нем отпечатки только ее пальцев, не смогла. Это обстоятельство сильно усугубило ее положение. Каролина утверждала, что Эмиас покончил с собой. Но если б он выпил содержимое флакона, который она прятала в своей комнате, то на стекле остались бы не только ее, но и его отпечатки.

– Ему ведь дали яд в пиве?

– Да. Каролина взяла бутылку из холодильника и сама отнесла ее в сад, где он работал. Налила в стакан, подала ему

и смотрела, как он пьет. Потом все отправились на ланч, а Эмиас остался один – он часто так делал, не приходил к столу. Какое-то время спустя миссис Крейл и гувернантка обнаружили его уже мертвым. Каролина утверждала, что в пиве, которое дала она, яда не было.

Наша версия сводилась к тому, что Эмиас осознал свою вину и, терзаясь муками совести, сам выпил отраву. Вздор, конечно, полный – не такого склада он был человек! А решающую роль сыграли отпечатки пальцев – неопровержимая улика.

– На пивной бутылке нашли ее отпечатки?

– Нет, только его, да и те вызвали сомнение. Видите ли, пока гувернантка ходила за доктором, Каролина оставалась у тела одна. Должно быть, вытерла бутылку и стакан, а потом прижала к бутылке его пальцы. Хотела представить дело так, что сама ни к чему не притрагивалась. Да только фокус не удался. Старина Рудольф – он выступал обвинителем на процессе – знатно повеселился, наглядно показав в зале суда, что при таком положении пальцев удержать бутылку человек не мог! Мы, конечно, пытались это опровергнуть, доказав, что пальцы Крейла были сведены судорогой и потому могли находиться в неестественном положении, но, откровенно говоря, выглядело это не очень убедительно.

– Кониин, должно быть, попал в бутылку до того, как миссис Крейл отнесла ее в сад.

– Никакого кониина в бутылке не было вообще. Только в стакане… – Сэр Монтегю осекся – его выразительное, с крупными чертами лицо внезапно изменилось – и резко повернул голову. – Подождите-ка, Пуаро. Вы к чему это клоните?

– Если Каролина Крейл была невиновна, то как кониин попал в пиво? Защита в то время утверждала, что яд в пиво влил сам Эмиас Крейл. Но вы говорите, что это в высшей степени маловероятно, и в этой части я с вами согласен; не того склада он был человек. Но тогда, если и Каролина этого не делала, кто же это сделал?

– Да будь оно проклято, – чуть ли не брызжа слюной, воскликнул старый адвокат. – Что толку хлестать мертвую лошадь… Все давно закончилось, прошли годы. Конечно, это сделала она. Вы и сами это поняли бы, если б увидели ее в то время. У нее на лице все было написано! Мне даже показалось, что вердикт она встретила с облегчением. Без страха. Спокойно. Как будто хотела, чтобы суд поскорее закончился и все завершилось. Очень смелая женщина…

– И тем не менее, – вставил Пуаро, – перед смертью она написала для дочери письмо, в котором торжественно заявляла о своей невиновности.

– Да, написала, – согласился сэр Монтегю. – И мы с вами сделали бы то же самое на ее месте.

– Ее дочь говорит, что мать не стала бы лгать.

– Дочь говорит… ха! Она-то что об этом знает? Мой дорогой Пуаро, во время процесса дочери было… четыре… или пять лет? Ребенок. Девочке дали другое имя и отправили к родственникам, куда-то за границу. Что она может знать или помнить?

– Дети иногда очень хорошо разбираются в людях.

– Может быть, и так, но здесь не тот случай. Естественно, девочка хочет верить, что мать ничего такого не делала. Пусть верит. Разве от этого кому-то хуже?

– Да, но она требует доказательств.

– Доказательств того, что Каролина Крейл не убивала своего мужа?

– Да.

– Что ж, – сказал Деплич, – она их не получит.

– Думаете, не получит?

Знаменитый королевский адвокат задумчиво посмотрел на собеседника.

– Всегда считал вас порядочным человеком, Пуаро. Что вы делаете? Пытаетесь заработать, сыграв на понятных чувствах дочери к матери?

– Вы не знаете девушку. Она особенная. Девушка с очень

сильным характером.

– Да, зная Эмиаса и Каролину Крейл, могу представить их дочь. Чего она хочет?

– Она хочет правды.

– Хмм… боюсь, правда придется ей не по вкусу. Честно говоря, не думаю, что здесь есть какие-либо сомнения. Каролина убила своего мужа.

– Извините, мой друг, но мне нужно убедиться в этом самому.

– Не представляю, что еще можно сделать. Прочитайте газетные отчеты о ходе процесса. Со стороны обвинения выступал Хамфри Рудольф. Он уже умер. Так, а кто был его помощником? Молодой Фогг, кажется… Да, точно, Фогг. Поговорите с ним. А потом – с теми, кто был там тогда. Вряд ли кому-то понравится это копание в грязном белье, но смею предположить, то, что нужно, вы из них вытянете. Вы же хитрый дьявол.

– Ах да, свидетели… Это важно. Может быть, помните их?

Деплич задумался.

– Подождите-ка… давно это было… Собственно, отношение к этой истории имели пять человек. Прислугу я в расчет не беру – люди пожилые, преданные, напуганные всем

случившимся, – они ничего не знали.

– Итак, пять человек, вы говорите. Расскажите мне о них.

– Во-первых, Филипп Блейк. Лучший друг Крейла, знал его всю жизнь. Был в то время в доме. Жив. Встречаю его иногда на поле для гольфа. Живет в Сент-Джордж-Хилл. Биржевой маклер. Играет на рынке, и пока удачно. Успешный человек, слегка склонный к полноте.

– Так. Кто следующий?

– Старший брат Блейка. Сельский сквайр. Домосед. Из дома выходит редко.

В голове у Пуаро звякнул колокольчик. Он приказал ему умолкнуть. Нельзя постоянно думать о детских стишках. В последнее время они стали каким-то наваждением. Но звонок не умолкал.

Первый поросенок на рынок пошел,
Второй поросенок дома остался…

– Дома остался, да? – пробормотал он.

– Тот самый, о котором я вам рассказывал… тот, который возился с травами и настоями… В некотором смысле химик. Такое у него хобби. А звали его… Как же его звали? Такое литературное имя… Да, вспомнил. Мередит. Мередит Блейк. Даже не знаю, жив он или нет.

– Кто следующий?

– Следующий? Да, источник всех неприятностей… Та самая девушка, Эльза Грир.

– Третий поросенок наелся до отвала, – пробормотал Пуаро.

Деплич недоуменно посмотрел на него.

– Да уж, – сказал он. – Девица оказалась не промах. Трижды побывала замужем. Каждый брак заканчивался разводом. И каждое новое замужество оказывалось лучше предыдущего. Сейчас она – леди Диттишем. Откройте любой номер «Татлера», и вы непременно ее там найдете.

– А еще двое?

– Была гувернантка. Как звали, не помню. Приятная, знающая свое дело женщина. Томпсон?.. Джонс?.. Что-то вроде этого. И была девочка, сводная сестра Каролины Крейл. Ей тогда лет пятнадцать исполнилось. С тех пор она сделала себе имя. Занимается раскопками, бывает в разных далеких странах. Уоррен, вот как ее зовут. Анжела Уоррен. Весьма интересная молодая женщина. Встретил ее на днях.

– Значит, она не тот поросенок, который заплакал?

Сэр Монтегю посмотрел на Пуаро с некоторым сомнением и сухо сказал:

– Плакать ей есть о чем. Изуродована на всю жизнь. Ужасный шрам на лице. Ей… Впрочем, вы сами все узнаете.

Пуаро поднялся.

– Благодарю, сэр Монтегю. Вы были чрезвычайно любезны. Если миссис Крейл не убила своего мужа…

– Убила, старина, – перебил его Деплич. – В том-то все и дело. Вы уж мне поверьте.

– …логично будет предположить, – словно не заметив вмешательства отставного адвоката, продолжал Пуаро, – что это должен был сделать один из этих пяти.

– Полагаю, один из этих пяти мог это сделать, – с сомнением заметил Деплич. – Но не понимаю, зачем. Абсолютно никаких причин! Скажу так: я совершенно уверен, что никто из них этого не делал. Выбросьте эту мысль из головы, старина!

Но Эркюль Пуаро лишь улыбнулся и покачал головой.

Глава 2
Обвинитель

– Виновна на все сто, – коротко заявил мистер Фогг.

Пуаро задумчиво посмотрел на худощавого, чисто выбритого барристера[5].

Квентин Фогг, королевский адвокат[6], являл собой совершенно иной, в сравнении с Монтегю Депличем, тип личности. Воля, магнетизм, властолюбие, напор были сильными качествами Деплича. Эффекта в суде он достигал за счет резкой и драматической смены образа. Только что обаятельный, вежливый, любезный – и вдруг почти магическое превращение: оскал, жесткая усмешка – тот же человек жаждет вашей крови.

Квентину Фоггу, бледному и худощавому, определенно недоставало качеств сильной личности. Вопросы он задавал тихим, невыразительным голосом, но при этом был настойчив и последователен. Если Деплича можно было сравнить с рапирой, то Фогга – со сверлом. Он сверлил и сверлил, монотонно и упрямо. Не достигнув вершины славы, Фогг тем не менее заслужил репутацию первоклассного юриста. Свои дела он обычно выигрывал.

– Стало быть, вот какое впечатление произвело на вас это дело? – сказал Эркюль Пуаро, задумчиво глядя на адвоката.

Фогг кивнул.

– Видели бы вы ее на скамье подсудимых. Старик Хамфри Рудольф – а главным обвинителем, как вы знаете, выступал он – просто сделал из нее отбивную. Отбивную! – Он помолчал, потом неожиданно добавил: – Но в целом все прошло слишком уж легко.

– Не уверен, что вполне понял вас…

Фогг свел к переносице свои тонко очерченные брови. Изящные пальцы коснулись безусой верхней губы.

– Как бы яснее выразиться… Это типично английский взгляд на вещи. «Не стреляй по сидящей птице» – вам понятен смысл такого выражения?

– Да-да, как вы сказали, типичная для англичан точка зрения. Но думаю, что я понял. И в Центральном уголовном суде, и на спортивной площадке Итона, и в охотничьих угодьях для англичанина важно, чтобы жертва имела свой шанс.

– Совершенно верно. Так вот, в данном деле у обвиняемой не было ни единого шанса. Хамфри Рудольф делал с ней все что хотел. Первым вопросы задавал Деплич. Она стояла такая покорная, как… как девочка на празднике, и выдавала выученные наизусть ответы. Сама такая смирная, предложения такие правильные, но все вместе совершенно неубедительно! Говорила то, чему ее научили. Но и Деплича нельзя винить. Этот старый шут сыграл свою роль отменно, но в любой сцене нужны два актера, в одиночку не вытянешь. А она ему не подыграла, не поддержала. На присяжных такое ее поведение произвело наихудшее впечатление. Потом поднялся старина Хампи. Вы ведь видели его при жизни? Большая потеря. Отбросил мантию, покачнулся на каблуках и – вперед! Говорю вам, он сделал из нее отбивную. Подводил то туда, то сюда, и каждый раз она попадала в подготовленную им ловушку. Он заставил обвиняемую признать абсурдность ее собственных пока-

заний, заставил противоречить себе, так что она увязала все глубже и глубже. И закончил в своем обычном стиле – неоспоримо и убедительно: «Я полагаю, миссис Крейл, что ваша история о краже яда с целью самоубийства лжива от начала до конца. Я полагаю, что вы украли кониин, чтобы дать его вашему мужу, собиравшемуся уйти от вас к другой женщине, и что сделали вы это намеренно». Миссис Крейл – такое очаровательное, нежное создание – посмотрела на него и сказала: «О нет, нет, я этого не делала». Это прозвучало так блекло, так неубедительно… Я видел, как старик Деплич заерзал на стуле. Он уже тогда понял, что все кончено.

Фогг помолчал с минуту, потом продолжил:

– И все-таки… не знаю. В каком-то отношении она поступила очень умно, воззвав к благородству. Тому самому странному благородству, из-за которого, наряду с приверженностью к жестоким забавам, большинство иностранцев считают нас великими притворщиками. Присяжные, как и все присутствующие, почувствовали, что у нее нет ни единого шанса. Она даже не могла бороться за себя. И уж, конечно, ей нечего было противопоставить такому безжалостному цинику, как старина Хампи. Это ее беспомощное «о нет, нет, я этого не делала» прозвучало просто жалко. С ней было покончено…

Тем не менее в некотором смысле она сделала лучший из возможных ходов. Присяжные удалились, но их совещание заняло лишь чуть больше получаса. Вердикт звучал так: «Виновна, но заслуживает снисхождения».

И вообще, она производила куда лучшее впечатление на фоне другой участницы процесса. Той самой девицы. Присяжные с самого начала прониклись к ней неприязнью. А ей хоть бы что, даже глазом не моргнула. Очень красивая, практичная, современная. Для женщин в зале суда она служила воплощением определенного типа – разрушительницы домашнего очага. Ни одна семья не может быть в безопасности, пока вокруг бродят такие девицы, сексуальные, презирающие права жен и матерей. Должен сказать, она себя не выгораживала. Была замечательно откровенна. Признавала, что влюбилась в Эмиаса Крейла, а он – в нее, и не испытывала ни малейших угрызений совести из-за того, что намеревалась увести его от жены и дочери.

Я даже восхищался ею в каком-то смысле. Смелости, решительности ей было не занимать. Деплич устроил ей жесткий перекрестный допрос, и она выстояла с честью. Но суд отнесся к ней без симпатии. И судье она не понравилась. Судьей был старик Эвис, сам любивший погулять в молодые годы, но ставший суровым моралистом после того, как облачился в судейскую мантию. Обращаясь с напутственным словом к присяжным, он был само милосердие. Отрицать факты Эвис не мог, но от намеков на спровоцированность преступления и все такое не удержался.

– Так он не поддержал версию защиты о самоубийстве? – спросил Пуаро.

Фогг покачал головой.

– Эта версия не имела под собой никаких оснований. При этом я вовсе не хочу сказать, что Деплич не сделал всего, что было в его силах. Он был великолепен. Изобразил трогательный портрет любвеобильного, темпераментного мужчины, проникшегося вдруг страстью к милой девушке, терзаемого муками совести, но не способного устоять. Потом осознание случившегося, вины перед женой и дочерью, раскаяние – и внезапное решение покончить со всем этим! Благородный выход. Могу сказать, это была самая трогательная, самая волнительная часть спектакля. Голос Деплича вышибал слезы из глаз. Присутствовавшие видели несчастного, раздираемого страстями, но пытающегося сохранить благопристойность супруга. Эффект был поразительный. Да вот только когда Деплич умолк и чары рассеялись, этот выдуманный образ исчез. Он плохо соотносился с реальным Эмиасом Крейлом. Слишком хорошо его знали. Он был другим. А Деплич так и не привел ни единого доказательства в подтверждение своих слов. Крейла я назвал бы человеком, лишенным даже зачатков совести. Безжалостный, невозмутимый, довольный жизнью эгоист. Все его понятия о нравственности распространялись только на живопись. Уверен, ничто не склонило бы его написать небрежную, плохую картину. Что касается всего остального, то жизнь он любил во всех ее проявлениях и ни в чем себе не отказывал. Самоубийство? Нет, это не для него!

– Может быть, защита выбрала не лучший вариант?

Фогг пожал плечами.

– А что еще им оставалось? Сидеть сложа руки и твердить, что вина подсудимой не доказана и присяжным нечего рассматривать… Слишком много улик. Яд был у Каролины – сама же и призналась, что украла его. Средство, мотив, возможность – все в наличии.

– Может быть, стоило попытаться доказать, что все это было подстроено?

– Она почти все признала, почти со всем согласилась. В любом случае такой вариант выглядел бы притянутым за уши. Вы ведь, как я полагаю, намекаете на то, что кто-то еще убил Крейла и представил дело так, чтобы подозрение пало на его жену?

– Вы считаете такую версию необоснованной?

– Боюсь, что да, – медленно сказал Фогг. – Вы предполагаете существование некоего таинственного неизвестного. И где же нам искать его?

– Очевидно, в близком круге. Иметь отношение к делу могли пять человек, не так ли?

– Пять?.. Давайте посмотрим. Старый чудак, возившийся с травами и отварами. Увлечение опасное, но человек приятный. Хотя и несколько непонятный. В роли загадочного отравителя я его не вижу. Потом та самая девица. Избавиться от Каролины она бы могла, но Эмиаса убивать не стала бы. Дальше, да, биржевой маклер, лучший друг Крейла. В детективных романах тема популярная, но в реальной жизни

я в такое не верю. Вот и всё… а, да, младшая сестра, но ее всерьез принимать не стоит. Получается четверо.

– Вы забыли гувернантку, – напомнил Пуаро.

– Да, верно. Бедняжки, вечно о них все забывают… Смутно, но припоминаю. Средних лет, ничем особенно не примечательная, компетентная. Какой-нибудь психолог сказал бы, что она воспылала к Крейлу запретной страстью, вследствие чего и убила его. Старая дева с подавленными комплексами! Но я в такое не верю, и, насколько могу судить по сохранившимся впечатлениям, неврастеничкой она не была.

– Времени прошло немало.

– Лет, наверное, пятнадцать или шестнадцать. Да, давненько это было… Ожидать от меня точности не стоит.

– Наоборот, вы на удивление хорошо все помните. Даже поразительно. Понимаете, да? Когда вы рассказываете, перед глазами как будто картина встает.

– Вы правы, – медленно сказал Фогг. – Я действительно вижу… довольно ясно.

– Друг мой, мне было бы очень интересно узнать, почему.

– Почему? – задумчиво повторил Фогг, и его умное, тонкое лицо оживилось. – Действительно, почему?

– Кого вы видите так ясно? Свидетелей? Адвоката? Судью? Обвиняемую на скамье подсудимых?

– Конечно, вот она, причина, – негромко сказал Фогг. – Вы сами указали мне на причину. Я всегда вижу ее… Интересная это штука, любовь. В Каролине Крейл это было. Не знаю, была ли она по-настоящему красива. Уже немолода… усталый вид… круги под глазами… Но все строилось вокруг нее. И притом едва ли не половину всего времени ее словно и не было там. Она уходила куда-то далеко, и оставалось только тело – неподвижное, с внимательным выражением на лице и вежливой улыбкой на губах. Вся в полутонах, между светом и тенью. И при всем том она была живее той, другой – девушки с идеальным телом, красивым лицом и жестокой силой молодости.

Я восхищался Эльзой Грир – ее решительностью, характером, бойцовским духом, потому что она выдерживала все нападки мучителей и ни разу не дрогнула. Но я также восхищался и Каролиной Крейл, потому что она не сражалась, а отступила в свой мир полутеней и полусвета. Она не проиграла, потому что не играла. – Фогг помолчал. – В одном я уверен: Каролина убила того, кого любила. Любила так сильно, что вместе с ним умерла ее половина.

Он протер стекла очков.

– Боже мой, что я такое говорю!.. Я был в то время молод. Обычный амбициозный юнец. Такие вещи производят впечатление. Но все равно я нисколько не сомневаюсь, что Каролина Крейл была в высшей степени замечательной

женщиной. Нет, я никогда ее не забуду.

Глава 3
Молодой солиситор[7]

Джордж Мейхью держался настороженно и на вопросы отвечал уклончиво.

Дело он, конечно, помнил, но смутно. Всем занимался отец, ему же тогда едва исполнилось девятнадцать.

Да, история наделала немало шума, ведь Крейл был человеком известным. И картины у него прекрасные. Две даже выставлены в галерее Тейт. Хотя, разумеется, это ничего не значит. И пусть месье Пуаро извинит, но что, собственно, его интересует? Ах, вот как, дочь! Неужели? Канада? Всегда вроде бы говорили о Новой Зеландии…

Джордж Мейхью немного расслабился. Выпрямился, расправил плечи.

Ужасное событие в жизни девушки. Он искренне ей сочувствует. Вероятно, было бы лучше, если б она никогда не узнала правды. Впрочем, что толку говорить об этом теперь…

Итак, она хочет знать? Да, но что именно знать? Отчеты о ходе процесса, конечно, есть. Сам-то он не знает практически ничего. Нет, насчет виновности миссис Крейл сомнений не возникло, хотя понять ее в чем-то можно. Жить с художниками так трудно… А Крейл, если он правильно помнит, постоянно путался то с одной женщиной, то с

другой. Да и она сама была, наверное, из тех, у кого силен собственнический инстинкт. Такие принять факты просто не способны. В наше время она бы просто развелась с ним и все забыла.

– Позвольте, позвольте… э… та девушка в деле, это не леди ли Диттишем? – осторожно поинтересовался Мейхью.

Пуаро ответил, что, похоже, именно она.

– В газетах нет-нет да и вспоминают ту историю. Она ведь не раз судилась из-за разводов. Очень богатая женщина, как вы, полагаю, знаете. До Диттишема была замужем за известным исследователем. Так или иначе, постоянно на виду и на слуху. Из тех женщин, для которых и дурная слава – тоже слава.

– Возможно, их привлекает не столько слава, сколько знаменитости, – предположил Пуаро.

Идея определенно пришлась Джорджу Мейхью не по вкусу, и встретил он ее с сомнением.

– Ну, может быть… да, – протянул он неуверенно.

– Ваша фирма долго занималась делами миссис Крейл? – спросил Пуаро.

Мейхью покачал головой:

– Нет. Адвокатами у Крейлов были «Джонатан и Джона-

тан». Когда это все случилось, мистер Джонатан решил, что не может должным образом защищать интересы миссис Крейл, и попросил моего отца взять дело на себя… Думаю, месье Пуаро, вам стоило бы договориться о встрече со старым мистером Джонатаном. От активной работы он отошел – ему за семьдесят, – но семью Крейл знал хорошо и мог бы рассказать вам намного больше, чем я. По правде говоря, мне и сказать-то нечего. Я ведь был тогда мальчишкой. Думаю, даже в суде не появлялся.

Пуаро поднялся, и Джордж Мейхью, тоже поднявшись, добавил:

– Возможно, не помешает поговорить еще и с Эдмундсом, нашим секретарем. Он служил тогда в фирме и очень интересовался этим делом.

* * *

В глазах Эдмундса светилась свойственная юристам настороженность. Заговорил он лишь после того, как смерил Пуаро внимательным, оценивающим взглядом.

– Да, дело Крейлов я помню. Некрасивая история. – Старик не спускал с детектива глаз. – Столько лет… не стоит ворошить прошлое.

– Вердикт суда – не всегда конец дела.

Эдмундс медленно кивнул.

– Я и не говорю, что вы не правы.

– У миссис Крейл осталась дочь, – продолжал Пуаро.

– Да, помню. Ее ведь отослали за границу, к родственникам?

– Дочь уверена в невиновности матери.

Тяжелые кустистые брови мистера Эдмундса подскочили вверх.

– Вот, значит, как?

– Можете ли вы сообщить мне что-либо, подтверждающее эту ее уверенность? – спросил Пуаро.

Эдмундс задумался. Потом медленно покачал головой.

– По правде говоря, нет. Я восхищался миссис Крейл. Что бы ни случилось, это была настоящая леди! Не то что та, другая. Бесстыжая, наглая девица. Выскочка, вот она кто. Что и подтверждала всем своим поведением! Миссис Крейл – само благородство.

– Но тем не менее убийца?

Эдмундс нахмурился и ответил с волнением, которого не выказывал прежде:

– Я сам задавал себе этот вопрос, день за днем. Она сидела там, на скамье подсудимых, такая спокойная, такая

сдержанная… «Не верю», – снова и снова говорил я себе. Но, месье Пуаро, больше верить было нечему. Яд не мог случайно попасть в пиво мистера Крейла. Его туда влили. И если не миссис Крейл это сделала, то кто?

– В этом-то и вопрос, – сказал Пуаро. – Кто?

Старик пытливо посмотрел на него.

– Так вот оно что…

– А вы сами что думаете?

– Ничего такого, что указывало бы на это, не было. Ничего, – сказал после паузы Эдмундс.

– Вы ведь присутствовали на слушаниях?

– Каждый день.

– Слышали показания свидетелей?

– Да.

– И ничего такого, что показалось бы вам странным или неискренним?

– Лгал ли кто-то из них? Вы это имеете в виду? Была ли у кого-то причина желать смерти мистеру Крейлу? Извините, месье Пуаро, но это отдает мелодрамой.

– И все-таки подумайте, – не сдавался детектив, глядя в прищуренные глаза старика.

Медленно, как будто с неохотой, Эдмундс покачал головой.

– Мисс Грир… Чувствовалась в ней озлобленность. Мстительность. Я бы сказал, что она позволяла себе лишнее, но мистер Крейл ей был нужен живым, а от мертвого какой толк? И да, она точно хотела, чтобы миссис Крейл повесили, но только лишь потому, что смерть вырвала добычу у нее из рук. Разъяренную тигрицу, вот кого она мне напоминала. Но, повторяю, мистер Крейл был нужен ей живым. И мистер Филипп Блейк, он тоже был против миссис Крейл. Предвзято к ней относился. При каждом удобном случае вонзал в нее свой кинжал. Но он-то был по-своему честен. Лучший друг мистера Крейла. Его брат, мистер Мередит Блейк, свидетелем оказался плохим – нерешительным, невнятным. Как будто сомневался в своих же показаниях. Я подобных свидетелей немало повидал. Вроде и правду говорит, а выглядит так, словно лжет. Говорил мало, не хотел лишнего сказать. Но вытянули из него немало. Таких тихонь легко сбить с толку. А вот гувернантка держалась хорошо. Отвечала строго на вопрос, точно, по делу. Слушаешь ее и не знаешь, на чьей же она стороне. Голову не теряла, да. – Эдмундс помолчал. – Не удивлюсь, если она знала обо всем этом больше, чем сказала.

– Я тоже не удивлюсь.

Эркюль Пуаро бросил взгляд на морщинистое, проница-

тельное лицо Альфреда Эдмундса. Лицо спокойное и бесстрастное. И все же он задумался: не удостоил ли старик его намеком.

Глава 4
Старый солиситор

Мистер Калеб Джонатан жил в Эссексе. В результате учтивого обмена письмами Пуаро получил приглашение, почти королевское по форме, отобедать и переночевать. Старый джентльмен определенно являл собой интересную личность. После пресного Джорджа Мейхью мистер Джонатан был как бокал старого портвейна из его собственных запасов.

К делу он подходил по-свойски и только ближе к полуночи, попивая ароматный старый бренди, выразил наконец желание высказаться на тему семьи Крейл, оценив на восточный манер вежливую сдержанность гостя, ни в коей мере его не торопившего.

– Наша фирма знает Крейлов на протяжении нескольких поколений. Я знал и Эмиаса Крейла, и его отца, Ричарда Крейла, и помню деда, Еноха Крейла. Все они были сквайрами и думали больше о лошадях, чем о людях. Прекрасно ездили верхом, любили женщин и не забивали голову идеями, к которым относились с недоверием. А вот у жены Ричарда Крейла идей оказалось даже больше, чем здравого смысла. Она увлекалась и поэзией, и музыкой, и сама играла на арфе. Не отличаясь хорошим здоровьем, весьма живописно смотрелась на диване. Была поклонницей Кингсли[8], поэтому, кстати, и сына назвала Эмиасом. Его

отец находил это имя нелепым, но уступил жене.

Эмиасу Крейлу наследственность пошла на пользу. Художественный талант он взял от болезненной матери, энергию, целеустремленность и безжалостный эгоизм – от отца. Эгоистами были все Крейлы. Иной точки зрения, кроме их собственной, для них не существовало.

Постукивая по подлокотнику кресла изящным пальцем, старик испытующе посмотрел на Пуаро.

– Поправьте, если ошибаюсь, но, по-моему, вас интересует, скажем так, характер?

– Во всех расследованиях это мой первейший интерес, – ответил Пуаро.

– Понимаю. Стараетесь, если так можно выразиться, влезть в шкуру преступника… Интересно. Увлекательно. Наша фирма никогда не занималась уголовной практикой, поэтому мы сочли себя недостаточно компетентными, чтобы представлять миссис Крейл, хотя ничего не имели против. А вот фирма Мейхью вполне для этого подходила. Они обратились к Депличу – проявив, возможно, некоторый недостаток воображения, – он дорого стоил и, конечно, перебирал по части драматизма. Чего они не поняли, так это того, что Каролина никогда не станет играть так, как от нее хотят. Она не умела притворяться.

– Какой же она была? – спросил Пуаро. – Вот что мне хотелось бы знать.

– Да, конечно. Как она пришла к тому, что сделала? Это действительно вопрос наипервейшей важности. Я знал ее еще до замужества. Знал как Каролину Сполдинг. Несчастная, импульсивная девочка. Очень живая, непоседливая. Мать рано овдовела, и Каролина была очень предана ей. Потом мать снова вышла замуж, появился еще один ребенок. Болезненное событие. Детская вспыльчивость, ревность…

– Она ревновала?

– Неистово. В результате случился некий прискорбный инцидент. Бедная девочка впоследствии горько раскаивалась в содеянном… Но знаете, месье Пуаро, такие вещи случаются. Некоторые не способны нажать на тормоза. Потом это приходит, со зрелостью.

– Так что же случилось? – спросил детектив.

– Она ударила ребенка, бросила в нее пресс-папье. Девочка ослепла на один глаз и осталась увечной. – Мистер Джонатан вздохнул. – Можете представить, какое впечатление произвел в суде заданный ей на этот счет вопрос. – Он покачал головой. – У присяжных создалось впечатление, что Каролина Крейл – женщина необузданного темперамента. Что, конечно, было не так. Каролина Сполдинг часто бывала и останавливалась в Олдербери. Она хорошо ездила верхом, была умна, сообразительна. Нравилась Ричарду Крейлу. Умело ухаживала за миссис Крейл, которая тоже прониклась к ней симпатией. Чувствуя себя неуютно дома,

Каролина нашла счастье в Олдербери. Подружилась с сестрой Эмиаса, Дианой. В Олдербери часто бывали Блейки, Филипп и Мередит, жившие в соседнем поместье. Должен признаться, Филипп никогда мне не нравился – противный, жадный до денег… Но говорят, хороший рассказчик и имеет репутацию верного друга. Таких, как Мередит, в мое время называли сентиментальными, слабохарактерными. Травы и бабочки, птицы и животные – вот его интересы. В наше время это называется изучением природы. Боже мой, все эти молодые люди принесли лишь разочарование своим родителям. Ни один не соответствовал тому типу мужчины, для которого настоящие увлечения – это охота, рыбалка, стрельба. Мередит предпочитал наблюдать за зверями и птицами, а не охотиться на них. Филипп же отправился в город и занялся бизнесом, стал зарабатывать деньги. Диана вышла замуж за человека, который не был джентльменом, – он стал офицером на войне. И даже Эмиас, сильный, красивый, храбрый, сделался – подумать только! – художником. На мой взгляд, Ричард Крейл умер от разочарования.

Время шло. Эмиас женился на Каролине Сполдинг, и хотя они постоянно ссорились и бранились, то был, несомненно, брак по любви. Оба жить не могли друг без друга. Но Эмиас, как и все Крейлы, был законченным эгоистом. Да, он любил жену, но никогда и ни в чем с ней не считался. Поступал так, как ему заблагорассудится. На первом месте у него стояло искусство.

И, должен сказать, никогда не случалось такого, чтобы искусство уступило место женщине. Хотя романы у него

были, и они его стимулировали, но все кончалось, как только это ему надоедало. Эмиас не был ни сентиментальным, ни романтиком и даже сластолюбцем. Женщины, за исключением Каролины, ничего для него не значили. Она это знала и поэтому со многим мирилась. Не забывайте, он был прекрасным художником. Каролина понимала это и ценила. Эмиас пускался в очередное любовное приключение и неизменно возвращался – обычно с картиной, как с оправданием за отлучку. Наверное, так продолжалось бы и дальше, если б не Эльза Грир. Эльза Грир… – Мистер Джонатан покачал головой.

– И что же Эльза Грир? – спросил Пуаро. Такого ответа он не ожидал.

– Бедняжка. Бедняжка…

– Для вас она – бедняжка?

– Может быть, из-за того, что я постарел, месье Пуаро, но есть в юных беззащитность, которая трогает меня до слез. Юность так уязвима… Так жестока… Так самоуверенна… Так великодушна и так требовательна…

Старик поднялся, подошел к книжному шкафу, взял с полки томик, раскрыл, полистал страницы и прочел вслух:

И думаешь о браке – завтра утром
Ты с посланной моею дай мне знать,
Где и когда обряд свершить ты хочешь, —
И я сложу всю жизнь к твоим ногам

И за тобой пойду на край Вселенной[9].

Словами Джульетты здесь говорит любовь, повязанная с молодостью. Говорит открыто, ничего не тая, без какой-либо так называемой девичьей скромности. В этих словах бесстрашие, упорство, безжалостная сила юности. Шекспир знал, какова юность. Джульетта выбирает Ромео. Дездемоне нужен Отелло. Юные не ведают сомнений, страха, гордости.

– По-вашему, словами Джульетты говорила Эльза Грир? – задумчиво сказал Пуаро.

– Да. Юная, красивая, богатая – таких называют баловнями судьбы. Она нашла себе супруга и заявила на него права. Не на юного Ромео, а на немолодого и женатого художника. Ее не сдерживали никакие правила, она руководствовалась девизом нашего времени: «Бери что хочешь – ибо живешь только раз!».

Мистер Джонатан вздохнул, откинулся на спинку кресла и постучал пальцем по подлокотнику.

– Хищница Джульетта… Молодая, беспощадная, но ужасно ранимая! Она ставит все на один дерзкий бросок. И даже вроде бы выигрывает, но в последний момент на сцену выступает смерть и… жизнерадостная, пылкая, счастливая Эльза умирает. Остается мстительная, холодная, жестокая женщина, всей душой ненавидящая ту, чья рука отняла у нее все.

Голос у него изменился.

– Боже, боже… Простите меня за это отступление в мелодраму. Грубая, незрелая молодая женщина… с примитивным взглядом на жизнь. Не самый интересный, на мой взгляд, персонаж. «Юности белая роза, страстная, нежная…» Отнимите это, и что останется? Довольно заурядная молодая женщина, ищущая другого героя для опустевшего пьедестала.

– Не будь Эмиас Крейл знаменитым художником… – произнес Пуаро.

– Совершенно верно, – мгновенно согласился с ним мистер Джонатан. – Вы уловили самое главное. В нашем мире такие, как Эльза, поклоняются героям. Мужчина должен что-то сделать, должен быть кем-то. Каролина могла бы разглядеть достоинство и благородство и в банковском служащем, и в страховом агенте. И Эмиас Крейл был дорог ей как человек, а не как художник. В отличие от Эльзы Грир, Каролина не была груба. Но она была молода, красива и, на мой взгляд, бесконечно трогательна.

В глубокой задумчивости, размышляя над проблемой личности, Пуаро отправился спать.

В глазах Эдмундса, секретаря фирмы, Эльза Грир была дерзкой, бесстыжей девицей. Не больше и не меньше.

Мистер Джонатан представлял ее вечной Джульеттой.

А Каролина Крейл?

Все относились к ней по-разному. Деплич презирал ее за нежелание бороться. Молодой Фогг видел в ней выражение романтизма. Для Эдмундса она была просто «леди». Мистер Джонатан называл Каролину импульсивной, непоседливой.

А что бы сказал о ней он, Эркюль Пуаро?

От ответа на этот вопрос, как он чувствовал, зависел успех расследования.

Пока что ни один из тех, кого видел Пуаро, не сомневался в том, что кем бы ни была Каролина Крейл, в первую очередь она – убийца.

Глава 5
Суперинтендант полиции

Отставной суперинтендант Хейл задумчиво попыхтел трубкой.

– Забавное занятие вы себе нашли, месье Пуаро.

– Возможно, немного необычное, – осторожно согласился тот.

– Это ведь так давно было, – добавил Хейл.

Как и предчувствовал Пуаро, эта фраза уже начала немного ему надоедать.

– Да, это, конечно, осложняет дело, – мягко заметил он.

– Ворошить прошлое. Если б в этом была какая-то цель…

– Цель есть.

– Какая?

– Поиск правды сам по себе может доставлять удовольствие. Мне это нравится. И не забывайте о юной леди.

Хейл кивнул.

– Да, ее я понять могу. Но извините, месье Пуаро, вы же человек с воображением. Могли бы сочинить для нее правдоподобную историю.

– Вы не знаете ее.

– Ох, перестаньте, с вашим-то опытом…

Пуаро выпрямился.

– Может быть, mon cher[10], я и впрямь искусный и умелый лжец – похоже, именно так вы и думаете, – но у меня другое представление об этичном поведении. У меня свои стандарты.

– Извините, месье Пуаро, не хотел задеть ваши чувства. Но это была бы, если можно так выразиться, ложь во благо.

– Интересно. Вы действительно так считаете?

– Большое несчастье для невинной, готовящейся выйти замуж девушки узнать, что ее мать – убийца, – медленно сказал Хейл. – На вашем месте я пошел бы к ней и сказал, что это было все-таки самоубийство. Что Деплич не справился с защитой. Сказать, что, по-вашему, сомнений быть не может и Крейл покончил с собой.

– Но в том-то и дело, что у меня полно сомнений! Даже на минуту я не могу поверить, что Крейл отравился. Неужели вы считаете такой вариант действительно возможным?

Хейл покачал головой.

– Вот видите. Нет, мне нужна правда, а не ложь, пусть даже очень правдоподобная.

Хейл повернулся и посмотрел на Пуаро. Его квадратное красноватое лицо побагровело и даже как будто стало еще более квадратным.

– Вы говорите о правде. Хотел бы с полной ясностью заявить вам, что в деле Крейла мы установили правду.

– Это ваше заявление очень важно, – быстро сказал Пуаро. – Я знаю вас как честного человека и настоящего профессионала. А теперь скажите, возникали ли у вас в какое-либо время сомнения в виновности миссис Крейл?

Суперинтендант ответил твердо и без колебаний:

– Ни малейших сомнений, месье Пуаро. Все обстоятельства, все улики, каждый факт, который мы раскрывали в ходе следствия, – все подкрепляло эту точку зрения.

– Вы можете перечислить мне собранные против нее доказательства?

– Могу. Получив ваше письмо, я еще раз просмотрел материалы дела. – Он взял со стола блокнот. – Я изложил здесь все значимые улики.

– Благодарю, мой друг. Я весь внимание.

Хейл откашлялся. В голосе его зазвучали официальные нотки.

– Восемнадцатого сентября, в два часа сорок пять минут пополудни, инспектор Конуэй принял звонок от доктора Эндрю Фоссета. Доктор Фоссет сообщил, что констатировал внезапную смерть мистера Эмиаса Крейла из Олдербери и что, принимая во внимание обстоятельства смерти и заявление некоего мистера Блейка, присутствовавшего в доме в качестве гостя, счел необходимым привлечь к делу полицию.

Не теряя времени, инспектор Конуэй отправился в Олдербери вместе с сержантом и полицейским врачом. Доктор Фоссет встретил их там и отвел к телу мистера Крейла, находившемуся в том же положении, в котором оно и было

обнаружено.

В тот день мистер Крейл работал в небольшом, огороженном зубчатой стеной саду, открытом со стороны моря и известном как Батарейный сад, по причине наличия у одной из бойниц миниатюрной пушки. От дома сад находился на расстоянии четырех минут ходьбы. На ланч мистер Крейл не пошел, поскольку хотел добиться определенного эффекта света на камнях, который был бы невозможен позднее по причине изменения положения солнца. В саду он остался один. Согласно показаниям, такое случалось и раньше. Мистер Крейл не придерживался какого-либо установленного расписания в приеме пищи. Иногда ему приносили сэндвич, но чаще всего он предпочитал не отвлекаться. Последними его видели живым мисс Эльза Грир (гостила в доме) и мистер Мередит Блейк (ближайший сосед).

Эти двое вместе поднялись к дому и, присоединившись к остальным, проследовали на ланч. После ланча на террасу подали кофе. Выпив свой, миссис Крейл сказала, что спустится в сад «посмотреть, как там дела у Эмиаса». Гувернантка, мисс Сесилия Уильямс, тоже поднялась из-за стола. Она искала пуловер своей ученицы, мисс Анжелы Уоррен, сестры миссис Крейл, который та позабыла где-то, и полагала, что он остался на берегу.

По тропинке через рощу женщины спустились к калитке, откуда можно было пройти либо в сад, либо дальше, к берегу. Миссис Уильямс продолжила путь по тропинке, а миссис Крейл вошла в Батарейный сад. Почти сразу же мисс Уильямс услышала крик миссис Крейл и немедленно

вернулась. Мистер Крейл полулежал на скамейке. Он был уже мертв.

Подчинившись настойчивой просьбе миссис Крейл, гувернантка вышла из Батарейного сада и поспешила к дому, чтобы позвонить доктору. По пути ей встретился мистер Мередит Блейк, которому она и передала поручение, а сама вернулась к миссис Крейл, которой могла потребоваться помощь.

Доктор Фоссет прибыл на место через четверть часа. Он сразу увидел, что мистер Крейл мертв уже некоторое время, и определил, что смерть наступила в промежутке от часа до двух пополудни. Ничего такого, что указывало бы на причину смерти, доктор не обнаружил. Видимые раны отсутствовали, в позе мистера Крейла не было ничего странного.

Тем не менее доктор Фоссет, наблюдавший за состоянием здоровья мистера Крейла и хорошо знавший об отсутствии у него каких-либо заболеваний и недомоганий, отнесся к случившемуся со всей серьезностью. Вот тут свое заявление и сделал мистер Филипп Блейк.

В этом месте суперинтендант сделал паузу, перевел дух и перешел, если можно так выразиться, ко второй части своего повествования.

– Позднее мистер Блейк повторил это заявление инспектору Конуэю. Суть его сводилась к следующему. Утром ему позвонил брат, мистер Мередит Блейк, проживавший

в поместье Хэндкросс-Мэнор, в полутора милях от дома Крейлов.

Мистер Мередит Блейк был химиком-любителем или, если точнее, травником. Войдя утром того дня в лабораторию, он с удивлением обнаружил, что бутыль с экстрактом болиголова, бывшая полной накануне, теперь почти пуста. Встревоженный этим фактом, мистер Мередит Блейк позвонил брату и спросил, что же ему теперь делать. Тот потребовал, чтобы брат как можно скорее пришел в Олдербери, где они все обсудят. Сам же отправился навстречу ему, так что в дом они явились вместе. Никакого общего решения относительно линии поведения братья не приняли и договорились обсудить все еще раз после ланча.

В результате дальнейших расспросов инспектор Конуэй установил следующие факты.

Накануне из Олдербери в Хэндкросс-Мэнор к послеполуденному чаю пожаловали пять человек – мистер и миссис Крейл, мисс Анжела Уоррен, мисс Грир и мистер Филипп Блейк. За то время, что гости находились в доме, мистер Мередит выступил перед ними с небольшим докладом о своем увлечении, провел их в свою маленькую лабораторию и «все там показал». В ходе этой экскурсии он также упомянул определенные препараты, в том числе кониин, алкалоид болиголова пятнистого.

Рассказав о главных свойствах кониина и высказав недоумение в связи с тем, что его исключили из фармакопеи, мистер Мередит отметил действенный лечебный эффект

при таких заболеваниях, как коклюш и астма. Потом он упомянул и о смертельных свойствах препарата, и даже прочитал отрывки из сочинения какого-то греческого автора, описавшего действие яда.

Суперинтендант Хейл помолчал, заново набил трубку и перешел к третьей части.

– Главный констебль[11], полковник Фрер, поручил расследование мне. Вскрытие установило причину смерти и не оставило места для сомнений. Кониин, насколько я понял, не оставляет определенных посмертных следов, но доктора знали, что искать, и обнаружили кониин в значительном количестве. По их мнению, яд дали за два-три часа до смерти. На столе перед мистером Крейлом стояли пустые стакан и бутылка из-под пива. Их взяли на анализ. В бутылке ничего не нашли, а в стакане обнаружили кониин. Оказывается, в небольшой летней беседке в Батарейном саду всегда стоял ящик пива и стаканы, на случай если мистер Крейл захочет пить во время работы. В то утро миссис Крейл самолично принесла из дома бутылку свежего охлажденного пива.

Когда она пришла, Эмиас Крейл работал, а мисс Грир позировала, сидя на выступе стены. Миссис Крейл открыла бутылку, налила пиво и протянула стакан мужу, стоявшему перед мольбертом. Он выпил его, как обычно, залпом, состроил гримасу, поставил стакан на стол и сказал: «Сегодня у всего противный вкус». Услышав это, мисс Грир рассмеялась: «Это из-за печени!» «Хорошо, что хотя бы холодное», – проворчал мистер Крейл.

Хейл снова остановился.

– В какое время это случилось? – спросил Пуаро.

– В четверть двенадцатого. Мистер Крейл продолжал работать. По словам мисс Грир, позднее он пожаловался на онемение в руках и ногах и предположил, что виной тому приступ ревматизма. Будучи не из тех, кто признается в болезнях и недомоганиях, он не стал, однако, жаловаться на плохое самочувствие. Раздраженное требование оставить его в покое и нежелание пойти со всеми на ланч дают верное, на мой взгляд, представление об этом человеке.

Пуаро кивнул.

– Итак, Крейл остался один в Батарейном саду. Когда все ушли, он, по всей видимости, опустился на скамью и расслабился. Потом наступил мышечный паралич. Помочь было некому, последовала смерть.

Пуаро снова кивнул.

– Дальше я действовал согласно установленному порядку. Установить факты не составило труда. Выяснилось, что накануне между миссис Крейл и мисс Грир произошла серьезная стычка. Последняя позволила себе высокомерно заметить, что переставит в доме мебель, когда будет там жить. «Что вы имеете в виду?» – спросила миссис Крейл. «Не притворяйтесь, будто не понимаете, что я имею в виду, – ответила мисс Грир. – Вы как тот страус, который

прячет голову в песок. Вам прекрасно известно, что мы с Эмиасом любим друг друга и собираемся пожениться». «Ничего такого я не знаю», – сказала миссис Крейл. «Что ж, теперь знаете», – последовал ответ. В этот момент в комнату вошел мистер Крейл, и его жена повернулась к нему со словами: «Это правда, Эмиас, что ты собираешься жениться на Эльзе?»

– И что же сказал мистер Крейл? – полюбопытствовал Пуаро.

– Похоже, он повернулся к мисс Грир и крикнул что-то вроде: «Какого черта ты здесь болтаешь? Неужели ума не хватает подержать язык за зубами?» На это мисс Грир заявила: «Думаю, Каролине стоит знать правду».

«Это правда, Эмиас?» – спросила у мужа миссис Крейл.

Он не ответил, даже не посмотрел на нее и, отвернувшись, пробормотал что-то.

«Отвечай, – потребовала она. – Я должна все знать».

«Ну да, как бы правда, но я не хочу обсуждать это сейчас». С этими словами он вылетел из комнаты, а мисс Грир сказала: «Теперь видите!» – и добавила что-то в том духе, что не надо вести себя как собака на сене, что всем нужно оставаться здравомыслящими людьми и что Эмиас и Каролина, как она надеется, останутся добрыми друзьями.

– И что же миссис Крейл? – с нетерпением спросил Пуа-

ро.

– Согласно показаниям свидетелей, она рассмеялась, бросила: «Через мой труп, Эльза» – и направилась к двери. «Что вы хотите этим сказать?» – крикнула ей вслед мисс Грир. Миссис Крейл оглянулась и произнесла: «Я скорее убью Эмиаса, чем отдам его тебе». – Хейл помолчал. – Весьма компрометирующее заявление, а?

– Да… – Пуаро задумчиво кивнул. – Кто при этом присутствовал?

– В комнате были мисс Уильямс и Филипп Блейк. Оба оказались в неловкой ситуации.

– Их показания совпадали?

– Были очень близки. Такого, чтобы два свидетеля одинаково вспомнили одно и то же событие, не бывает. Вы, месье Пуаро, знаете это не хуже меня.

Тот задумчиво кивнул.

– Да, будет интересно узнать… – Он не договорил.

– Я распорядился провести обыск в доме – и в спальне миссис Крейл, в нижнем ящике комода, нашли под зимними чулками пустой флакон из-под жасминовой воды. Я снял с него отпечатки пальцев, и они принадлежали миссис Крейл. Анализ показал незначительное присутствие масла жасмина – и концентрированного раствора гидро-

бромида кониина. Я предупредил миссис Крейл по всей форме и показал флакон. Она не стала запираться и объяснила, что была расстроена и, услышав рассказ мистера Мередита Блейка о цикуте, проскользнула в лабораторию, опорожнила флакон с жасминовым маслом, который был у нее с собой, и заполнила его раствором кониина. Я спросил, зачем она это сделала, и она ответила: «Не хочу говорить о некоторых вещах больше, чем необходимо, но я пережила сильный шок. Мой муж вознамерился уйти от меня к другой женщине. Если б это случилось, я предпочла бы умереть. Поэтому и взяла яд».

– Что ж, так вполне могло быть, – сказал, воспользовавшись паузой, Пуаро.

– Возможно, месье Пуаро. Но это не сходится с тем, что она говорила, когда ее подслушали. А потом была еще одна сцена, на следующее утро. Часть разговора слышал мистер Филипп Блейк, другую – мисс Грир. Сам разговор между мистером и миссис Крейл состоялся в библиотеке. Мистер Блейк находился в коридоре и уловил пару фрагментов. Мисс Грир сидела снаружи, неподалеку от открытого окна библиотеки, и слышала намного больше.

– И что же они слышали?

– Мистер Блейк слышал, как миссис Крейл сказала: «Ты и твои женщины. Убила бы… И когда-нибудь убью».

– И ни слова о самоубийстве?

– В том-то и дело. Ничего. Ничего вроде «только попробуй, и я покончу с собой». Примерно то же слышала и мисс Грир. Согласно ее показаниям, мистер Крейл сказал: «Постарайся отнестись к этому разумно. Я люблю тебя и всегда буду желать тебе добра. Тебе и ребенку. Но я собираюсь жениться на Эльзе. И мы с тобой давно договорились, что не будем ограничивать свободу друг друга». На это миссис Крейл ответила так: «Очень хорошо, только не говори потом, что я тебя не предупреждала». «Ты о чем?» – спросил он. «Я люблю тебя и не намерена терять. Я скорее убью тебя, чем позволю уйти к этой девице».

Пуаро покачал головой.

– Мне представляется, – сказал он, – что со стороны мисс Грир было неразумно поднимать этот вопрос. Миссис Крейл могла бы легко отказать мужу в разводе.

– У нас есть показания на этот счет, – заметил Хейл. – Похоже, миссис Крейл призналась кое в чем мистеру Мередиту Блейку. Он был ее давним верным другом и очень расстроился из-за скандала, а после полудня, улучив момент, коротко поговорил с мистером Крейлом. В разговоре мистер Блейк деликатно укорил друга и сказал, что будет крайне огорчен, если брак Крейлов разрушится столь печальным образом. Он также подчеркнул, что мисс Эльза Грир – очень юная особа, и вмешивать ее в бракоразводный процесс едва ли благоразумно. На это мистер Крейл ответил с ухмылкой, демонстрирующей его жестокость и черствость: «У Эльзы свои представления. Появляться в суде она не планирует. Уладим все как обычно».

– Тем более неосмотрительно со стороны мисс Грир делать такие опрометчивые заявления.

– Вы же знаете женщин! – сказал суперинтендант Хейл. – Всегда готовы вцепиться друг дружке в горло… В любом случае ситуация сложилась нелегкая. Непонятно, как мистер Крейл мог такое допустить. Если верить мистеру Мередиту Блейку, больше всего на свете он хотел закончить картину. Вы видите во всем этом какую-то логику?

– Да, друг мой, думаю, что вижу.

– А вот я – нет, не вижу. Получается, он сам искал для себя неприятностей.

– Возможно, мистер Крейл был очень недоволен юной особой, бездумно позволившей себе такие откровения.

– Это да. Мередит Блейк так и сказал. Уж если так хотел закончить портрет, почему бы не сделать несколько фотографий и работать с ними? Я знаю одного парня – пишет пейзажи акварелью, – он именно так и делает.

Пуаро покачал головой.

– Нет, нет. Я понимаю Крейла как художника. И вы, друг мой, должны понять, что для него в то время только картина и была важна. Как бы ни хотел Крейл жениться на девушке, портрет значил для него больше. Вот почему он надеялся закончить работу прежде, чем об их отношениях

станет известно. Мисс Грир, разумеется, видела все иначе. У женщин на первом месте всегда любовь.

– Мне ли не знать, – с чувством сказал суперинтендант Хейл.

– У мужчин все по-другому, – продолжал Пуаро, – особенно у художников.

– Художники! – суперинтендант презрительно фыркнул. – Все эти разговоры об искусстве… Никогда этого не понимал и никогда не пойму. Вы бы видели ту картину, что написал Крейл. Все скособоченное. Девушка у него выглядит так, будто у нее зубы болят, а стена кривая. Даже просто смотреть неприятно. Эта картина долго потом у меня перед глазами стояла. Даже снилась. Мало того, мне повсюду стали видеться стены и зубцы… Да, и женщины, конечно!

Пуаро улыбнулся.

– Друг мой, сами того не сознавая, вы только что воздали должное величию искусства Эмиаса Крейла.

– Чепуха. Почему человек не может нарисовать что-нибудь милое и приятное глазу? Зачем так стараться, мучиться, чтобы в результате выдать уродство?

– Некоторые из нас, mon cher, находят красоту в престранных местах.

– Та девушка выглядела очень даже неплохо, – заметил Хейл. – Макияжа многовато, а одежды почти ничего. Неприлично девушкам в таком виде разгуливать. И не забывайте, это же было шестнадцать лет назад. В наше время никто на это внимания не обратил бы, но тогда – да, меня это шокировало. Брюки, холщовая рубашка с открытым воротом – и ничего больше!

– Вижу, вам эти детали хорошо запомнились, – с лукавой улыбкой заметил Пуаро.

Суперинтендант Хейл покраснел.

– Я просто передаю свои тогдашние впечатления, – сухо сказал он.

– Конечно, конечно, – успокоил его детектив. – Итак, главными свидетелями, давшими показания против миссис Крейл, были Филипп Блейк и Эльза Грир?

– Да. И оба высказывались очень резко. Также обвинение вызвало в качестве свидетеля и гувернантку. Ее показания произвели большее впечатление, чем тех двоих. Видите ли, она была полностью на стороне миссис Крейл. Сражалась за нее. Но, как честная женщина, излагала все, как было, не пытаясь ничего изменить.

– А Мередит Блейк?

– Вся эта история ужасно его расстроила. А как иначе! Бедняга винил себя – ведь яд приготовил он. Мало того,

коронер тоже предъявил ему претензии, поскольку кониин значится в Списке Один Закона о ядовитых веществах. Мистер Мередит удостоился самого резкого порицания, а поскольку состоял в дружеских отношениях с обеими сторонами, то и удар получился для него вдвойне болезненным. К тому же сельскому джентльмену, всегда избегавшему публичного внимания, такого рода известность совсем ни к чему.

– Младшая сестра миссис Крейл давала показания?

– Нет, в этом не было необходимости. Она не слышала угроз сестры в адрес мужа и не могла сообщить ничего такого, что мы не узнали бы от других. Она видела, как миссис Крейл подходила к холодильнику и брала оттуда бутылку охлажденного пива, и, конечно, защита могла бы вызвать ее в суд, чтобы она сказала, что миссис Крейл сразу же отнесла бутылку вниз и ничего в нее не подливала. Но этот факт не имел значения, поскольку мы никогда и не утверждали, что в бутылке с пивом был кониин.

– Как же миссис Крейл удалось влить яд в стакан, а двое свидетелей ничего не заметили?

– Во-первых, они не смотрели. Мистер Крейл работал и смотрел на портрет мисс Грир. Она же позировала, сидя практически спиной к миссис Крейл, и смотрела в сторону мистера Крейла.

Пуаро кивнул.

– Вот я и говорю, что ни один из них на миссис Крейл не смотрел. Яд был у нее в пипетке – такой штуковине, которыми пользуются, чтобы заправлять чернилами авторучки. Осколки ее мы нашли на тропинке к дому.

– У вас на все есть ответ, – проворчал Пуаро.

– Перестаньте, месье Пуаро! Давайте без предвзятости. Она угрожает убить его. Крадет яд из лаборатории. Пустой флакон находят в ее комнате, и отпечатки пальцев на нем только ее. Она берет бутылку пива и несет ему в сад – любопытный факт, если вспомнить, что они как бы не разговаривают друг с другом…

– Очень интересная деталь. Я уже взял ее на заметку.

– Да. Тоже показательный момент. С чего бы вдруг такая любезность? Он пьет и жалуется на неприятный вкус – вкус у кониина действительно отвратительный. Далее она устраивает так, что сама находит тело и отсылает гувернантку позвонить по телефону. Зачем? Чтобы стереть свои отпечатки с бутылки и стакана, а затем прижать его пальцы. Потом уже можно придумать историю о том, что он раскаялся и, терзаясь угрызениями совести, покончил с собой. Вполне правдоподобно.

– Воображения здесь определенно не хватило.

– Я вам так скажу – она даже не потрудилась что-то сочинить. Ненависть и ревность помутили рассудок. Об одном только и думала: как бы его убить. Только потом, когда все

кончено, она наконец приходит в себя, видит его мертвым и внезапно сознает, что совершила убийство, а за убийство вешают. И тогда она в отчаянии хватается за единственное, что приходит в голову, – за версию самоубийства.

– То, что вы говорите, звучит вполне убедительно, – сказал Пуаро. – Ее мысли действительно могли пойти в этом направлении.

– В некотором смысле убийство было предумышленным и не было им. Знаете, я не верю, что она в самом деле все продумала. На мой взгляд, у нее что-то вроде затмения случилось.

– Интересно… – пробормотал Пуаро.

Хейл с любопытством посмотрел на детектива.

– Так я убедил вас, месье, что дело простое и ясное?

– Почти. Не совсем. Есть пара любопытных моментов…

– Можете предложить альтернативное решение? Такое, чтобы оно было логичным и убедительным?

– Что делали в то утро остальные? Кто где находился?

– Мы занимались этим, уверяю вас. Проверили каждого. Того, что можно назвать алиби, не было ни у кого – в делах с отравлением так обычно и бывает. Что, например, может помешать убийце дать намеченной жертве яд в капсуле и

сказать, что это лекарство от несварения, которое нужно принять перед ланчем, а потом уехать в другой конец Англии?

– Но вы же не думаете, что в нашем деле имело место нечто подобное?

– Мистер Крейл не страдал от несварения. И в любом случае я ничего такого здесь не вижу. Действительно, мистер Мередит Блейк имел обыкновение рекомендовать свои снадобья как панацею от всех хворей, но не похоже, чтобы мистер Крейл пробовал какое-то из них. А если бы пробовал, то, скорее всего, рассказал бы об этом, да еще и шутку отпустил бы.

К тому же зачем мистеру Мередиту Блейку желать смерти мистеру Крейлу? Все указывает на то, что они были в хороших отношениях. Как и все прочие. Мистер Филипп Блейк был его лучшим другом.

Мисс Грир была в него влюблена. Мисс Уильямс, как представляется, не одобряла его поведение, но моральное порицание не ведет к отравлению. Маленькая мисс Уоррен частенько ссорилась с ним – трудный возраст, да еще и школа впереди, – но оба они любили друг друга. В этом доме к ней все относились с особенной заботой и вниманием. Вы, наверное, уже слышали. Девочка сильно пострадала, когда была еще ребенком, от руки миссис Крейл, которая ранила ее в приступе ярости. Показательный эпизод, говорящий о том, как плохо она контролировала себя. Наброситься на ребенка, изувечить на всю жизнь!..

– Эпизод, показывающий, что Анжела Уоррен могла затаить зло на Каролину Крейл.

– Возможно, но не на Эмиаса Крейла. К тому же миссис Крейл была очень привязана к сводной сестренке – приютила ее после смерти родителей, заботилась и, как говорят, баловала. Девочка определенно ее любила. От суда ее держали подальше, ограждали по мере возможности от новостей, и, как я понимаю, особенно на этом настаивала миссис Крейл. Но девочка ужасно расстроилась и просила, чтобы ее отвели в тюрьму – повидаться с сестрой. Миссис Крейл разрешения не дала. Сказала, что такое свидание может плохо отразиться на психологическом состоянии. Позднее устроила так, чтобы Анжелу отдали в школу за границей.

Хейл помолчал.

– Мисс Уоррен многого добилась в жизни. Путешествует по всяким необычным местам. Выступает с лекциями в Королевском географическом обществе и все такое.

– И никто не вспоминает о суде?

– Во-первых, у нее другая фамилия. Даже девичьи фамилии у них разные. Они ведь сестры по матери, но не по отцу. Девичья фамилия миссис Крейл – Сполдинг.

– Мисс Уильямс, чьей она была гувернанткой?

– Анжелы. У ребенка была няня, но мисс Уильямс и с малышкой проводила небольшие уроки.

– Где в то время была девочка?

– Няня как раз повезла ее к бабушке, леди Трессильян. Та уже овдовела и сама потеряла двух маленьких дочерей, так что очень привязалась к внучке.

– Понятно, – Пуаро кивнул.

– Что касается других людей, находившихся в тот день в доме Крейлов, – продолжал Хейл, – то об их передвижениях я могу вам рассказать.

Мисс Грир после завтрака сидела на террасе, возле окна библиотеки. Там, как я уже сказал, она и подслушала разговор между Крейлом и его женой. Потом вместе с Крейлом спустилась в Батарейный сад и позировала ему до ланча, прервавшись пару раз, чтобы размяться.

Филипп Блейк остался после завтрака в доме и слышал, как ругались Крейлы. Когда Эмиас и мисс Грир ушли в сад, он читал газету, пока ему не позвонил брат. Они встретились на берегу и вместе направились к дому по тропинке, проходившей мимо сада. Также в дом отправилась и мисс Грир – стало прохладно, и она решила взять пуловер. Миссис Крейл осталась с мужем – обсудить приготовления к отъезду Анжелы в школу.

– А, дружеская беседа…

– Нет, далеко не дружеская. Крейл, насколько я понял, кричал на жену из-за того, что его беспокоят по мелочам. Как я понимаю, она хотела внести ясность в какие-то вопросы на случай возможного развода.

Пуаро кивнул.

– Братья перекинулись несколькими словами с Эмиасом, но тут пришла и заняла свое место на стене мисс Грир. Крейл снова взялся за кисть, ясно давая понять, что они лишние. Филипп и Мередит поняли намек и направились к дому. Кстати, еще когда братья были в Батарейном саду, Эмиас Крейл пожаловался, что пиво теплое, и жена пообещала прислать ему охлажденное.

– Ага!

– Вот именно – ага! Она выглядела слаще сахара. Братья поднялись к дому и сели на террасе. Миссис Крейл и Анжела Уоррен принесли им туда пиво. Немного позже Анжела отправилась купаться, а Филипп Блейк составил ей компанию.

Мередит Блейк спустился на полянку, где стояла скамья. Оттуда он видел мисс Грир у стены и слышал ее голос. Он сидел там, обдумывал неприятный случай с кониином, тревожился и не знал, что делать. В какой-то момент Эльза заметила его и помахала рукой.

Услышав сигнал к ланчу, Мередит Блейк прошел в Бата-

рейный сад и уже оттуда вместе с мисс Грир направился к дому. Тогда же он заметил, что Крейл выглядит очень странно, но не придал этому значения. Эмиас был из тех мужчин, которые никогда не болеют, и никому в голову не пришло, что ему нездоровится. С другой стороны, иногда на него находило, и тогда, если работа шла не так, как ему хотелось бы, он либо впадал в отчаяние, либо злился и бушевал. В такие моменты его следовало или оставить в покое, или по крайней мере стараться говорить с ним как можно меньше.

Вот то, что касается этих двоих.

Что до остальных, то слуги занимались домашними делами и подготовкой к ланчу. Мисс Уильямс провела часть утра в классной комнате, где проверяла тетради, а потом, захватив с собой рукоделие, отправилась на террасу. Анжела Уоррен гуляла утром по саду, лазала на деревья и лакомилась всем, что попадалось под руку, – сливами, кислыми яблоками, незрелыми грушами. В общем, вела себя как и полагается девочке пятнадцати лет. Потом она вернулась домой и, как я уже сказал, пошла с Филиппом Блейком на берег, успев искупаться до ланча.

Тут суперинтендант Хейл остановился и с вызовом посмотрел на Пуаро.

– Итак, что в этом представляется вам сомнительным?

– Ничего, – ответил тот. – Совершенно ничего.

– Ну вот!

Два слова – и как много сказано…

– Но все равно, – продолжал детектив, – я намерен убедиться в этом сам.

– И что же вы собираетесь делать?

– Я собираюсь повидать этих пятерых и услышать историю каждого из них.

Суперинтендант Хейл печально и глубоко вздохнул.

– Да вы рехнулись! Разумеется, их версии не совпадут. Неужели вы не понимаете? Это же элементарно. Вы не найдете и двух человек, которые сошлись бы в описании одного порядка действий. Тем более столько времени прошло… Вы получите пять рассказов о пяти разных убийствах!

– На это я и рассчитываю, – сказал Пуаро. – Будет над чем подумать.

Глава 6
Первый поросенок на рынок пошел

Узнать Филиппа Блейка было нетрудно – он выглядел точь-в-точь как описал его Монтегю Деплич. Преуспевающий, проницательный, бодрый, слегка склонный к полноте.

Встретиться договорились в половине седьмого субботнего вечера. Филипп Блейк только что прошел восемнадцать

лунок и закончил игру победителем, выиграв у противника пять фунтов. Теперь он пребывал в благодушном настроении и был настроен поболтать.

Эркюль Пуаро представился и объяснил цель визита. В данном случае он никак не выказал неукротимого стремления к незапятнанной истине. Из его объяснений Филипп Блейк понял, что речь идет о серии книг, посвященных громким преступлениям. Он нахмурился.

– Господи, кому это нужно?

Пуаро пожал плечами. Сегодня он всячески выставлял свою чужестранность и был готов терпеть презрение, но только в паре со снисходительностью.

– Публике. Она такое… да, проглатывает.

– Вампиры, – сказал Филипп Блейк, но прозвучало это добродушно, без брезгливости и отвращения, которые мог бы продемонстрировать человек более чувствительный.

Пуаро снова пожал плечами.

– Такова человеческая природа. Мы с вами, мистер Блейк, знаем мир и не питаем иллюзий в отношении наших близких. Большинство из них неплохие люди, но идеализировать их определенно не стоит.

– С иллюзиями я расстался уже давно, – с чувством заметил Блейк.

– Но, говорят, вы очень хороший рассказчик анекдотов.

– А! – Глаза у маклера заблестели. – Вот этот слышали?

В нужном месте Пуаро рассмеялся. Анекдот не отличался глубиной, но был вполне забавный.

Филипп Блейк откинулся на спинку кресла и расслабился. В уголках глаз проступили морщинки, и Пуаро вдруг подумал, что он напоминает довольного собой и жизнью поросенка.

Первый поросенок на рынок пошел…

Что же он собой представляет, этот Филипп Блейк? Человек, у которого, похоже, нет никаких забот. Преуспевающий, самодовольный. Ни покаянных мыслей, ни уколов совести за прошлое, ни тревожащих неотступных воспоминаний. Откормленный поросенок, который отправился на рынок и хорошо заработал…

Но когда-то, наверное, Филипп Блейк был другим. Молодым, приятной наружности. Глаза, конечно, и тогда были небольшие и близковато посажены, но в прочих отношениях вполне симпатичный, представительный молодой человек. Сколько ему сейчас? Предположительно, от пятидесяти до шестидесяти. Значит, тогда ему было около сорока. Еще не такой раздобревший, не столь увязший в мимолетных удовольствиях. Просивший от жизни больше и получавший, наверное, меньше.

– Вы, конечно, понимаете мое положение, – пробормотал, рассчитывая на удачу, Пуаро.

– Вообще-то, знаете ли, нет. – Брокер вдруг выпрямился, во взгляде промелькнула живость и острота. – Почему вы? Вы же не писатель?

– Нет, не писатель. Я – детектив.

Пожалуй, никогда еще эта реплика не звучала в исполнении Пуаро с такой скромностью.

– Ну конечно. И мы все это знаем. Знаменитый Эркюль Пуаро!

Насмешливая нотка все же проступила. Будучи англичанином до мозга костей, Филипп Блейк не мог всерьез принимать претензии иностранца. Своим приятелям он сказал бы так: «Забавный чудак. Полагаю, женщины принимают его фокусы на „ура“».

Хотя именно на такое, саркастично-покровительственное отношение и рассчитывал Пуаро, тон и реплика биржевого маклера задели его за живое. Он, Эркюль Пуаро, не произвел впечатления на этого удачливого дельца! Скандал.

– Весьма признателен за столь лестные слова, – поблагодарил, покривив душой, детектив. – Мои успехи, позвольте заметить, основаны на психологии, извечном почему человеческого поведения. Именно этот аспект преступ-

ления, мистер Блейк, интересует сегодня мир. Когда-то первенство отдавалось романтической стороне. Знаменитые преступления рассматривались лишь с точки зрения связанной с ними любовной истории. В наше время положение изменилось. Люди с интересом узнают, что доктор Криппен убил свою жену потому, что она была большой, шумной женщиной, а он – невзрачным, незаметным мужчиной, и вследствие такого несоответствия у него развилось ощущение неполноценности. Они читают о том, как некая известная преступница убила своего отца из-за того, что он оскорбил и унизил ее, когда ей было три года. Вот это почему и вызывает интерес у сегодняшней публики.

Филипп Блейк слегка зевнул.

– В большинстве случае это почему достаточно очевидно. Обычно преступления совершаются ради денег.

– Нет, нет, мой дорогой сэр! – воскликнул Пуаро. – Почему никогда не должно быть очевидно. В том-то все и дело.

– И здесь на сцену выходите вы?

– И здесь, как сказали, выхожу я! Поступило предложение показать некоторые преступления прошлого под психологическим углом. Психология в преступлениях – моя специальность. Я принял вызов.

Филипп Блейк усмехнулся.

– Выгодное дельце, полагаю?

– Надеюсь, что да.

– Примите мои поздравления. Может быть, теперь скажете, где здесь на сцену выхожу я?

– Конечно. Дело Крейл, месье.

Филипп Блейк не удивился. Но на его лице проступило задумчивое выражение.

– Да, конечно, дело Крейл…

– Оно ведь не вызывает у вас неприятных чувств? – забеспокоился Пуаро.

– Нет, конечно. – Филипп Блейк пожал плечами. – Что толку возмущаться тем, что не можешь остановить… Суд над Каролиной Крейл – общественное достояние. Написать о нем может любой. Возражать бесполезно. В каком-то смысле мне это очень не нравится. Эмиас Крейл был одним из моих лучших друзей. Жаль, что теперь всю эту отвратительную историю будут ворошить снова. Но такое случается.

– Вы – философ, мистер Блейк.

– Нет, нет. Просто я видел достаточно всего, чтобы не сражаться с ветряными мельницами. Надеюсь, вы подойдете к делу деликатнее, чем многие другие.

– По крайней мере я постараюсь писать тактично и со вкусом.

Филипп Блейк громко гоготнул, но прозвучало это совсем не весело.

– Смешно от вас такое слышать.

– Уверяю вас, мистер Блейк, это дело интересует меня по-настоящему. Деньги здесь отнюдь не главное. Я на самом деле хочу воссоздать прошлое, прочувствовать и увидеть события того дня, заглянуть за очевидное и представить мысли и чувства участвующих в драме актеров.

– По-моему, никаких особенных тонкостей и хитростей в этом деле нет. Все достаточно ясно. Примитивная женская ревность, и больше ничего.

– Мне было бы в высшей степени интересно, мистер Блейк, узнать вашу реакцию на это дело.

– Реакцию! Реакцию! – с внезапным жаром заговорил Филипп Блейк, лицо которого побагровело от нахлынувших чувств. – Не говорите так. Я же не просто стоял там и реагировал! Вы как будто не понимаете, что убили… отравили моего друга! И ведь я мог спасти его, если б действовал быстрее…

– Как вы пришли к такому заключению, мистер Блейк?

– А вот так. Насколько я понимаю, вы уже ознакомились с

фактами дела?

Пуаро кивнул.

– Очень хорошо. В то утро мне позвонил брат, Мередит. Он был в полном расстройстве. Пропала одна из его треклятых настоек. И не какая-нибудь, а смертельно опасная. Что же я сделал? Сказал, чтобы он пришел, и мы всё с ним обговорим. Решим, как нам быть. Как нам быть… Поверить не могу, что оказался таким глупцом! Нужно было сразу понять, что время терять нельзя. Пойти сразу же к Эмиасу и предупредить. Сказать: «Каролина украла у Мередита яд. Вам с Эльзой надо быть начеку».

Блейк поднялся и в волнении прошелся по комнате.

– Боже мой… Думаете, я не прокручивал это все десятки раз у себя в голове? Я знал. Я мог спасти его, но потерял время, дожидаясь Мередита! Как я мог не сообразить, что Каролина не станет ни колебаться, ни малодушничать… Она взяла яд, чтобы воспользоваться им, и воспользовалась при первой же возможности. Она не стала ждать, пока Мередит обнаружит пропажу. Я знал – разумеется, знал, – что Эмиасу угрожает смертельная опасность, и ничего не сделал!

– Думаю, вы напрасно корите себя, месье. Времени у вас было немного и…

Филипп Крейл перебил его:

– Мало времени? Предостаточно. У меня было множество вариантов. Я мог пойти к Эмиасу, пусть даже он не поверил бы мне. Таких, как Эмиас, нелегко убедить, что им угрожает опасность. Он бы только посмеялся, потому что никогда не понимал, какая ведьма эта Каролина. Но я мог бы пойти и к ней. Мог бы сказать: «Я знаю, что ты задумала. Знаю, что ты планируешь сделать. Но если кто-то, Эмиас или Эльза, умрет от отравления кониином, тебя повесят». Это ее остановило бы. Или, в конце концов, я мог позвонить в полицию. Да что там, многое можно было сделать… Но вместо этого я послушался Мередита, призывавшего не спешить и действовать осторожно. «Нужно убедиться… обговорить… удостовериться, кто мог ее взять…» Чертов идиот! Так и не смог за всю жизнь принять ни одного скорого решения. Повезло, что он старший сын и поместье досталось ему. Если бы пришлось зарабатывать самому, наверняка потерял бы все до последнего пенни.

– У вас не было сомнений относительно того, кто взял яд? – спросил Пуаро.

– Конечно, не было. Сразу понял, что это дело ее рук. Понимаете, я хорошо знал Каролину.

– Интересно. Мне тоже хотелось бы знать, что представляла собой Каролина Крейл.

– Она вовсе не была той оскорбленной невинностью, какой считали ее люди во время суда! – резко заявил Блейк.

– Тогда какой она, по-вашему, была?

– Вы действительно хотите знать? – спросил он, снова усаживаясь в кресло.

– Очень.

– Каролина была мерзавкой. Дрянью. Но при этом, имейте в виду, обладала шармом. И такими милыми манерами… Люди ей верили. Со стороны казалась хрупкой, беспомощной. Все хотели ей помочь. Я когда-то увлекался историей, читал… думаю, Каролина во многом походила на Марию, королеву Шотландии. Всегда милая, несчастная и привлекательная, а на самом деле холодная, расчетливая женщина, интриганка, спланировавшая убийство Дарнли[12] и сумевшая выйти сухой из воды. Да еще и характер отвратительный, злобный… Не знаю, рассказали вам или нет – на суде этому случаю значения не придали, но он многое о ней говорит, – что она сделала с младшей сестрой? Каролина была ужасно ревнива. Когда ее мать снова вышла замуж, все ее внимание и забота перешли на маленькую Анжелу. Каролина не стерпела и даже попыталась убить малышку, ударив ее кочергой по голове. К счастью, удар оказался не смертельным. Но в любом случае это было отвратительно.

– Действительно.

– В этом поступке – настоящая Каролина. Ей во всем нужно было быть первой. Остальное ее просто не устраивало. А еще сидел в ней такой жестокий демон эгоизма, который, если его растревожить, мог и на убийство толкнуть.

Многие считали ее импульсивной, но на самом деле Каролина была расчетливой. Еще девочкой, бывая в Олдербери, она наблюдала за нами и составляла планы. Своих денег Каролина никогда не имела. Меня в расчет не принимала – младший сын, у которого впереди своя дорога… Забавно. Теперь-то я, наверное, мог бы и Мередита купить, и Крейла, будь он жив. Сначала она вроде как на Мередита нацелилась, но потом все-таки сделала ставку на Эмиаса. Рано или поздно ему достался бы Олдербери, и хотя больших денег поместье не обещало, Каролина понимала, что у него большой талант художника. В общем, она поставила не только на гениальность, но и на будущий финансовый успех. Поставила и выиграла. Признания долго ждать не пришлось. Модным мастером Эмиас не стал, но его талант признавали, и картины продавались хорошо. Вы его работы видели? У меня здесь есть одна. Пойдемте, посмóтрите.

Хозяин провел гостя в столовую и указал на левую от входа стену.

– Вот. Это Эмиас.

Пуаро молча смотрел на полотно, дивясь тому, как может человек наполнить своей магией столь обычную, избитую тему. Ваза с розами на полированном столе красного дерева. Избитый сюжет. Но каким неистовым, почти до неприличия буйным пламенем полыхали цветы! Само полированное дерево вибрировало, словно живое. Как объяснить волнение, возбуждаемое картиной? А она вол-

новала. Пропорции стола наверняка огорчили бы суперинтенданта Хейла, который еще и пожаловался бы, что роз такого цвета просто не бывает. А потом еще долго пытался бы понять, чем ему так не понравились розы и почему его раздражают столы красного дерева.

Детектив вздохнул.

– Да, всё здесь.

– Сам я в искусстве ничего не понимаю, – проворчал, поворачиваясь к выходу, Филипп Блейк. – Не знаю, чем эта вещь так мне нравится, но вот смотрю и смотрю… Хороша, черт возьми.

Пуаро согласно кивнул.

Блейк предложил гостю сигарету и закурил сам.

– И вот человек, написавший эти розы, человек, написавший «Женщину с шейкером» и удивительное, до боли пронзительное «Рождение Иисуса», этот человек погибает в расцвете творческих и жизненных сил по прихоти мелочной, злобной, мстительной женщины!.. – Он помолчал. – Вы скажете, что я резок и необъективен в отношении Каролины. У нее был шарм – я сам это чувствовал. Но также знал, знал всегда, ту настоящую женщину, что пряталась за ширмой очарования. И эта женщина воплощала зло, жестокость и жадность.

– Мне, однако, говорили, что миссис Крейл приходилось

многое терпеть и со многим мириться в семейной жизни.

– Да, так; и разве она не растрезвонила об этом сама! Выставляла себя мученицей! Бедный старина Эмиас… Его семейная жизнь была одним сплошным адом. Точнее, была бы, если б не одно исключительное обстоятельство. Искусство. Оно не предавало, и в нем он находил убежище. Беря в руку кисть и становясь к мольберту, забывал обо всем – о Каролине, ее вечных придирках и недовольстве, о постоянных распрях и ссорах. Поверьте, этому не было конца. Недели не проходило без какой-нибудь шумной стычки по любому поводу. Ей это нравилось. Ссоры служили ей стимулятором, давали выход эмоциям. Она выплескивала все обиды и претензии и нисколько при этом не сдерживалась. А потом ходила, довольная собой, и только что не мурлыкала, как обласканная, сытая кошечка. Но из него скандалы высасывали все соки. Он хотел мира и покоя, тихой жизни. Конечно, таким, как Эмиас, жениться вообще не следует – он не был создан для семьи. Романы, увлечения – да, но никаких семейных уз. Они сковывают и душат.

– Мистер Крейл сам говорил вам об этом?

– Как сказать… Он знал, что я – его верный друг. Ничего от меня не скрывал. Не жаловался. Не в его это было характере. Мог иногда поворчать – мол, черт бы побрал этих женщин… Или сказать что-нибудь вроде: «Никогда не женись, старина. Подожди, еще попадешь в ад после этой жизни»…

– Вы знали о его увлечении мисс Грир?

– Да, знал. По крайней мере, видел, как все начиналось. Эмиас сказал, что познакомился с чудесной девушкой. Сказал, что она другая, не такая, как те, с кем он встречался раньше. Я тогда не обратил особого внимания на эти слова. Эмиас постоянно знакомился с женщинами, о которых говорил, что они «другие». Правда, уже через месяц, когда при нем упоминали ту или иную особу, он смотрел на вас большими глазами и спрашивал, о ком идет речь! Но Эльза Грир действительно была другая. Я понял это, когда приехал в Олдербери на несколько дней. Она подцепила его на крючок, бедняга ел с ее руки.

– Вам не нравилась Эльза Грир?

– Нет, не нравилась. Определенно хищница. Хотела, чтобы Эмиас принадлежал только ей, полностью и без остатка. И все же я думаю, что она подходила ему лучше, чем Каролина. Возможно, заполучив Эмиаса и убедившись, что он принадлежит ей, она оставила бы его в покое. Или же – такое тоже не исключено – устала бы от него и нацелилась на кого-то еще. Лучше всего для Эмиаса было бы вообще не путаться с женщинами.

– Но такой вариант, похоже, был бы ему не по вкусу?

– Этот болван постоянно находил приключения себе на голову… – Филипп Блейк вздохнул. – Причем вообще-то женщины значили для него немного. За всю жизнь только две и произвели на него впечатление – Каролина и Эльза.

– Как он относился к девочке? – спросил Пуаро.

– К Анжеле? Мы все ее любили. Такая молодчинка… Постоянно что-то придумывала. Бедная гувернантка, вот уж кому тяжко приходилось… Так вот, Эмиас любил Анжелу, но иногда она заходила слишком далеко, и он ужасно на нее злился. Вот тогда и вмешивалась Каролина. Она всегда принимала сторону Анжелы, и это окончательно добивало Эмиаса. Он терпеть не мог, когда они объединялись против него. Как видите, в доме было слишком много ревности. Эмиасу не нравилось, что Каро всегда ставит Анжелу на первое место и готова ради нее на все. Анжеле не нравилось, что Эмиас всеми командует. Именно он решил отправить ее осенью в школу, и девочка злилась на него из-за этого. Не потому, что ей не нравился план со школой – вообще-то она хотела поехать, – а потому, что Эмиас решил все в одиночку, не поговорив с ней. В отместку Анжела устраивала всякие штучки. Однажды, например, подложила ему в постель с десяток слизней. Вообще-то, как мне кажется, Эмиас был прав: девочку пора было приучать к дисциплине. Даже мисс Уильямс, при всем своем опыте, признавала, что не всегда может справиться с подопечной.

Он замолчал.

– Когда я спрашивал, как Эмиас относился к девочке, я имел в виду его собственную дочь, – сказал Пуаро.

– Вот как? Вы про малышку Карлу? Да, ее любили все. И Эмиас, когда был в настроении, с удовольствием играл с

ней. Но любовь к дочери не помешала бы ему жениться на Эльзе, если вы это имели в виду. Какого-то особенного чувства он к ней не испытывал.

– А Каролина была очень привязана к девочке?

В лице Филиппа Блейка что-то дрогнуло, его как будто исказил тик.

– Не могу сказать, что она была плохой матерью. Нет, не могу. Это единственное…

– Да, мистер Блейк?

– Это единственное, что вызывает у меня сожаление, – медленно, словно через силу, сказал Блейк. – Мысль о ребенке. Такая трагедия для ее молодой жизни… Девочку отослали за границу, к кузине Эмиаса и ее мужу. Надеюсь… очень надеюсь, что им удалось уберечь ее от правды.

Пуаро покачал головой.

– Правда, мистер Блейк, имеет обыкновение сама выходить наружу. Даже по прошествии лет.

– Хотелось бы мне знать… – пробормотал маклер.

– В интересах правды, – продолжал детектив, – хочу попросить вас сделать кое-что.

– Что же?

– Я хотел бы, чтобы вы подробно описали все, что происходило в те дни в Олдербери. То есть я прошу представить мне полный отчет об убийстве и сопутствовавших ему обстоятельствах.

– Но, мой дорогой друг, прошло столько времени… В отчете будет полно неточностей.

– Вовсе не обязательно.

– Определенно.

– Нет. С течением времени мозг сохраняет важное и отсекает второстепенное.

– Так вам нужно по возможности полное изложение фактов?

– Вовсе нет. Мне нужно доскональное и добросовестное описание всех имевших место событий и всех разговоров, которые вы слышали.

– А если я запомнил их неверно?

– Постарайтесь сделать все, что в ваших силах. Пробелы наверняка возникнут, но с этим ничего не поделаешь.

Блейк с любопытством посмотрел на него.

– Но в чем идея? Документы из полицейских архивов да-

дут вам гораздо более точное представление обо всем.

– Нет, мистер Блейк. Мы говорим сейчас о психологической точке зрения. Мне не нужны голые факты. Мне нужны факты, отобранные вами. Ответственность за отбор ляжет на время и вашу память. Возможно, было что-то такое – поступки, слова, – что не попало в полицейские отчеты. Я говорю о тех поступках и словах, которые вы сочли незначительными, о которых не упомянули и которые предпочли бы не вспоминать.

– Этот мой отчет будет опубликован? – резко спросил Блейк.

– Совершенно точно нет. Его прочту только я. И он поможет мне сделать собственные выводы.

– Вы не будете цитировать его без моего согласия?

– Нет.

– Хмм… Я очень занятой человек, месье Пуаро.

– Понимаю, это потребует времени и усилий. Я с радостью выплачу вам гонорар… в разумных пределах.

Последовала секундная пауза, после чего Филипп Блейк выпалил:

– Нет, если я сделаю это, то бесплатно.

– Так вы сделаете?

– Помните, – предупредил Блейк, – я не могу поручиться за точность моей памяти.

– Я прекрасно это понимаю.

– В таком случае я сделаю это с удовольствием, поскольку чувствую себя в некотором смысле… обязанным Эмиасу Крейлу.

Глава 7
Второй поросенок дома остался

Эркюль Пуаро никогда не пренебрегал мелочами. Готовясь нанести визит Мередиту Блейку, детектив тщательно все продумал и пришел к выводу, что тактика внезапного удара, сработавшая в случае с Филиппом Блейком, здесь не годится. Наступать стоит неспешно.

Пуаро понимал, что проникнуть в крепость можно только одним способом: предъявить старшему из братьев надежные рекомендации. Причем не от коллег по профессии, а от людей, известных в местном обществе. К счастью, за годы карьеры Эркюль Пуаро обзавелся знакомствами во многих графствах. В том числе и в Девоншире. Проведя ревизию имеющихся ресурсов, он обнаружил двух человек, бывших то ли знакомыми, то ли друзьями Мередита Блейка. Так что в наступление Пуаро пошел, вооруженный двумя письмами: от леди Мэри Литтон-Гор[13], вдовы с ограниченными средствами, живущей в полном уединении, и от одного отставного адмирала, семья которого обосновалась

в графстве четыре поколения назад.

Мередит Блейк встретил гостя в состоянии легкого недоумения. Времена менялись, все было не так, как раньше. Черт возьми, когда-то частные детективы были частными детективами – их нанимали, чтобы охранять подарки на сельских свадьбах; к ним обращались – с чувством неловкости, – когда случалось что-то неприятное, неприличное, и требовалось выяснить, что именно… Но тут в руках у него была записка от леди Мэри Литтон-Гор, в которой говорилось: «Эркюль Пуаро – мой очень старый и дорогой друг. Пожалуйста, помогите ему, чем можете, хорошо?» А леди Мэри Литтон-Гор была не из тех женщин, которые обычно ассоциируются с частными детективами и всем, что с этим связано. Адмирал Кроншоу писал: «Очень хороший парень, абсолютно надежный. Буду признателен, если сделаете для него все возможное. В высшей степени забавный, знает множество интересных историй».

И вот теперь этот самый тип перед ним. Престранная личность – одет чудно́, ботинки на пуговичках, какие-то невероятные усы… Явно не в его, Мередита Блейка, вкусе. Похоже, никогда в жизни не охотился, не стрелял и в приличные игры не играл. Иностранец.

Стараясь не выдать себя улыбкой, Эркюль Пуаро с легкостью читал эти самые мысли в голове старшего из братьев Блейк.

Проезжая на поезде через западные графства, он чувствовал, как поднимается его собственный интерес. Вскоре ему

предстояло собственными глазами увидеть то место, где все когда-то случилось. Здесь, в Хэндкросс-Мэнор, жили два брата; отсюда они ходили в Олдербери, где шутили и смеялись, играли в теннис и дружили с юным Эмиасом Крейлом и девушкой, которую звали Каролина. Именно отсюда в то трагическое утро отправился в Олдербери Мередит. Шестнадцать лет назад.

Пуаро с интересом посмотрел на человека, встретившего его с вежливым беспокойством. Все было именно так, как и следовало ожидать. На первый взгляд Мередит Блейк ничем не отличался от любого другого английского сельского джентльмена, стесненного в средствах и проводящего много времени на открытом воздухе. Старый, поношенный костюм из харрисского твида, загрубевшее, обветренное, но приятное лицо с несколько поблекшими голубыми глазами, слабый рот, наполовину скрытый всклокоченными усами. Старший брат заметно отличался от младшего: неуверенные манеры, неспешный мыслительный процесс. Такое впечатление, что с годами у одного брата темп жизни замедлялся, а у другого возрастал. Пуаро уже понял, что торопить этого человека не надо. Неспешный ритм жизни сельской Англии был у Мередита Блейка в крови. И выглядел он намного старше младшего брата, хотя, если вспомнить, что говорил мистер Джонатан, разделяло их не больше двух-трех лет.

Как обращаться с людьми старой закалки, Пуаро хорошо знал. Выдавать себя за англичанина определенно не следовало. Нет, нужно оставаться иностранцем и надеяться на великодушное прощение. «Конечно, эти чужаки ни в чем

толком не разбираются. Перед завтраком тянет руку – поздороваться… Но все ж таки парень симпатичный».

Именно такое впечатление о себе и старался создать Пуаро. Мужчины осторожно поговорили о леди Мэри Литтон-Гор и адмирале Кроншоу. Прозвучали и другие имена. К счастью, Пуаро знал чью-то кузину и встречался с чьей-то невесткой. Глаза его собеседника как будто потеплели. Иностранец знал нужных людей.

Ловко и изящно, без нажима, детектив повернул разговор к цели своего визита. И вовремя среагировал на попытку увернуться. Увы, книга будет написана. Мисс Крейл – теперь мисс Лемаршан – ждет, что он проведет редакторскую правку. К сожалению, сами факты уже стали общественным достоянием, но представить их таким образом, чтобы избежать болезненных для впечатлительных натур подробностей, еще возможно. Тут Пуаро скромно добавил, что в прошлом ему удавалось, взывая к благоразумию, добиться изъятия определенных пикантных моментов из неких мемуаров.

Мередит Блейк побагровел от злости и принялся набивать трубку. Рука его при этом едва заметно дрожала.

– Омерзит-тельно коп-паться в таких вещах, – слегка запинаясь, заявил он. – П-почему они не могут оставить все как есть?

Пуаро пожал плечами.

– Согласен с вами. Но ничего не поделаешь. Такого рода вещи пользуются спросом. И каждый волен реконструировать доказанное преступление и давать ему свои комментарии.

– Какое бесстыдство…

– Увы, – Пуаро вздохнул, – мы живем не в самый деликатный век. Вы бы удивились, мистер Блейк, узнав, сколько пренеприятнейших публикаций мне удалось… скажем так… смягчить. И сейчас я хочу сделать все возможное, чтобы пощадить чувства мисс Крейл.

– Малышка Карла, – пробормотал Мередит Блейк. – Бедный ребенок! Взрослая женщина… Верится с трудом.

– Я знаю. Время летит, не правда ли?

– Слишком быстро, – Мередит Блейк также вздохнул.

– Как вы уже поняли из письма от мисс Крейл, ей не терпится узнать как можно больше о печальных событиях прошлого.

– Зачем? Зачем снова это ворошить? – с ноткой раздражения произнес Блейк. – Не лучше ли предать все забвению?

– Вы говорите так, потому что слишком хорошо знаете прошлое. Не забывайте, что мисс Крейл не знает ничего. То есть ей известно только то, что изложено в официаль-

ных источниках.

Мередит Блейк поморщился.

– Да, конечно. Я и забыл. Бедняжка… В каком она ужасном положении… Какой шок ждет ее, когда она узнает правду… И эти бездушные, сухие протоколы суда…

– Правду невозможно оценить только на основании судебных отчетов. Значение имеет то, что не попало на их страницы. Эмоции, чувства, характеры участников драмы. Смягчающие обстоятельства…

Пуаро остановился, и хозяин поместья тут же заполнил паузу, как актер, получивший от суфлера знак подать реплику.

– Смягчающие обстоятельства! Именно так. Если и были когда-либо смягчающие обстоятельства, то именно в этом деле. Эмиас Крейл – мой давний друг, наши семьи знакомы несколько поколений, но надо признаться, он вел себя, откровенно говоря, возмутительно. Конечно, он был художником, и это как бы все объясняет. Но что есть, то есть – своим поведением он допустил в высшей степени невозможную ситуацию. Она абсолютно неприемлема для любого приличного человека.

– Интересно, что вы так говорите, – заметил Пуаро. – Меня эта ситуация озадачила. Не пристало воспитанному, благородному человеку распространяться о своих романах.

Худощавое, застывшее в нерешительности лицо Мередита Блейка ожило.

– Оно так, но в том-то и дело, что Эмиас никогда не был обычным, заурядным человеком! Он был художником; на первом месте для него всегда стояла живопись – и иногда это проявлялось самым необычайным образом! Я не понимаю так называемых творческих людей, никогда их не понимал… Но Крейла, конечно, немного понимал, потому что знал его всю жизнь. Наши родители были людьми одного сорта. И сам Крейл был во многих отношениях таким же – обычным стандартам он не соответствовал лишь в том, что касалось искусства. Он не был любителем. Он был по-настоящему первоклассным художником. Некоторые называют его гением. Возможно, они правы.

Но в результате у него всегда случался перекос. Когда он начинал писать картину, все остальное отходило на второй план, никому и ничему не позволялось отвлекать его и мешать. Эмиас жил словно во сне. Работа поглощала его целиком. И только закончив полотно, он приходил в себя и постепенно возвращался к обычной жизни.

Мередит Блейк вопросительно посмотрел на Пуаро, и последний кивнул.

– Вижу, вы понимаете, что я хочу сказать. Думаю, это объясняет, почему возникла такая ситуация. Эмиас влюбился в девушку. Хотел на ней жениться. Ради нее был готов бросить супругу и ребенка. Но он начал писать картину и хотел закончить ее. Все остальное было неважно. Он и не

замечал этого остального. Да, ситуация сложилась нестерпимая для обеих женщин, но ему было не до них.

– Понимал ли кто-то из них его точку зрения, его состояние?

– Да, полагаю, в каком-то смысле его понимала Эльза. Она восторгалась его живописью, но ей приходилось нелегко – по вполне понятным причинам. Что же касается Каролины…

Он остановился.

– Да, действительно. Для Каролины… – подал голос Пуаро.

– Каролина… – словно преодолевая какое-то затруднение, продолжил мистер Мередит Блейк. – Я всегда… она всегда мне нравилась. Одно время я даже надеялся жениться на ней. Но надежда жила недолго. Тем не менее я всегда, если так можно выразиться, оставался ее преданным слугой.

Пуаро задумчиво кивнул. Эта слегка старомодная фраза, как ему показалось, самым точным образом характеризовала сидящего перед ним человека. Мередит Блейк был из тех мужчин, которые с готовностью посвящают себя благородному романтическому служению без малейшей надежды на какое-либо вознаграждение. Это в его натуре.

– Вас, должно быть, возмущало такое отношение к ней с его стороны? – осторожно подбирая слова, спросил детек-

тив.

– Да. Конечно. Я даже выговаривал Крейлу по этому поводу.

– Вот как? И когда же?

– Буквально накануне. Перед тем, как все случилось. Они пришли сюда на чай. Я отвел Крейла в сторонку и выразил ему свое мнение. Даже сказал, помнится, что он поступает бесчестно в отношении их обеих.

– О, вы так и сказали?

– Да. Видите ли, мне казалось, что он не понимает. Не отдает себе отчета.

– Возможно.

– Я сказал, что он ставит Каролину в совершенно невыносимое положение. Если он намерен жениться на той девушке, то не должен позволять ей оставаться в доме и унижать Каролину. Я сказал, что это непростительное оскорбление.

– И что же он ответил? – полюбопытствовал Пуаро.

– Сказал, что Каролине «придется это проглотить», – с нескрываемой неприязнью процитировал Мередит Блейк.

Детектив вскинул брови.

– Не очень-то достойный ответ.

– Отвратительный и оскорбительный. Помнится, я вышел из себя и сказал, что если он не любит жену, то ему наплевать и на ее страдания, но при чем тут девушка? Разве он не понимает, в какое незавидное положение ставит ее?.. И что же Эмиас? Заявил, что и ей тоже придется это проглотить. А потом добавил: «Ты, кажется, не понимаешь, что эта картина – лучшее из всего, что я создал. Она хороша, говорю тебе. И пара ревнивых и вздорных дамочек ее не испортят. Нет, черт возьми, не испортят».

Разговаривать с ним было бесполезно. Я сказал, что он забыл об элементарном приличии. Что живопись – далеко не всё.

Тут он меня перебил: «Для меня – всё».

Я не мог успокоиться, сказал, что его отношение к Каролине – это позор. Он бесчестит ее, и она несчастна с ним. Эмиас сказал, что все понимает и ему очень жаль. Жаль!

«Знаю, Мерри, – сказал он мне, – ты не веришь, но это правда. Из-за меня Каролина живет в аду, но она – святая и не жалуется. И к тому же, думаю, представляла, на что себя обрекает. Я в самом начале откровенно сказал, с каким эгоистом и раздолбаем ей придется иметь дело».

Я настоятельно рекомендовал ему не ломать семейную жизнь, подумать о ребенке и всем остальном. Сказал, что

да, такая девушка, как Эльза, может сбить мужчину с толку, но даже ради нее самой он должен с ней порвать. Она слишком молода, бросилась в омут с головой, но потом опомнится и горько пожалеет. Посоветовал собраться, взять себя в руки, порвать с Эльзой и вернуться к жене.

– И что он ответил?

– Вроде бы смутился. Похлопал меня по плечу, сказал: «Хороший ты парень, Мерри, но чересчур сентиментальный. Подожди, пока закончу картину, и сам признаешь, что я прав».

«Пошли к черту картину», – ответил я. Он усмехнулся и сказал, что это «не по силам всем невротичкам в Англии». Я заметил, что было бы пристойнее до окончания картины сохранить отношения с Эльзой в тайне от Каролины. Эмиас заявил, что он не виноват, что это Эльза всем вокруг растрезвонила, что, мол, иначе будет нечестно, а ей нужно, чтобы все было ясно и откровенно. В каком-то смысле понять девушку можно. Как бы дурно себя ни вела, она хотя бы старалась быть честной и уже за одно только это заслужила уважение.

– Честность нередко лишь добавляет боли и печали, – заметил Эркюль Пуаро.

Мередит Блейк посмотрел на него с сомнением, как если бы эта мысль пришлась ему не по вкусу, и вздохнул.

– Мы все переживали не самое лучшее время.

– Похоже, единственным, на ком это никак не отразилось, был Эмиас Крейл, – сказал детектив.

– А почему? Потому что он был законченным эгоистом. Помню, напоследок ухмыльнулся и сказал: «Не тревожься, Мерри, все уладится!»

– Неисправимый оптимист, – проворчал Пуаро.

– Такие, как он, не принимают женщин всерьез. Мне следовало бы предупредить его, что Каролина дошла до последней черты.

– Она сама вам так сказала?

– Словами – нет, но мне навсегда запомнилось ее лицо в тот день. Бледное и напряженное под маской напускного веселья. Говорила не умолкая, смеялась, но глаза… Такой боли, такой скорби я еще не видел. Трогательное зрелище. Какое нежное, хрупкое создание…

Минуту или две Пуаро молча смотрел на человека, явно не замечавшего несоответствия между своими словами и тем фактом, что они относятся к женщине, уже на следующий день намеренно убившей своего мужа.

Между тем Мередит Блейк продолжал. К этому времени он уже преодолел первоначальную подозрительность и враждебность в отношении гостя. Пуаро умел слушать, а его собеседник с удовольствием пользовался возможнос-

тью еще раз пережить прошлое. Теперь он обращался уже скорее к себе самому, чем к слушателю.

– Наверное, я должен был заподозрить неладное. Именно Каролина повернула разговор на мое маленькое хобби. Надо признаться, оно меня захватило. Изучать старых английских травников – огромное удовольствие. В былые времена для медицинских целей использовалось множество растений, которые впоследствии исчезли из официальной фармакопеи. И разве не удивительно, что простой отвар может творить настоящие чудеса! Половине больных не требуется никакой врач. Французы знают толк в таких вещах – у них есть первоклассные отвары.

Мередит увлекся своей любимой темой, и его понесло.

– Взять хотя бы чай из одуванчиков – изумительный напиток. Или отвар шиповника… Недавно прочитал где-то, что он снова входит в моду у медиков. Да, должен признаться, эта стряпня доставляет мне огромное удовольствие. Сбор растений в правильное время, высушивание одних, вымачивание других и все прочее… Признаюсь, иногда поддаюсь суеверию – выкапываю корешки в полночь или когда там советуют старики… Помню, в тот день я рассказал гостям о болиголове крапчатом, которому посвятил специальное изыскание. Цветет он два раза в год. Ягоды следует собирать в период созревания, перед тем как они пожелтеют. Из них получают кониин, настой которого, по-моему, даже не упоминается в последнем справочнике лекарственных растений, но я доказал его пользу при коклюше и, если уж на то пошло, при астме…

– Обо всем этом вы рассказывали, находясь в лаборатории?

– Да, я показал им помещение, объяснил действие различных препаратов – например, валерианы, так привлекающей кошек, и для привыкания к которой им достаточно понюхать ее один только раз. Они спрашивали о красавке или сонной дури, и я рассказал о белладонне и атропине. Все слушали с интересом.

– Слушали? Кого вы имеете в виду?

Мередит Блейк немного даже удивился, словно забыл, что его слушатель не был в тот день в его лаборатории.

– О… да вся компания. Позвольте… Да, был Филипп, был Эмиас и, конечно, Каролина. Анжела. И Эльза Грир.

– И всё?

– Да. Думаю, что всё. Точно. Уверен. – Блейк с любопытством посмотрел на детектива. – А кто еще должен был быть?

– Я подумал, что, может быть, гувернантка…

– Понимаю. Нет, в тот день ее с ними не было. Боюсь, забыл ее имя… Приятная женщина. Очень серьезно относилась к своим обязанностям. Полагаю, с Анжелой ей приходилось нелегко.

– Почему?

– Девчушка была милая, но иногда на нее будто затмение находило. Частенько вытворяла такое… Однажды, когда Эмиас работал над картиной, забросила улитку ему за шиворот. Так он прямо-таки взвился. Клял ее на чем свет стоит. Вот после того случая Эмиас и настоял, чтобы ее отправили в школу.

– Отправили в школу?

– Да. Не хочу сказать, что он ее не любил, но хлопот с ней хватало. И я думаю… всегда думал…

– Да?

– По-моему, он немного ревновал. Видите ли, Каролина исполняла все ее прихоти, словно прислуга. Анжела всегда и во всем была для нее на первом месте. Естественно, Эмиасу такое положение не нравилось. На то была своя причина. Не стану вдаваться в детали, но…

– Вы имеете в виду, – прервал его Пуаро, – что Каролина упрекала себя за поступок, в результате которого Анжела получила увечье?

– Так вы знаете? – воскликнул Блейк. – Я не стал бы упоминать об этом… История давняя, все прошло и забыто. Но да, думаю, причина такого поведения Каролины крылась именно в этом. Она не забыла – и, похоже, считала,

что никогда не сможет искупить вину.

Пуаро задумчиво кивнул.

– А что Анжела? Таила ли она обиду на сестру?

– Нет, нет, даже не думайте. Анжела была очень привязана к ней и, я уверен, никогда не вспоминала тот случай. Нет, это Каролина не могла простить себя.

– Как Анжела отнеслась к идее поехать в школу-интернат? Ей нравилось это предложение?

– Нет, ничуть. Она ужасно злилась на Эмиаса. Каролина приняла ее сторону, но Эмиас уперся и не отступал. При всей горячности он не был тяжелым человеком, но порой лез в бутылку, и тогда уже уступали остальные. Подчиниться пришлось и Каролине с Анжелой.

– И когда она отправлялась в школу?

– Осенью. Помню, ее уже начали собирать. Наверное, если б не трагедия, Анжела уехала бы уже через несколько дней. Помнится, был какой-то разговор о том, чтобы собрать вещи утром…

– А гувернантка? – спросил Пуаро.

– Что вы имеете в виду?

– Как она отнеслась к предстоящему отъезду подопечной?

Ей ведь грозила потеря работы.

– Вообще-то, да. Она проводила какие-то занятия с Карлой, но мало. Девочке было тогда… сколько? Лет шесть или около того. У нее была няня. Ради одной Карлы мисс Уильямс держать не стали бы… Да, вот и вспомнил. Мисс Уильямс. Забавно. Говоришь о чем-то и вспоминаешь забытое…

– Действительно. Вы ведь сейчас словно в прошлое вернулись? Переживаете какие-то моменты – чьи-то слова всплывают, жесты, выражения лиц?

– Да, отчасти, – медленно произнес Мередит Блейк. – Но, знаете, есть и пробелы. Каких-то больших кусков недостает. Помню, например, как меня шокировало известие, что Эмиас намерен бросить Каролину, но от кого я это узнал – от него самого или от Эльзы, – не помню… Еще помню, как спорил с Эльзой, пытался убедить, что поступать так неприлично. Но она только рассмеялась по-свойски, дерзко и холодно, и назвала меня старомодным. Да, наверное, я старомоден, но думаю, что прав. У Эмиаса были жена и ребенок, ему следовало оставаться с ними.

– Но мисс Грир считала такую точку зрения несовременной?

– Да. Впрочем, не забывайте, шестнадцать лет назад на развод смотрели иначе. Но Эльза была из тех девушек, которые стремятся быть современными. В ее представлении если двое несчастливы вместе, им лучше расстаться. Она

сказала, что Эмиас и Каролина постоянно ссорятся и что девочке не следует расти в атмосфере дисгармонии.

– Вас ее аргументы убедили?

– Меня не оставляло ощущение, что мисс Грир не вполне понимает, о чем говорит. – Мередит Блейк на секунду задумался. – Тараторила, повторяла то, что прочитала где-то или услышала от кого-то, как попугай. Может быть, это странно прозвучит, но выглядела она… жалкой. Такая юная и такая самоуверенная… – Он снова помолчал. – В юности, месье Пуаро, бывает что-то ужасно трогательное.

Детектив с интересом посмотрел на него.

– Я понимаю, о чем вы говорите.

Словно не слыша его, Мередит Блейк продолжал:

– Думаю, отчасти поэтому я и отчитывал Крейла. Он был лет на двадцать старше Эльзы, и мне это казалось несправедливым.

– Увы, повлиять на кого-то, переубедить получается так редко, – заметил Пуаро. – Когда человек все для себя решил и выбрал определенный курс, отвлечь его нелегко.

– Вы правы, – согласился Мередит Блейк, и в его голосе прозвучала нотка горечи. – Ни к чему хорошему мое вмешательство не привело. С другой стороны, я не мастер

убеждать. Никогда им не был.

Пуаро бросил на собеседника быстрый взгляд. В этой горечи он расслышал неудовлетворенность впечатлительного человека собственной слабохарактерностью и невыразительностью.

Приходилось признать, Мередит Блейк дал верную оценку самому себе. Его благонамеренные попытки были встречены снисходительно и спокойно, без возмущения, но твердо и решительно отметены. Им недоставало основательности. Сам Мередит Блейк был человеком совершенно неубедительным.

– Вы ведь сохранили эту вашу лабораторию? – спросил Пуаро, стремясь в первую очередь сменить болезненную для хозяина поместья тему.

– Нет, – коротко, с какой-то резкой, мучительной торопливостью бросил Мередит Блейк, и лицо его потемнело. – Я все забросил. Разобрал. Не мог больше этим заниматься после случившегося. Ведь это же и моя вина тоже.

– Нет, нет, мистер Блейк, вы слишком близко принимаете все к сердцу.

– Но разве вы не понимаете? Если б я не собирал эти треклятые травы, не хвастал ими, не привлекал к ним внимание… Но мне и в голову не могло прийти… я и подумать не мог…

– Действительно.

– Но я болтал и не мог остановиться. Хвастал своими скромными познаниями. Слепой, тщеславный глупец… Растрепался про кониин и даже – вот идиот! – отвел их в библиотеку и прочел отрывок из «Федона» с описанием смерти Сократа. Прекрасное творение – я всегда им восхищался, – но с тех пор оно не дает мне покоя.

– На бутыли с кониином нашли отпечатки пальцев?

– Да, ее.

– Каролины Крейл?

– Да.

– Не ваши?

– Нет. Я бутылку не трогал, только указал на нее.

– Но раньше-то вы брали ее в руки?

– Да, конечно, но время от времени я протирал бутылки от пыли, потому что прислуге входить туда не разрешалось. В последний раз я делал это дня за три или четыре до их визита.

– Вы запирали лабораторию на ключ?

– Всегда.

– Когда Каролина взяла кониин из бутылки?

– Из комнаты она вышла последней, – неуверенно ответил Мередит Блейк. – Помню, я еще окликнул ее, и она быстро вышла. Выглядела вроде бы немного взволнованной – щеки порозовели, зрачки расширены… Господи, я как будто вижу ее сейчас…

– Вы разговаривали с ней в тот день? – спросил Пуаро. – Обсуждали с миссис Крейл ситуацию между ней и ее мужем?

– Непосредственно – нет, – негромко ответил Блейк. – Мне показалось, что она очень расстроена чем-то, и когда мы остались наедине, спросил: «Что-то случилось, моя дорогая? Что-то не так?». «Всё не так», – ответила она. Слышали б вы, какое отчаяние прозвучало в ее голосе… Эмиас Крейл был для нее всем, целым миром. «Все кончено, Мередит. Мне конец». И вдруг она рассмеялась и повернулась к остальным – снова беспричинно и неуемно веселая…

Пуаро задумчиво покачал головой, став вдруг похожим на китайского болванчика.

– Да, понимаю… так было…

Мередит Блейк вдруг хлопнул ладонью по столу и заговорил громко, повысив голос едва ли не до крика:

– И вот что я вам скажу. Когда на суде Каролина Крейл

сказала, что взяла яд для себя, она сказала правду! В ту минуту она не думала об убийстве. Я могу поклясться. Это пришло позднее.

– Уверены, что оно пришло позднее? – спросил детектив.

Блейк растерянно уставился на гостя.

– Прошу прощения? Не совсем понял…

– Я спрашиваю, уверены ли вы, что она вообще думала об убийстве? Уверены ли вы, что Каролина Крейл совершила преднамеренное убийство?

Мередит Блейк разволновался так, что даже дыхание его сбилось.

– Но если не… если не… то есть вы предполагаете… своего рода несчастный случай?

– Необязательно.

– То, что вы говорите… это невероятно…

– Неужели? Вы сами назвали Каролину Крейл нежным созданием. Разве нежные создания совершают убийства?

– Она действительно была нежным созданием, но все равно… между ними случались бурные ссоры.

– То есть она не была таким уж нежным созданием?

– Конечно, была, но… Ох, как же трудно объяснить некоторые вещи!

– Я пытаюсь понять.

– Каролина была резкая, несдержанная, могла сказать что-то, не думая, вроде «Ненавижу тебя… так бы и убила». Но это ничего не значило, слова не влекли за собой действий.

– Итак, вы считаете, что убийство – это действие, нехарактерное для миссис Крейл?

– Вы так умеете все повернуть, месье Пуаро… Могу сказать только, что да, для нее это не характерно. Объяснение, на мой взгляд, только одно: ее спровоцировали. Каролина обожала мужа. В таких обстоятельствах… да, женщина может… убить.

Пуаро кивнул:

– Да. Согласен.

– В первый момент новость меня ошеломила. Я чувствовал, что такого просто не может быть… это неправда. В некотором смысле так оно и было – убийство совершила не настоящая Каролина.

– Но вы уверены – в юридическом смысле, – что Эмиаса убила Каролина Крейл?

Мередит Блейк снова уставился на него.

– Мой дорогой, если это сделала не она…

– Да, если это сделала не она?

– Иного варианта я представить не могу. Несчастный случай? Нет, это невозможно.

– Совершенно невозможно.

– Но и поверить в версию самоубийства я тоже не могу. Выдвинуть ее пришлось защите, но никого, кто знал Крейла, она не убедила.

– Совершенно верно.

– И что же тогда остается? – спросил Мередит Блейк.

– Остается вероятность того, что Эмиаса Крейла убил кто-то другой, – спокойно сказал Пуаро.

– Но это же абсурд!

– Вы так думаете?

– Я в этом уверен. Кто еще мог желать его смерти? Кто мог убить его?

– Вам лучше знать.

– Нет, серьезно, вы же не думаете…

– Может быть, и нет. Мне интересно изучить возможность такого варианта. Подумайте и вы как следует. А потом скажите мне.

Минуту или две Мередит смотрел на гостя в упор. Потом опустил глаза. А еще через минуту покачал головой.

– Никакой возможной альтернативы я представить не могу. Как бы ни хотел. Будь хотя бы одна причина подозревать кого-то еще, я с готовностью поверил бы в невиновность Каролины. Я не хочу думать, что она убила Крейла. Я не могу этому поверить. Но если не она, то кто? Филипп? Лучший друг Крейла. Эльза? Смешно. Я? Неужели я похож на убийцу? Гувернантка? Приличная, уважаемая женщина? Старые, верные слуги? Может быть, вы предположите, что это сделала Анжела?.. Нет, месье Пуаро, альтернативы просто не существует. Никто не мог убить Эмиаса Крейла, кроме его жены. Но он сам довел ее до этого. Да, в некотором смысле имело место самоубийство.

– В том смысле, что он умер в результате собственных действий, хотя и не от своей руки?

– Да, возможно, точка зрения несколько необычная. Но, как вам известно, есть причина и есть следствие.

– А вам не приходило в голову, мистер Блейк, что причину убийства почти всегда можно установить, изучая личность убитого?

– Вообще-то нет, но… да, я понимаю, что вы имеете в виду.

– До тех пор, пока вы не установите, что за человек был убитый, вы не сможете представить во всей полноте обстоятельства преступления, – сказал Пуаро. – Именно этим я и занимаюсь. Вы с братом немало помогли мне воссоздать образ человека, которого звали Эмиас Крейл.

Из всего сказанного гостем внимание Мередита Блейка привлекло лишь одно-единственное слово.

– С Филиппом? – быстро спросил он.

– Да.

– Вы уже разговаривали с моим братом?

– Конечно.

– Вам следовало прийти сначала ко мне, – резко заметил Блейк.

Слегка улыбнувшись, Пуаро учтиво склонил голову.

– Если следовать законам первородства, то так оно и есть. Я знаю, что вы – старший. Но ваш брат живет неподалеку от Лондона, и мне было легче сначала нанести визит ему.

Продолжая хмуриться, Мередит Блейк потянул себя за

нижнюю губу и недовольно повторил:

– Вам следовало прийти сначала ко мне.

На этот раз Пуаро промолчал. Он ждал. И Блейк продолжил:

– Филипп настроен предвзято.

– Да?

– Вообще, он ко многому относится с предубеждением. – Мередит бросил на гостя быстрый взгляд. – Он пытался настроить вас против Каролины?

– Разве это так важно теперь? Столько времени прошло…

– Знаю. – Блейк коротко вздохнул. – Я и забыл, что все это было так давно… что всё в прошлом. Ей уже никто не в силах навредить. И все же мне не хотелось бы, чтобы у вас сложилось о ней неверное представление.

– А вы полагаете, что такое представление могло сложиться у меня после разговора с вашим братом?

– Если откровенно – да. Видите ли, в отношениях между ними всегда присутствовал… как бы это назвать? – определенный антагонизм.

– Почему?

Мередит Блейк отреагировал на вопрос с заметным раздражением.

– Почему? Откуда ж мне знать, почему? Так сложилось. Филипп всегда, при каждой возможности цеплялся к ней, старался задеть. Думаю, ему не понравилось, что Каролина вышла за Эмиаса. Он больше года у них не показывался. И тем не менее Эмиас был его лучшим другом. Наверное, в этом и была причина. Он чувствовал, что эта женщина недостаточно хороша для его друга. И, вероятно, также чувствовал, что под влиянием Каролины дружба даст трещину.

– Так и случилось?

– Нет. Конечно, нет. Эмиас всегда оставался верен их дружбе… до самого конца. Бывало, попрекал моего брата за стремление заработать, шутил, что тот, мол, брюшко отпускает и вообще становится филистером. Филипп, как правило, только отмахивался и говорил, что если б не он, то у Эмиаса в друзьях не было бы ни одного уважаемого человека.

– Как ваш брат воспринял его увлечение Эльзой Грир?

– Знаете, мне даже трудно сказать… Так сразу и не определишь. Думаю, его раздражало, что Эмиас выставляет себя таким глупцом из-за девушки. Не раз и не два говорил, что ничего из этого не получится и что Эмиас еще пожалеет. И в то же время мне казалось – да, определенно так оно и было, – что где-то в глубине души он втайне радуется уни-

жению Каролины.

Пуаро вскинул брови.

– Вы уверены?

– Только не поймите меня неправильно. Да, такое ощущение – что он этому рад – у меня было, но не более того. Не уверен, что он сам отдавал себе ясный отчет в своих чувствах. У нас с ним не так уж много общего, но между кровными родственниками есть некая связь. Часто случается так, что один брат знает, что думает другой.

– А после трагедии?

Мередит Блейк покачал головой. Лицо его дрогнуло, словно от болевого спазма.

– Бедняга Фил… Его это ужасно подкосило. Просто разбило. Он всегда был предан Эмиасу. В этом, наверное, присутствовал некоторый элемент поклонения герою. Мы с Эмиасом одногодки, Филипп на два года моложе, и на Эмиаса он всегда смотрел снизу вверх. Так что да, удар Филипп пережил тяжелый и к Каролине теплых чувств не питал.

– Но и сомнений в ее виновности не испытывал?

– Сомнений не испытывал никто из нас.

Некоторое время оба молчали.

– Ну вот, все, как говорится, быльем поросло, а теперь вы приезжаете и ворошите… – с раздражающей заунывностью, свойственной слабохарактерным людям, затянул Блейк.

– Не я. Каролина Крейл.

Мередит ошеломленно уставился на него.

– Каролина? Вы о чем?

– Каролина Крейл-младшая, – пояснил Пуаро, внимательно наблюдая за собеседником.

– А, да, девочка… Малышка Карла. Мне на секунду показалось…

– Вы подумали, что я имею в виду старшую Каролину? Что ей – как это говорят? – покоя нет в могиле?

Мередит Блейк слегка поежился.

– Не надо так.

– А вы знаете, что она написала дочери в последнем письме? Она написала, что невиновна.

Мередит недоверчиво взглянул на Пуаро.

– Каролина так написала?

– Да. – Детектив помолчал. – Вы удивлены?

– Вы бы тоже удивились, если б видели ее в суде. Несчастная, затравленная, беззащитная бедняжка… Она даже не пыталась защищаться.

– Признала свое поражение?

– Нет, нет. Она была не такой. Полагаю, дело было в другом, в осознании того, что она убила любимого человека. По крайней мере, так я тогда думал.

– Теперь вы уже не столь уверены?

– Написать такое, находясь при смерти…

– Ложь во благо, – предположил Пуаро.

– Возможно, – неуверенно протянул Мередит. – На Каролину не похоже…

Детектив кивнул. То же самое сказала Карла Лемаршан. Она полагалась только на своевольную память ребенка, но Мередит Блейк знал Каролину хорошо. И теперь Пуаро получил первое подтверждение тому, что на мнение Карлы можно положиться.

Блейк медленно поднял голову.

– Если… если Каролина невиновна… но тогда вся история

– чистейшее безумие! Я… Я не вижу другого возможного решения. – Он резко повернулся к Пуаро. – А вы? Что вы думаете?

Ответ последовал не сразу.

– Пока что я не думаю ничего, – сказал наконец детектив. – Я собираю впечатления. Какой была Каролина Крейл. Что представлял собой Эмиас Крейл. Что за люди окружали их тогда. Что именно случилось в те два дня. Вот что мне нужно. Прилежно и внимательно перебрать один за другим факты. В этом мне поможет ваш брат. Я жду от него отчет о событиях, как он их помнит.

– Многого не ждите, – бросил Мередит. – Филипп – человек занятой. В памяти у него мало что задерживается; как говорится, сделано – забыто. Не исключено, что он и вспомнит все не так.

– Да, пробелы, конечно, будут. Я это понимаю.

– Говорю вам… – Мередит осекся; покраснев, продолжил: – Если хотите, я мог бы сделать то же самое. В том смысле, что вы могли бы сверить два варианта, ведь так?

– Это было бы кстати, – с благодарностью сказал Пуаро. – Прекрасная идея!

– Хорошо. Я так и поступлю. У меня где-то еще сохранились старые дневники. Только имейте в виду… – Мередит смущенно рассмеялся. – Я не очень-то в ладах с литера-

турным языком. Боюсь, даже орфография оставляет желать лучшего. Вы ведь многого ждать не станете?

– Нет, мне нужен не стиль. Обычное перечисление фактов, как вы их помните. Кто что сказал. Кто как выглядел. Что случилось. Неважно, если какие-то события покажутся вам незначительными. Все это помогает, так сказать, воссоздать атмосферу.

– Да, понимаю. Нелегко, должно быть, представлять людей и места, которые никогда не видел…

Пуаро кивнул.

– Хочу попросить вас еще кое о чем. Олдербери ведь соседствует с вашим поместьем, если не ошибаюсь? Нельзя ли побывать там, своими глазами увидеть место трагедии?

Мередит Блейк медленно кивнул.

– Я могу отвести вас туда прямо сейчас. Но, конечно, там многое изменилось…

– Что-то перестроили?

– Нет, слава богу, ничего такого. Теперь там что-то вроде хостела – принадлежит какому-то обществу. Летом туда стекаются толпы молодежи, так что помещения поделены на крохотные комнатушки, и на территории многое переделано.

– Вы объясните мне, как все было?

– Постараюсь. Жаль, вы не видели его в то время… Одно из самых чудесных поместий, которые я знаю.

Они вышли из комнаты через застекленную дверь и зашагали вниз по склону.

– Кто занимался продажей поместья?

– Исполнители завещания, действовавшие от имени дочери. Все, что принадлежало Крейлам, перешло ей. Эмиас никаких распоряжений не оставил, так что, как мне представляется, его состояние подлежало разделу между женой и ребенком. Каролина передала свою долю дочери.

– И ничего – сводной сестре?

– Анжела получила какие-то деньги от отца.

– Понятно. – Пуаро кивнул и, оглядевшись, воскликнул: – Но куда же вы меня ведете? Ведь впереди только берег!

– Полагаю, мне придется объяснить вам нашу географию. Через минуту вы увидите всё сами. Вот там – залив, его называют здесь Кэмел-крик. Поскольку он вдается глубоко в сушу, то может показаться устьем реки, но это не так. Чтобы попасть в Олдербери по суше, нужно обогнуть залив, но есть и путь более короткий – напрямик через залив, по мелководью, на лодке. Олдербери как раз напротив – вон

там, его даже можно рассмотреть за деревьями.

Мужчины вышли на небольшой пляж. На противоположной стороне, за лесистым мысом, виднелся белый дом. На берегу лежали две лодки, и Мередит Блейк столкнул одну из них в воду. Пуаро тоже принял в этом посильное участие.

– В прежние времена мы всегда пользовались этим способом, – объяснил Мередит. – Если, конечно, не шел дождь или море не штормило. В ином случае брали автомобиль. Если идти по суше, получается около трех миль.

Направляемая им лодка изящно проскользнула к каменному причалу на другом берегу залива. Мередит Блейк скользнул снисходительным взглядом по деревянным домишкам и бетонным террасам.

– Это все новое. Когда-то здесь стоял только полуразвалившийся лодочный сарай, и ничего больше. Мы шли по берегу вон туда, к тем камням, и там купались.

Он помог гостю выбраться на сушу, подтянул из воды лодку, и они продолжили путь по круто уходящей вверх тропинке.

– Не думаю, что мы встретим там кого-то. В апреле сюда никто не приезжает. Разве что на Пасху. А если и встретим, то неважно. Я с соседями в хороших отношениях. Солнце сегодня чудесное, словно летом. И тогда день стоял прекрасный… Как будто и не сентябрь был на дворе, а июль.

Яркое солнце, но, правда, ветерок прохладный.

Тропинка выбежала из рощицы и повернула, обходя каменистый выступ. Мередит поднял руку.

– А вон там та самая Батарея. Мы сейчас под ней; обойдем сбоку.

Мужчины снова вошли в рощицу, а потом тропинка сделала еще один крутой поворот, и они оказались у встроенных в высокую стену ворот. Тропинка бежала зигзагом дальше и выше, но Мередит открыл ворота. Пуаро на мгновение остановился, ослепленный ярким солнцем.

Батарейный сад представлял собой искусственное плато с зубчатой стеной и пушкой. Казалось, он нависает над морем. Выше и позади высились деревья, но со стороны моря не было ничего, кроме сияющей внизу голубой водной глади.

– Приятное местечко, – сказал Мередит и презрительно кивнул в направлении павильона у задней стены. – Ничего этого здесь, конечно, не было – только старый сарай, где Эмиас держал свои принадлежности и бутылочное пиво и где стояли несколько шезлонгов. И бетона никакого тоже не было – только скамья и стол из крашеного железа. Больше ничего. И все же изменилось немногое.

Голос его слегка дрогнул.

– Это случилось здесь? – спросил Пуаро.

Мередит кивнул.

– Скамья стояла вон там, возле сарая. На ней Эмиас и лежал. Он часто так делал, когда работал, – ложился и смотрел на картину, а потом вскакивал, хватал кисть и начинал как сумасшедший наносить краску на холст. Поэтому, когда я его увидел, он выглядел вполне естественно. Словно прилег и уснул. Вот только глаза были открыты и окоченение уже началось. Эта штука, она, знаете ли, вызывает что-то вроде паралича. Никакой боли. Я всегда думал, хорошо, что вот так…

– Кто его нашел? – спросил Пуаро, хотя и знал уже ответ.

– Она. Каролина. После ланча. А последними его видели живым, наверное, мы с Эльзой. Яд, должно быть, уже начал действовать, и Эмиас выглядел как-то странно… Не буду об этом говорить, я вам лучше напишу. Мне так легче.

Мередит резко повернулся и вышел из Батарейного сада. Пуаро молча последовал за ним. Извилистая тропинка привела их на еще одно плато – со столом и скамьей, расположившееся в тени деревьев.

– Здесь мало что изменилось. Вот только скамья была не в стиле старого доброго рустика, а обыкновенная металлическая, крашеная. Сидеть жестко, но зато какой чудесный вид.

С последним Пуаро согласился. За решеткой деревьев проглядывал Батарейный сад и весь склон до самого залива.

– Я провел здесь часть утра, – объяснил Мередит. – Деревья тогда разрослись еще не так, как сейчас. Зубчатая стена была вся на виду. Там и позировала Эльза. Сидела на башенке, повернув голову. – Мередит пожал плечами. – Кто бы мог подумать, что деревья растут так быстро… Да, наверное, я старею. Пойдемте дальше.

Теперь тропинка привела их к красивому старому дому в георгианском стиле.

– Молодые люди спят там, а девушки в доме, – объяснил Мередит. – Думаю, ничего такого, что вы захотели бы увидеть, здесь нет. Все комнаты разделены. Здесь помещалась небольшая теплица. Новые владельцы построили лоджию. Наверное, проводят здесь выходные. Сохранить все в прежнем виде невозможно, а жаль.

Он отвернулся.

– Спустимся по другой дорожке. Знаете, все возвращается… Призраки прошлого. Повсюду призраки.

К причалу вернулись другим путем, более длинным и запутанным. Мередит Блейк молчал, и Пуаро, из уважения к его настроению, тоже не произнес ни слова.

Они уже подходили к Хэндкросс-Мэнор, когда Мередит вдруг сказал:

– Знаете, я ведь купил ту картину. Ту, которую писал тогда Эмиас. Не мог допустить, чтобы ее выставили на публичную продажу и чтобы толпа каких-то мерзких скотов пялилась на нее. Прекрасная вещь. Эмиас называл ее лучшей из всего написанного им – и, возможно, был прав. Картина практически закончена. Он только хотел поработать над ней еще денек-другой… Не желаете взглянуть?

– Да, конечно, – тут же отозвался Пуаро.

Блейк пересек холл, достал из кармана ключ и открыл дверь. Переступив порог, они оказались в просторной, но душной, с запахом пыли комнате. Мередит подошел к окну, распахнул деревянные ставни и с видимым усилием поднял раму. Теплый, с весенними ароматами воздух хлынул в помещение.

– Вот так лучше.

Мередит остался у окна, и Пуаро присоединился к нему. Спрашивать, что это за комната, не пришлось. Полки были пусты, но сохранились следы от стоявших на них бутылок. Возле одной из стен, у раковины, лежали какие-то химические приборы. Все покрывал слой пыли.

– Как легко все возвращается, – заговорил, глядя из окна, Мередит. – Я стоял здесь, на этом самом месте, вдыхал запах жасмина и говорил, говорил, как самый последний глупец, о своих драгоценных снадобьях!..

Пуаро рассеянно протянул руку и отломил веточку с раскрывшимися листьями жасмина.

Мередит прошел через комнату к висевшей на стене картине и резким движением сорвал укрывавшую ее пыльную мешковину. У Пуаро перехватило дыхание. До сих пор он видел четыре картины Эмиаса Крейла: две – в лондонской галерее Тейт, одну – у некоего столичного артдилера и натюрморт с розами. Но теперь перед ним была работа, которую сам художник назвал лучшей, и Пуаро сразу понял, каким первоклассным мастером был Эмиас Крейл.

Гладко наложенный верхний слой отливал глянцем. Кричаще резкие контрасты придавали картине сходство с плакатом. На серой каменной стене, на фоне пронзительно-синего моря, под яркими лучами солнца сидела девушка в желтой рубашке канареечного цвета и темно-синих слаксах. Обычная для постера тема.

Но первое впечатление было обманчивым; поразительная яркость и чистота света создавали эффект легкого искажения. И девушка…

Да, казалось, она вобрала в себя все богатство жизни, молодости, бьющей через край энергии. Сияющее лицо и глаза… Столько жизни! Столько страстной, чувственной юности! Все это Эмиас Крейл увидел в Эльзе Грир, и то, что он увидел, ослепило его и оглушило, затмило то нежное, хрупкое создание, каким была его жена. Эльза и была самой жизнью. Эльза и была самой юностью. Тонкая, изящная, дерзкая… совершенная, она сидела, гордо

вскинув голову, глядя на мир глазами триумфатора. Она смотрела на вас, наблюдала за вами и… ждала. Пуаро раскинул руки.

– Прекрасно! Да, прекрасно!

– Она была так молода… – Голос у Мередита Блейка сорвался.

Пуаро кивнул. Что имеют в виду люди, когда говорят это? Так молода… Что-то невинное, трогательное, беззащитное. Но молодость не такая! Она – другая. Молодость груба, сильна и жестока. Да, жестока! И еще она уязвима.

Он проследовал за Мередитом к двери. Картина оживила его интерес к Эльзе Грир, которая была следующей на очереди. Что сделали годы с той страстной, жестокой, горделивой девушкой?

Пуаро оглянулся и еще раз посмотрел на картину.

Глаза… Они следили за ним… следили… И говорили ему что-то.

Может быть, он не в состоянии понять, что именно они говорят? А скажет ли живая, реальная женщина? Или эти глаза говорят нечто такое, чего она сама не знает?

Это высокомерие, это предвкушение триумфа.

А потом на сцену выступила Смерть и выхватила добычу

из жадных, цепких юных рук.

И свет в этих торжествующих победу глазах померк.

Какие они сегодня, глаза Эльзы Грир?

Бросив последний взгляд, Пуаро вышел из комнаты.

Она была слишком живая.

Ему вдруг стало не по себе от страха.

Глава 8
Третий поросенок наелся до отвала

В цветочных ящиках дома на Брук-стрит распустились тюльпаны. От стоявшей в холле огромной вазы с белыми лилиями к открытой двери устремились волны душистого аромата.

Средних лет дворецкий принял у Пуаро шляпу и трость, которые тут же перехватил подоспевший лакей.

– Не будете ли вы столь любезны проследовать сюда, сэр? – почтительно предложил дворецкий.

Пуаро прошел за ним через холл и спустился на три ступеньки вниз. Дверь открылась, и дворецкий объявил имя гостя, четко и безошибочно произнеся каждый слог. Дверь закрылась у него за спиной. Сидевший в кресле у камина высокий сухощавый мужчина поднялся и шагнул навстречу детективу.

Лорду Диттишему было около сорока, и он не только носил титул пэра, но и был поэтом. Две его стихотворные драмы, перенесенные ценой немалых затрат на театральную сцену, имели succès d'estime[14]. Высокий, выпуклый лоб, энергичный подбородок и неожиданно красивый рот привлекали внимание к его лицу.

– Садитесь, месье Пуаро.

Детектив сел и принял предложенную хозяином сигарету. Закрыв портсигар, лорд Диттишем, чиркнул спичкой, подержал ее, пока гость прикуривал, после чего сел сам и задумчиво посмотрел на гостя.

– Знаю, вы пришли повидать мою жену.

– Леди Диттишем любезно согласилась встретиться со мной.

– Да.

Последовала пауза, прервать которую рискнул Пуаро:

– Надеюсь, лорд Диттишем, вы не станете возражать?

Вспыхнувшая вдруг улыбка преобразила тонкое, мечтательное лицо.

– В наши дни возражения мужей никто всерьез не принимает.

– Так вы возражаете?

– Нет. Не могу сказать, что возражаю. Но, должен признаться, немного тревожусь за нее. Буду с вами откровенен. Много лет назад, когда моя жена была юной девушкой, ей выпало тяжкое испытание. Надеюсь, она оправилась от пережитого шока. Я даже полагал, что все уже забыто. И вот появляетесь вы, и ваши вопросы, несомненно, пробудят те давние воспоминания…

– Мне очень жаль, – вежливо сказал Пуаро.

– Я не знаю, каким будет результат вашего разговора…

– Могу лишь уверить вас, лорд Диттишем, что сделаю все возможное, чтобы не расстроить вашу супругу. Она, несомненно, натура тонкая и легко возбудимая.

Совершенно неожиданно и к полнейшему удивлению Пуаро его собеседник рассмеялся.

– Эльза? Да она здорова, как лошадь.

– Тогда… – Пуаро не договорил. Ситуация складывалась любопытная.

– Моя жена перенесет любой шок. А вот знаете ли вы, почему она согласилась принять вас?

– Из любопытства? – предположил Пуаро.

В глазах лорда Диттишема мелькнуло уважение.

– Ага, так вы догадались…

– Это легко. Женщины всегда соглашаются встретиться с частным сыщиком! Мужчины же нередко посылают его ко всем чертям.

– Некоторые женщины могут поступить так же.

– Да, но только после разговора с ним, а не до.

– Возможно. – Лорд Диттишем помолчал. – Откуда эта идея издать книгу?

Пуаро пожал плечами.

– Кто-то воскрешает старинные мелодии, кто-то – старинные постановки и костюмы. Некоторые воскрешают давние убийства.

– Фу!

– Фу… Можно и так сказать. Но человеческую природу вы этим не переделаете. Убийство – трагедия. А жажда трагедии присуща людям.

– Я знаю… знаю… – прошептал лорд Диттишем.

– Так что, поймите, книга будет написана. Моя же задача

заключается в том, чтобы не допустить грубых искажений и фальсификации установленных фактов.

– Насколько я понимаю, факты – это общественное достояние.

– Да. Факты, но не их интерпретация.

– Что вы хотите этим сказать? – резко спросил лорд Диттишем.

– Видите ли, одно и то же событие можно рассматривать по-разному. Вот пример. О Марии, королеве Шотландской, написано множество книг. В одних она изображена мученицей, в других – беспринципной и развратной женщиной, в третьих – святой простушкой, в четвертых – убийцей и интриганкой или же жертвой обстоятельств и судьбы. Каждый вправе выбирать сам.

– А в данном случае? Крейла убила его же супруга – это, конечно, неоспоримо. Во время суда моя жена подверглась, как я считаю, незаслуженным оскорблениям, стала мишенью для клеветы. Из здания суда ее пришлось выводить тайком. Общественное мнение было настроено крайне враждебно.

– Англичане – люди высокоморальные.

– К дьяволу их! – Лорд Диттишем посмотрел на Пуаро и добавил: – А вы?

– Я веду очень добродетельный образ жизни. Но это не совсем то же самое, что иметь высокие моральные принципы.

Хозяин дома кивнул.

– Иногда я задаюсь вопросом, что на самом деле представляла собой миссис Крейл. Этот образ оскорбленной жены… У меня такое чувство, что за ним стояло нечто другое.

– Может быть, ваша жена могла бы рассказать…

– Моя жена ни разу и ни единым словом не упомянула то дело.

Пуаро взглянул на него с живым интересом.

– Ага, теперь я понимаю…

– Что вы понимаете?

– Творческое воображение поэта… – Детектив почтительно склонил голову.

Лорд Диттишем поднялся, позвонил в колокольчик и отрывисто бросил:

– Моя жена примет вас.

Дверь открылась.

– Вы звонили, милорд?

Мягкий ковер на лестнице. Приглушенный свет. Деньги, деньги повсюду. А вот вкуса определенно недоставало. В комнате лорда Диттишема царила строгая простота. На остальной части дома лежала тяжелая печать роскоши. Только самое лучшее. Не обязательно самое эффектное или самое удивительное. Просто – «расходы не важны» и недостаток воображения.

– Наелся до отвала? Да, до отвала, – пробормотал Пуаро.

Комната, в которую его провели, не отличалась внушительными размерами. Большая гостиная располагалась на первом этаже. В этой, малой, своих гостей принимала хозяйка дома, и когда Пуаро предложили войти, она уже стояла у камина.

Она умерла молодой…

Фраза эта первой пришла на ум, когда он увидел Эльзу Диттишем, бывшую некогда Эльзой Грир. В этой женщине не осталось ничего от девушки с картины, которую показал ему Мередит Блейк. Там был прежде всего портрет юности, портрет жизненной энергии. Здесь же ничего не осталось, словно и не было никогда.

Однако теперь Пуаро увидел то, чего не заметил на картине Крейла: как красива Эльза. Да, женщина, которая шла ему навстречу, была очень красива. И определенно не ста-

ра. В конце концов, сколько ей? Тридцать шесть, вряд ли больше, если во время трагедии было двадцать. Идеально уложенные черные волосы, почти классические черты, изысканный макияж…

Сердце почему-то сжалось от боли. Вспомнились слова старого мистера Джонатана о Джульетте. Здесь от Джульетты не было ничего… если только не представить, что она не умерла и осталась жить без Ромео. Умереть молодой – разве не в этом заключалась сущностная часть образа Джульетты?

Эльза Грир осталась в живых…

И теперь обращалась к нему ровным, монотонным голосом:

– Вы очень меня заинтересовали, месье Пуаро. Садитесь и расскажите, чего вы хотите от меня.

«Ничем я ее не заинтересовал, – подумал он. – Ее уже ничто не интересует».

Большие серые глаза напоминали мертвые озера.

Как обычно, Пуаро предстал в гротескной роли иностранца.

– Я в растерянности, мадам, в полной растерянности, – воскликнул он.

– О нет, почему?

– Потому что вдруг понял – эта реконструкция давней трагедии может быть чрезвычайно болезненной для вас!

Она посмотрела на него с любопытством. Ее это позабавило. Определенно позабавило.

– Предположу, что это мой муж вбил вам в голову такую мысль. Он увидел вас, когда вы приехали, и, конечно, ничего не понял. Как и всегда… Я вовсе не такая впечатлительная особа, какой он меня считает. – Ее все еще занимала эта ситуация. – Знаете, мой отец был рабочим, но пробился наверх и сколотил состояние. У ранимых и впечатлительных такое не получается. Он был толстокожим, и я такая же.

Да, это правда, подумал Пуаро. Впечатлительная и ранимая в доме Каролины Крейл надолго не задержалась бы.

– Так что вы от меня хотите? – спросила леди Диттишем.

– Вы уверены, мадам, что разговор о прошлом не будет для вас слишком тяжелым? Слишком болезненным?

Она задумалась на минуту. Пуаро вдруг пришло в голову, что леди Диттишем на самом деле очень откровенная женщина. Солгать она могла бы, но только по необходимости.

– Нет, не болезненным, – медленно сказала Эльза. – Я бы

даже хотела испытать ее… боль.

– Почему?

– Так глупо никогда ничего не чувствовать, – нетерпеливо ответила леди Диттишем.

Да, Эльза Грир умерла, снова подумал Пуаро.

– В таком случае, мадам, вы облегчаете мне задачу.

– Что же вы желаете знать? – спросила она беззаботно.

– У вас хорошая память?

– Думаю, это так.

– И вас не затруднит вспомнить события тех далеких дней?

– Нисколько. Больно ведь бывает только тогда, когда что-то случается.

– Да, я знаю, у некоторых это так.

– Как раз этого и не может понять Эдвард, мой муж. Он все еще считает, что суд и все, с ним связанное, были для меня ужасным испытанием.

– А разве нет?

– Нет. Мне это даже нравилось. – В ее голосе прозвучало эхо пережитого когда-то удовольствия. – Боже, как он нападал на меня, этот чертов старикашка Деплич!.. Сущий дьявол. Мне доставляло огромное наслаждение сражаться с ним. Он так и не сумел меня одолеть.

Она с улыбкой посмотрела на Пуаро.

– Надеюсь, я не развеяла ваши иллюзии. Двадцатилетней девушке, наверное, следовало бы раскаиваться, сгорать со стыда… Я не мучилась и не терзалась. Мне было наплевать на их мнение и пересуды. Я хотела только одного.

– Чего же?

– Чтобы ее повесили, конечно.

Пуаро смотрел на ее руки – красивые, с длинными, слегка загнутыми ногтями. Руки хищницы.

– Считаете меня мстительной? Да, я мстительная – в отношении каждого, кто причинил мне зло. Та женщина была, в моем понимании, самой презренной, самой гадкой из всех. Знала, что Эмиас любит меня, что готов уйти от нее ко мне, и убила – чтобы только я не получила его. – Она подняла голову и посмотрела на Пуаро. – По-вашему, это мерзко?

– Вы не признаете ревность? Не сочувствуете тем, кто ревнует?

– Нет. Думаю, что нет. Кто проиграл, тот проиграл. Не можешь удержать мужа – дай ему уйти, отпусти с миром. Чего я не понимаю и не признаю, так это собственничества.

– Возможно, вы бы поняли это, если б вышли за Эмиаса Крейла.

– Не думаю. Мы не… – Она вдруг улыбнулась, и Пуаро стало немного не по себе от этой улыбки, в которой не было никакого настоящего чувства. – Хочу, чтобы вы поняли меня правильно. Не думайте, что Эмиас Крейл соблазнил невинную девушку. Вовсе нет! Скорее это я соблазнила его. Мы познакомились на какой-то вечеринке, и я сразу в него влюбилась и сказала себе, что должна его заполучить…

Пародия, гротескная пародия – но…

И я сложу всю жизнь к твоим ногам
И за тобой пойду на край Вселенной.

– Несмотря на то, что он был женат?

– Посторонним вход воспрещен? Нарушители преследуются по закону? Одной табличкой от реальности не отгородишься. Если он был несчастен с женой и мог быть счастлив со мной, то почему бы нет? Жизнь у каждого только одна.

– Но он, как говорят, был счастлив с женой.

Эльза покачала головой.

– Нет, они постоянно ссорились. Жили как кошка с собакой. Она все время его дергала, упрекала, придиралась… Такая… ох… ужасная женщина! – Леди Диттишем поднялась, закурила и усмехнулась. – Возможно, я к ней несправедлива. Но я действительно считаю ее отвратительной.

– Случилась большая трагедия, – медленно произнес Пуаро.

– Да, трагедия большая. – Леди Диттишем вдруг повернулась к нему, и в ее мертвенно-усталом лице дрогнуло что-то живое. – Это убило меня, неужели вы не понимаете? После того ничего уже не было… совсем ничего. Только пустота. – Она раскинула руки. – Я рыбье чучело в стеклянном ящике.

– Неужели Эмиас Крейл значил для вас так много?

Эльза кивнула. Кивнула как-то странно доверительно, коротко и… трогательно жалко.

– Думаю, я никогда не отличалась широтой мышления, – хмуро призналась она. – Наверное, в таких случаях нужно заколоть себя… как Джульетта. Но это означало бы признать, что ты проиграла, что жизнь побила тебя.

– И вместо этого?..

– Цель осталась прежней – получить все; нужно было

лишь пережить неудачу. Я это сделала. Прошлое больше не значило для меня ничего. Я думала, что пойду дальше, к следующей цели.

Да, к следующей цели. Пуаро уже представлял, как она пытается осуществить задуманное, как идет к цели. Красивая и богатая, соблазнительная в глазах мужчин, она старалась загрести своими жадными, хищными руками больше и больше, чтобы заполнить ставшую вдруг пустой жизнь. Ее влекло к героям – брак со знаменитым летчиком, потом с исследователем, человеком-глыбой, Арнольдом Стивенсоном, в чем-то даже физически напоминавшим Эмиаса Крейла, и – наконец! – возвращение к творчеству – Диттишем!

– Никогда не была лицемеркой! – заявила леди Диттишем. – Есть такая испанская пословица, мне она нравится. «Бери, что пожелаешь, но плати сполна – так говорит Господь». Это я и делала. Брала, что хотела, но всегда расплачивалась.

– Вы только не понимаете, что кое-что нельзя купить, – сказал детектив.

Она посмотрела на него.

– Я имею в виду не только деньги.

– Нет, нет, я понимаю, о чем вы. Но не все в жизни имеет ценник. Есть то, что не продается.

– Чепуха!

Пуаро сдержанно улыбнулся. В ее голосе ему послышалась самоуверенность пробившейся наверх фабричной девчонки. Ему вдруг стало жаль эту женщину. Он смотрел на ее нестареющее гладкое лицо с усталыми глазами и вспоминал девушку на картине Эмиаса Крейла.

– Расскажите мне о книге, – попросила Эльза Диттишем. – Зачем она нужна? Чья это идея?

– Моя дорогая! Какая еще может быть цель, кроме как подать вчерашнюю сенсацию под сегодняшним соусом?

– Но пишете ее не вы?

– Нет, я специалист по преступлениям.

– То есть с вами консультируются, когда пишут криминальные книги?

– Не всегда. В данном случае я исполняю поручение.

– Чье?

– Я… как бы это сказать… имею право ветировать публикацию от имени заинтересованной стороны.

– Что за сторона?

– Мисс Карла Лемаршан.

– А кто она такая?

– Дочь Эмиаса и Каролины Крейл.

С минуту Эльза непонимающе смотрела на него. Потом кивнула.

– Ах да, конечно… Был же еще ребенок. Помню. Девочка, надо полагать, уже взрослая?

– Да, ей двадцать один год.

– Какая она?

– Высокая, темноволосая, на мой взгляд, красивая. А еще она смелая и с сильным характером.

– Хотела бы я ее увидеть, – задумчиво сказала Эльза.

– Возможно, она не захочет видеть вас.

– Почему? – удивилась Эльза. – О, понимаю… Какая чепуха! Она, наверное, и не помнит ничего о тех событиях. Ей вряд ли было больше шести.

– Она знает, что ее мать судили за убийство ее отца.

– И думает, что это произошло из-за меня?

– Это одно из возможных объяснений.

Эльза пожала плечами.

– Какая глупость! Если б Каролина вела себя как разумная женщина…

– То есть вы никакую ответственность на себя не принимаете?

– С какой стати? Мне нечего стыдиться. Я любила его. Со мной он был бы счастлив. – Она посмотрела на Пуаро, и что-то невероятное вдруг случилось с ее лицом – он увидел девушку с картины. – Если б вы только смогли посмотреть на все с моей стороны… Если б вы только знали…

Пуаро подался вперед.

– Но именно этого я и хочу. Послушайте, мистер Филипп Блейк, бывший там в то время, пишет сейчас подробный отчет обо всем случившемся. То же сделает и мистер Мередит Блейк. Если б вы…

Эльза Диттишем глубоко вздохнула.

– Эти двое! – презрительно бросила она. – Филипп всегда был глупцом, а Мередит вечно топтался возле Каролины… такой милый… Но из их отчетов вы не поймете, как все было в действительности.

Наблюдая за ней, Пуаро заметил, как оживают глаза, как пробуждается спавшая мертвым сном женщина.

– Хотите узнать правду? – спросила она быстро и с чувством. – Нет, не для публикации. Только для себя…

– Без вашего согласия ничто опубликовано не будет.

– Я хотела бы написать правду. – Эльза Диттишем помолчала с минуту, обдумывая что-то. Жесткая гладь ее щек смягчилась и потеплела. Прошлое позвало, и жизнь хлынула в нее освежающим потоком. – Вернуться назад… все описать, показать, какой она была… – Глаза ее вспыхнули, грудь заволновалась. – Она убила его. Убила Эмиаса. Человека, который хотел жить и наслаждаться жизнью. Ненависть не должна быть сильнее любви, но ее ненависть была сильнее. Как и моя к ней. Ненавижу ее… ненавижу… ненавижу…

Она подошла к Пуаро. Наклонилась, вцепилась пальцами в рукав.

– Вы должны знать… должны понять, что мы чувствовали. Мы, Эмиас и я. Сейчас я покажу вам кое-что.

Она вихрем пронеслась по комнате. Открыла замок, выдвинула ящик стола, вернулась, держа в руке мятый конверт с выцветшими чернилами, и бросила его на колени Пуаро. А он вдруг вспомнил трогательный момент, когда знакомая девочка точно так же сунула ему в руки одно из своих сокровищ, подобранную на берегу и ревностно оберегаемую морскую раковину. Точно так же та девочка отступила потом и наблюдала за ним, не сводя глаз. Гор-

дая, испуганная, с волнением ждущая, как будет принят ее дар.

Пуаро развернул пожелтевшие страницы.

Эльза, чудесное дитя! Не было на свете ничего прекраснее. И все же я боюсь – я уже не молод, у меня ужасный характер, и мне не свойственно постоянство. Не верь мне, не верь в меня – я человек дурной – ни в чем, кроме моей работы. Все мое лучшее – в ней. И не говори потом, что я не предупреждал тебя.

К чертям, любимая, – ты все равно будешь моей. Ради тебя я пойду в ад, и ты это знаешь. Я напишу твой портрет, и весь этот тупоголовый мир ахнет от восторга и замрет! С ума схожу по тебе – спать не могу и есть не могу. Эльза, Эльза, Эльза… Я твой навек – до самой смерти. Эмиас.

Шестнадцать лет прошло. Выцвели чернила, смялась бумага. Но слова жили, дышали, вибрировали…

Пуаро посмотрел на женщину, для которой они были написаны.

Но теперь перед ним была не женщина, а юная, влюбленная девушка.

И он снова подумал о Джульетте.

Глава 9
Четвертый поросенок ничего не получил

– Можно спросить зачем, месье Пуаро?

Эркюль Пуаро ответил не сразу. Со сморщенного, сухощавого лица за ним наблюдала пара серых проницательных глаз.

Поднявшись на верхний этаж скромного, без архитектурных украшений здания, он постучал в дверь с номером 584. Компания «Гиллеспи билдингс» появилась на свет именно для того, чтобы обеспечивать скромным жильем работающих женщин.

Здесь, в крохотной каморке, обитала мисс Сесилия Уильямс. Комната служила ей и спальней, и гостиной, и столовой, и, благодаря наличию газовой горелки, кухней; в закутке по соседству помещалась ванна размером в четверть обычной длины и сопутствующие удобства.

И тем не менее даже это скромное жилище несло на себе стараниями хозяйки отпечаток ее личности. На выкрашенных неброской бледно-серой краской стенах висели несколько репродукций: Данте, встречающий Беатриче на мосту, и картина с изображением, как описал ее однажды некий ребенок, «слепой девочки, сидящей на апельсине, и названной – уж не знаю почему – „Надежда“». Были еще две акварели с видами Венеции и выполненная сепией копия боттичеллиевской «Весны». На низеньком комоде расположилась коллекция выцветших фотографий, в большинстве своем, судя по стилю причесок, двадцати-тридцатилетней давности. На полу лежал протертый до дыр квадратный ковер, мебель тоже оставляла желать лучшего.

С первого взгляда было ясно, что Сесилия Уильямс живет на грани бедности. Богатством здесь не пахло. Этот поросенок не получил ничего.

– Вам нужны мои воспоминания о деле Крейл? – резким, требовательным тоном повторила хозяйка. – Можно узнать, зачем?

Друзья и коллеги детектива не раз отмечали – особенно в те минуты, когда он доводил их до бешенства, – что Эркюль Пуаро предпочитает ложь правде и скорее достигнет цели посредством хитроумно сконструированной фальсификации, чем доверится простой и ясной прямоте.

Однако в этом случае решение пришло быстро. В детстве у Пуаро не было английской гувернантки, но среагировал он точно так же, как те мальчишки, которые, когда их спрашивали: «Ты чистил зубы сегодня утром?», обреченно отвечали после секундной заминки (во время которой успевали рассмотреть и отвергнуть альтернативный правде вариант): «Нет, мисс Уильямс». А все дело в том, что мисс Уильямс обладала тем мистическим качеством, обладать которым обязан каждый успешный воспитатель: авторитетом! Когда она говорила: «Поди наверх, Джоан, и вымой руки» или «Я надеюсь, что ты прочитаешь главу о поэтах Елизаветинской эпохи и сможешь ответить на мои вопросы», ее безусловно слушались. Мисс Уильямс и в голову не пришло бы, что ее распоряжение не будет выполнено.

Так что в этом случае Эркюль Пуаро не стал ссылаться на

предполагаемую книгу о громких преступлениях прошлого, а просто рассказал об обстоятельствах, вынудивших Карлу Лемаршан обратиться к нему за помощью.

Бывшая гувернантка, пожилая дама в поношенном, но аккуратном платье, внимательно выслушала гостя.

– Судьба этой девочки меня очень интересует. Хотелось бы знать, какой она стала…

– Очаровательная, очень привлекательная молодая женщина, смелая и рассудительная.

– Хорошо, – коротко сказала мисс Уильямс.

– А еще она очень упорная и настойчивая. Ей трудно отказать, ее нелегко сбить с толку.

Мисс Уильямс задумчиво кивнула.

– Она имеет отношение к искусству?

– Думаю, нет.

– Спасибо хотя бы за это, – сухо заметила мисс Уильямс.

Судя по тону, ее отношение к людям искусства оставляло желать лучшего.

– Из ваших слов следует, что девочка пошла скорее в мать, чем в отца.

– Вполне возможно. И вы сможете сказать это мне, когда увидите ее. Ведь вы хотели бы ее увидеть?

– Очень хотела бы. Всегда интересно посмотреть, кем стал ребенок, которого ты знал.

– Она ведь была еще маленькой, когда вы видели ее в последний раз?

– Да, ей было пять с половиной. Милая девочка, возможно, слишком тихая. Задумчивая. Предпочитала в одиночку играть в свои собственные игры. Простодушная и неизбалованная.

– Ей повезло, что она была еще маленькая, – заметил Пуаро.

– Да, вы правы. Будь девочка постарше, трагедия могла повлиять на нее сильнее.

– Тем не менее бесследно случившееся пройти не могло. И даже если Карла не все понимала, даже если ей не обо всем рассказывали, была ведь еще атмосфера тайны и умолчания. Был внезапный переезд. Такие вещи отражаются на детях не лучшим образом.

– Возможно, все это не повлияло на нее так губительно, как вам представляется, – задумчиво возразила мисс Уильямс.

– Прежде чем мы уйдем от темы Карлы Лемаршан – точнее, маленькой Карлы Крейл, – мне хотелось бы спросить вас кое о чем. На мой взгляд, если кто-то и может объяснить это мне, то в первую очередь вы.

– Да, я вас слушаю. – Ее голос прозвучал ровно и спокойно.

Стараясь выразиться яснее, Пуаро прибег к жестикуляции.

– Во всем этом есть кое-что – некий не поддающийся определению нюанс. У меня складывается впечатление, что девочка Крейлов, когда бы я ни упомянул ее, не воспринимается как самостоятельная личность. Обычная реакция – некоторое замешательство, как будто тот, с кем я говорю, уже забыл о ребенке. Разве это нормально? Ребенок – лицо важное в любых обстоятельствах, если не сам по себе, то как своего рода стержень. У Эмиаса Крейла могли быть причины, чтобы бросить жену – или не бросать ее, – но обычно, когда рушится брак, интересы ребенка учитываются в первую очередь. Здесь же, как представляется со стороны, девочку никто в расчет не принимал. Мне это кажется странным.

– Вы попали в точку, месье Пуаро, и вы правы, – быстро ответила мисс Уильямс. – Отчасти поэтому я и сказала сейчас, что, возможно, смена обстановки и переезд Карлы в некоторых отношениях пошли ей на пользу. Став старше, она могла бы острее ощущать отсутствие нормальной домашней жизни. – Гувернантка подалась вперед и заго-

ворила медленно, тщательно выбирая слова: – Разумеется, за годы работы я наблюдала разные аспекты взаимоотношений родителей и детей. Многие дети – я бы сказала, большинство детей – страдают от переизбытка внимания со стороны родителей. Ребенку достается слишком много любви, он постоянно под присмотром. Это тяготит его, он стремится освободиться, остаться незамеченным. Особенно часто такое наблюдается в семьях с одним ребенком, и, конечно, больше всего он страдает от материнского внимания. Браку такая ситуация тоже не идет на пользу. Мужу не нравится быть вечно вторым, и он ищет утешения – или, точнее, лести и заботы – на стороне, что рано или поздно приводит к разводу. Самое лучшее для ребенка – я в этом убеждена – здоровое небрежение со стороны обоих родителей. В семьях, где много детей и мало денег, такое случается само собой. За детьми недосматривают по той простой причине, что матери буквально не хватает времени заняться ими. Они понимают, что она любит их, и отсутствие чрезмерного проявления этого чувства ничуть их не беспокоит.

Но есть и еще один аспект. Иногда случается так, что муж и жена настолько поглощены друг другом, настолько самодостаточны, что воспринимают ребенка как нечто не вполне реальное. Ребенку это не нравится, он обижается, чувствует себя никому не нужным, брошенным.

Поймите, я не говорю о небрежении. Миссис Крейл, например, была что называется образцовой матерью, всегда заботилась о благополучии Карлы, о ее здоровье, играла с ней, была добра и весела. Но при этом центром всей ее

жизни оставался муж. Она, можно сказать, жила только ради него и только в нем.

Мисс Уильямс помолчала с минуту, потом негромко добавила:

– Думаю, это и есть оправдание того, что она в конце концов сделала.

– То есть, по-вашему, они были не столько мужем и женой, сколько любовниками?

Мисс Уильямс слегка нахмурилась, выказывая свое неодобрительное отношение к иностранной фразеологии.

– Можно и так сказать.

– Он относился к ней так же?

– Они были любящей парой, но он оставался мужчиной.

В последнее слово мисс Уильямс ухитрилась вложить его полное викторианское значение.

– Мужчины… – произнесла она и остановилась.

Как богатый собственник произносит слово «большевики», как истинный коммунист произносит слово «капиталисты», а хорошая хозяйка – «тараканы», так и мисс Уильямс произнесла «мужчины».

Из глубин одинокой жизни пожилой гувернантки вырвался шквал воинственного феминизма. Услышав ее, никто бы не усомнился, что для мисс Уильямс Мужчины были Врагами!

– Вы относитесь к мужчинам без снисхождения? – спросил Пуаро.

– Мужчины захватили все самое лучшее в этом мире, – сухо ответила она. – Надеюсь, так будет не всегда.

Эркюль Пуаро задумчиво посмотрел на нее. Он легко мог представить, как мисс Уильямс надежно и со знанием дела приковывает себя к перилам моста и, решительно настроенная идти до конца, объявляет голодовку.

– Вам не нравился Эмиас Крейл? – спросил он, возвращаясь от общих рассуждений к житейским частностям.

– Мне совершенно определенно не нравился мистер Крейл. Не нравилось его поведение. На месте его жены я ушла бы от него. Есть вещи, мириться с которыми женщина не должна.

– Но миссис Крейл мирилась?

– Да.

– И вы считали, что она не права?

– Я и сейчас так считаю. Женщине надлежит уважать себя

и не терпеть унижения.

– Вы что-нибудь такое говорили миссис Крейл?

– Конечно, нет. Это не мое дело. Меня наняли обучать Анжелу, а не предлагать непрошеные советы миссис Крейл. Это было бы дерзостью.

– А миссис Крейл вам нравилась?

– Очень нравилась. – Тон ее смягчился, голос потеплел. – И еще мне было очень ее жаль.

– А ваша ученица, Анжела Уоррен?

– Интересная девочка. Одна из самых интересных, с которыми я занималась. Умненькая. Недисциплинированная, вспыльчивая, непослушная, но натура – замечательная.

Мисс Уильямс помолчала.

– Я всегда надеялась, что она многого достигнет. Так и случилось! Вы читали ее книгу о Сахаре? И еще она участвовала в раскопках гробниц в Фаюме. Да, я горжусь Анжелой. В Олдербери не была давно – наверное, года два с половиной, – но всегда позволяю себе надеяться, что посодействовала развитию ее способностей и интересов, подтолкнув к занятию археологией.

– Я так понял, что для продолжения образования ее решили отправить в школу-интернат, – сказал Пуаро. – Вы,

наверное, были против?

– Вовсе нет. Я полностью поддержала это решение. – Она перевела дух. – Позвольте кое-что пояснить. Анжела была чудесной девочкой, доброй, сердечной, импульсивной, но при этом еще и что называется трудной. А тут еще и возраст… Всегда бывает такой момент неуверенности, когда девочка не уверена в себе – кто она, еще ребенок или уже женщина? Минуту назад она могла быть по-взрослому рассудительной, а в следующую превратиться в чертенка – вспыльчивого, шаловливого, дерзкого.

Знаете, для девочек этот возраст – очень трудный, и сами они чрезвычайно ранимые. Что ни скажи – на все обижаются. Возмущаются, что с ними обращаются как с детьми, или вдруг смущаются, если разговариваешь с ними как со взрослыми. Вот и Анжела была в таком состоянии. Порой на нее находило, она вдруг становилась обидчивой и вспыльчивой или дулась целыми днями, сидела, нахохлившись, молчаливая и хмурая, а потом снова, будто бес вселился, пускалась во все тяжкие: лазала по деревьям, носилась с мальчишками и никого не слушалась.

Мисс Уильямс вздохнула и продолжила:

– Когда у девочки наступает такой период, школа очень помогает: дает интеллектуальный стимул, воспитывает здоровой дисциплиной содружества, помогает стать ответственным членом общества. Те условия, в которых Анжела жила дома, я бы идеальными не назвала.

Во-первых, ее избаловала миссис Крейл. За чем бы она к ней ни обратилась, миссис Крейл во всем ее поддерживала. В результате Анжела считала, что имеет право быть первой в притязаниях на время и внимание сестры, из-за чего у нее и возникали стычки с мистером Крейлом, который, разумеется, полагал, что первенство должно быть за ним. К Анжеле он относился очень хорошо – они играли вместе и подтрунивали друг над другом вполне по-дружески, но иногда случалось и так, что мистер Крейл злился на жену из-за ее чрезмерной заботы о девочке. Как и все мужчины, он и сам был избалованным ребенком и считал, что все должны обхаживать его. Случались между ними и серьезные ссоры, но в них миссис Крейл очень часто становилась на сторону сводной сестры. Мистера Крейла это приводило в бешенство.

С другой стороны, если она поддерживала его, злилась уже Анжела. Когда такое случалось, девочка мстила ему совсем уж по-детски и чинила всякие пакости. Крейл имел обыкновение пить из стакана залпом, и однажды она добавила в напиток соль. Разумеется, такая смесь подействовала как рвотное, и мистер Крейл так разозлился, что буквально онемел. Но окончательно его вывела из себя другая ее проделка, когда Анжела подложила слизней ему в постель. Он терпеть их не мог. Вышел из себя и заявил, что девочку нужно отправить в интернат, что он не станет больше терпеть весь этот вздор. Анжела ужасно расстроилась и, хотя сама выражала желание поехать туда, предпочла не на шутку обидеться. Миссис Крейл не хотела ее отпускать, но дала себя уговорить – думаю, потому, что прислушалась к моим доводам. Я сказала, что школа пой-

дет на пользу Анжеле. Было решено, что осенью она поедет в Хелстон, прекрасную школу на южном побережье. Но миссис Крейл тем не менее расстроилась и все лето пребывала не в лучшем расположении духа. Анжела затаила обиду на мистера Крейла и дулась каждый раз, когда об этом вспоминала. Ничего серьезного, конечно, но, как вы понимаете, это накладывало дополнительный отпечаток на все происходившее в доме в то лето.

– Вы имеете в виду Эльзу Грир?

– Да. – Мисс Уильямс поджала губы.

– Какого мнения вы были об Эльзе?

– У меня не было о ней никакого мнения. Совершенно беспринципная молодая женщина.

– Очень молодая.

– Достаточно взрослая, чтобы понимать, что к чему. У меня нет для нее извинений – никаких.

– Полагаю, она просто влюбилась в него…

– Просто влюбилась… – Мисс Уильямс презрительно фыркнула. – Каковы бы ни были наши чувства, месье Пуаро, мы можем держать их под контролем. И, уж определенно, мы в состоянии контролировать наши действия. Та девушка никакой моралью не руководствовалась. Тот факт, что мистер Крейл состоял в браке, не значил для нее ничего.

Совершенно бесстыдная особа, хладнокровная и решительная. Возможно, она получила плохое воспитание – это единственное оправдание, которое я нахожу для нее.

– Смерть мистера Крейла, должно быть, стала для нее ужасным шоком.

– Да, правда. И вина за случившееся лежит полностью на ней. Я не зайду настолько далеко, чтобы оправдывать убийство, но, месье Пуаро, это миссис Крейл довели до крайности. Скажу откровенно, бывали моменты, когда я была готова убить их обоих. Так выставлять напоказ свое увлечение, слушать жалобы жены, вынужденной мириться с оскорблениями этой девушки… Нет, месье Пуаро, Эмиас Крейл получил по заслугам. Муж не имеет права так обращаться с женой и оставаться безнаказанным. Его смерть – справедливое воздаяние.

– Вы слишком…

Ее серые глаза смотрели на него в упор.

– Я слишком ценю узы брака. Если их не ценят и не уважают, страна приходит в упадок, а народ вырождается. Миссис Крейл была верной и преданной супругой. Муж глумился над ней и даже привел в дом другую женщину. Как я уже сказала, он испытывал ее терпение и получил по заслугам. Лично я не виню ее за содеянное.

– Эмиас Крейл вел себя очень плохо, – медленно сказал Эркюль Пуаро, – но он был великим художником.

Мисс Уильямс громко хмыкнула.

– Да, знаю. В наше время этим многое оправдывают. Художник!.. Распущенность, пьянство, скандалы, неверность – всему находится причина. И если уж на то пошло, каким таким художником был мистер Крейл? Возможно, следуя моде, его картинами будут восхищаться еще несколько лет. Но долго это не продлится. Да что говорить, если он и рисовать-то толком не умел! У него отвратительная перспектива. И совершенно неправильная анатомия. Я немного разбираюсь в том, о чем говорю. В молодости я изучала живопись во Флоренции, и для любого, кто знает и ценит великих мастеров прошлого, живопись мистера Крейла – смехотворная мазня. Разбросанные беспорядочно пятна краски, полное отсутствие композиции… Нет, – она покачала головой, – не просите меня восхищаться картинами мистера Крейла.

– Две его картины выставлены в галерее Тейт, – напомнил Пуаро.

Мисс Уильямс фыркнула.

– Возможно. Так же, полагаю, как и одна из скульптур мистера Эпстайна[15].

Уловив в словах мисс Уильямс желание подвести черту, Пуаро оставил тему искусства.

– Вы были с миссис Крейл, когда она обнаружила тело?

– Да. После ланча мы вместе вышли из дома. Анжела после купания позабыла пуловер то ли на берегу, то ли в лодке. Всегда была невнимательная, разбрасывала вещи… У входа в Батарейный сад мы расстались, но она почти сразу же меня позвала. Полагаю, мистер Крейл был мертв уже больше часа. Лежал на скамье около мольберта.

– Она испытала сильный шок?

– Что именно вы имеете в виду, месье Пуаро?

– Я хочу знать ваше впечатление.

– Понятно. Да, мне показалось, что она потрясена. Миссис Крейл тут же отправила меня в дом – позвонить доктору. Мы ведь не были абсолютно уверены в том, что он мертв, – это мог быть каталептический припадок.

– Она выдвинула такое предположение?

– Я не помню.

– Вы вернулись в дом и позвонили?

– Примерно на полпути к дому мне встретился мистер Мередит Блейк. Я передала ему поручение, а сама вернулась к миссис Крейл, – сдержанно объяснила мисс Уильямс. – Опасалась, что она может упасть в обморок, а от мужчин в таких делах толку мало.

– И она действительно лишилась чувств?

– Миссис Крейл полностью владела собой. В отличие от мисс Грир, которая закатила истерику и устроила неприятную сцену.

– Какого рода сцену?

– Попыталась наброситься на миссис Крейл.

– То есть она поняла, что миссис Крейл виновна в смерти мистера Крейла?

Мисс Уильямс ненадолго задумалась.

– Нет, в этом она вряд ли могла быть уверена. Об этом еще тогда никто не подумал. Мисс Грир кричала: «Это твоих рук дело. Это ты его убила. Ты во всем виновата». Она не сказала «ты его отравила», но, наверное, так думала.

– А миссис Крейл?

Мисс Уильямс замялась.

– К чему лицемерить, месье Пуаро? Я не могу сказать, что на самом деле чувствовала или думала в тот момент миссис Крейл. Испытала ли она ужас от содеянного…

– Вам так показалось?

– Нет, нет. Не знаю. Она была ошеломлена, да, и, думаю,

испугана. Да, в этом я уверена. Испугана. Но это ведь естественно.

– Да, может быть, и естественно, – проворчал Пуаро. – Как она лично объясняла впоследствии смерть мужа?

– Миссис Крейл с самого начала и вполне определенно заявила, что это было самоубийство.

– В частном разговоре с вами она давала то же самое объяснение или называла другую причину?

– Нет. Миссис Крейл… она всячески пыталась убедить меня, что это было самоубийство.

– А что сказали ей вы?

– В самом деле, месье Пуаро, разве имеет значение, что я сказала?

– Думаю, что имеет.

– Не понимаю… – начала мисс Уильямс, но потом, словно загипнотизированная молчанием и выжидающим взглядом Пуаро, неохотно кивнула. – Я сказала: «Конечно, миссис Крейл. Должно быть, он покончил с собой».

– Вы сами верили в то, что сказали?

Мисс Уильямс подняла голову и твердо произнесла:

– Нет, не верила. Но, пожалуйста, поймите, месье Пуаро, что я была полностью на стороне миссис Крейл. Мои симпатии были с ней, а не с полицией.

– Вы хотели бы, чтобы ее оправдали?

– Да, хотела бы, – с вызовом ответила мисс Уильямс.

– Тогда вам понятны чувства ее дочери?

– Да, я понимаю ее.

– Вы не станете возражать, если я попрошу вас представить мне подробный письменный отчет о трагедии?

– И она прочтет его?

– Да.

– Нет, я не стану возражать, – медленно сказала мисс Уильямс. – Значит, она намерена разобраться в этом деле?

– Да. Хотя, осмелюсь заметить, утаить от нее правду было бы предпочтительнее и…

– Нет, – перебила его мисс Уильямс. – Всегда лучше знать правду. Нельзя избежать несчастья, фальсифицируя факты. Карла пережила шок, узнав правду, и теперь хочет узнать, как все было. Мне кажется, это правильный подход для смелой молодой женщины. Узнав, как все было, она сможет снова все забыть и займется наконец собственной

жизнью.

– Возможно, вы правы, – согласился Пуаро.

– Я совершенно уверена, что права.

– Но, видите ли, дело не только в этом. Она не просто хочет знать, но и хочет доказать, что ее мать невиновна.

– Бедняжка… – Мисс Уильямс покачала головой.

– Вы так думаете?

– Теперь я понимаю, почему вы сказали, что, возможно, ей было бы лучше не знать. И все же я остаюсь при своем мнении. Ее желание найти доказательства невиновности матери понятно и естественно, и даже если правда будет жестока и горька, я думаю – судя по сказанному вами, – что Карла не дрогнет, узнав ее.

– Уверены, что это и есть правда?

– Не понимаю.

– Вы не видите никаких оснований для сомнений в виновности миссис Крейл?

– Не думаю, что такая возможность когда-либо рассматривалась всерьез.

– И тем не менее она до самого конца цеплялась за версию

с самоубийством?

– Несчастная женщина, ей же нужно было хоть что-то говорить, – сухо ответила мисс Уильямс.

– Знаете ли вы, что перед смертью миссис Крейл оставила дочери письмо, в котором заверяет ее в своей невиновности?

Мисс Уильямс уставилась на него.

– Она поступила очень неправильно.

– Вы так думаете?

– Да. Вы ведь сентиментальны, как большинство мужчин…

– Я не сентиментален, – возмутился Пуаро.

– Есть такая вещь, как ложное чувство. Зачем лгать в столь ответственный момент? Чтобы защитить ребенка от боли? Да, многие женщины так бы и поступили. Но я бы не подумала, что на такое способна миссис Крейл, женщина смелая и искренняя. Я бы скорее ожидала, что она попросит дочь не судить ее строго.

– И вы даже не допустили бы возможности того, что Каролина Крейл написала правду? – с легким раздражением спросил Пуаро.

– Определенно нет!

– И тем не менее вы заявляете, что любили ее?

– Да, любила. Любила и симпатизировала ей.

– Тогда как же…

Мисс Уильямс посмотрела на него странно.

– Вы не понимаете, месье Пуаро. Сейчас, по прошествии стольких лет, неважно, что именно я скажу. Видите ли, я знаю, что Каролина Крейл виновна.

– Что?

– Да, знаю. Может быть, я поступила неправильно, не поделившись ни с кем тем, что знала. Но поверьте мне – я совершенно точно знаю, что Каролина Крейл виновна.

Глава 10
Пятый поросенок с визгом домой побежал

Окна квартиры Анжелы Уоррен выходили на Риджентс-парк. В этот весенний день теплый воздух вливался в раскрытое окно, и если б не ровный, зловещий гул проносящихся внизу машин, можно было бы представить, что находишься в деревне.

Дверь открылась, и Пуаро отвернулся от окна. В комнату вошла Анжела Уоррен.

Он видел ее не в первый раз. Несколько дней назад мисс Уоррен выступала на конференции в Королевском географическом обществе, и Пуаро, воспользовавшись случаем, послушал ее лекцию. Выступление ему понравилось, хотя и получилось, возможно, несколько суховатым с точки зрения широкой публики. Мисс Уоррен оказалась прекрасным лектором – говорила без пауз, не отвлекаясь. Голос ее звучал четко, ясно и мелодично. Она не пошла на уступки той части зрителей, которая ждала романтики и приключений. Никаких душещипательных историй и совсем мало того, что представляло бы общественный интерес. Четкое и немногословное перечисление фактов, прекрасно проиллюстрированных умело подобранными слайдами, с вытекающими из них логическими выводами. Все четко, ясно, последовательно и убедительно.

Душа Пуаро ликовала. Приятно обнаружить научно организованный ум.

Теперь, видя ее вблизи, он подумал, что Анжела Уоррен легко могла быть очень красивой женщиной. Правильные, хотя и резкие, черты лица. Тонко очерченные темные брови, ясные и умные карие глаза, чистая бледная кожа. Плечи она держала прямо, а в ее походке было что-то слегка мужское.

Определенно ни малейшего сходства с жалобно визжащим поросенком. Вот только на правой щеке вытянулся, морщиня кожу, давно заживший шрам, оттягивавший вниз уголок глаза. Никто, наверное, и не догадывался, что глаз не видит. Сама мисс Уоррен, подумал Пуаро, так долго

жила с этим увечьем, что, скорее всего, давно привыкла к нему и не замечала.

Ему вдруг пришло в голову, что из пяти человек, привлекших его внимание в ходе расследования, успехов и счастья достигли отнюдь не те, кто вступил в жизнь с наибольшими преимуществами. Худший результат показала Эльза, имевшая вначале все: молодость, красоту, богатство. Словно цветок, захваченный нагрянувшим внезапно заморозком и не успевший распуститься…

Сесилии Уильямс, как могло показаться со стороны, похвастать было нечем, однако Пуаро не обнаружил ни отчаяния, ни уныния, ни упадка духа. Жизнь увлекала ее, она не утратила интереса к людям и событиям. Огромное интеллектуальное и моральное преимущество давало ей строгое викторианское воспитание, которого мы ныне лишены: Сесилия Уильямс исполняла свой долг на том жизненном посту, который назначил ей Господь, и убежденность в своей правоте служила ей верной защитой от каменьев и копий зависти, недовольства и сожаления. С ней оставались воспоминания, ей были доступны, благодаря строжайшей экономии, маленькие радости, а здоровье и бодрость духа позволяли сохранять интерес к жизни.

И вот теперь в Анжеле Уоррен – этой юной особе, обезображенной и претерпевшей неизбежное унижение – Пуаро увидел, как он надеялся, дух, окрепший и закаленный непрестанной борьбой за уверенность в себе и твердость. Озорная, непослушная девочка-подросток стала сильной, волевой женщиной, чьи немалые умственные способнос-

ти и неиссякаемая энергия позволяли достигать амбициозных целей.

Пуаро чувствовал, эта женщина успешна и счастлива. Она живет полной, яркой жизнью и получает от нее огромное удовольствие. Впрочем, детектив предпочитал женщин другого типа. Восхищаясь ясным, логическим умом Анжелы Уоррен, он ощущал присутствие в ней духа femme formidable[16], что настораживало его и даже пугало. Вкусу Пуаро всегда отвечали женщины яркие и экстравагантные.

С Анжелой перейти к цели визита не составило труда. Никаких уловок и ухищрений не потребовалось. Пуаро рассказал о встрече с Карлой Лемаршан, и лицо мисс Уоррен осветила теплая улыбка.

– Малышка Карла? Она здесь? Так хотелось бы ее увидеть…

– Вы поддерживали связь?

– Вряд ли это можно так назвать. Я училась в школе, когда она уехала в Канаду, и понимала, что через год-два она забудет нас. Потом, в более поздние годы, мы иногда обменивались подарками на Рождество, и это была единственная ниточка между нами. Мне представлялось, что она полностью погрузится в тамошнюю жизнь и ее будущее связано с той страной. Оно бы и к лучшему, учитывая обстоятельства…

– Конечно, так могло бы быть. Смена имени, смена места жительства… Новая жизнь. Но не все так просто.

Пуаро рассказал Анжеле о помолвке, о письме, полученном Карлой по достижении совершеннолетия, и мотивах ее приезда в Англию.

Мисс Уоррен слушала его спокойно и внимательно, ничем не выдавая своих чувств, но, когда гость умолк, негромко сказала:

– Молодец Карла.

Пуаро удивленно посмотрел на нее. С такой реакцией он столкнулся впервые.

– Вы одобряете, мисс Уоррен?

– Конечно. Я желаю ей успеха и сделаю все, чтобы помочь ей. Знаете, я чувствую себя виноватой из-за того, что не предприняла ничего сама.

– То есть вы допускаете возможность того, что она права?

Анжела Уоррен кивнула:

– Конечно, права. Каролина его не убивала. Я всегда это знала.

– Мадемуазель, вы меня удивляете, – пробормотал Эркюль Пуаро. – Все остальные, с кем я разговаривал…

– Никого не слушайте, – перебила она. – Я ничуть не сомневаюсь, что косвенных доказательств предостаточно. Моя убежденность основывается на знании. Я знаю свою сестру. Знаю определенно, что Каро не могла никого убить.

– Разве можно быть настолько уверенным в другом человеке?

– В большинстве случаев, наверное, нет. Согласна, человек способен на любой сюрприз. Но в случае с Каролиной у меня есть особые причины судить лучше, чем кто-либо еще.

Она дотронулась до изуродованной шрамом щеки.

– Видите? Вы, наверное, слышали об этом? – Пуаро кивнул. – Дело рук Каролины. Вот почему я уверена – просто знаю, – что она не убивала.

– Для большинства аргумент не очень убедительный.

– Да, скорее наоборот. По-моему, его даже использовали как доказательство вспыльчивости и неуправляемости Каролины. Исходя из того, что она ранила меня, специалисты утверждали, что точно так же она отравила своего неверного мужа.

– Я, по крайней мере, вижу разницу. Внезапная вспышка неуправляемого гнева отнюдь не означает, что дальше последует кража яда и использование его по назначению

на следующий день.

Анжела Уоррен покачала головой:

– Нет, нет, я совсем не это имею в виду. Постараюсь объяснить, чтобы вы поняли. Предположим, в повседневной жизни вы человек доброжелательный и мягкий, но при этом подвержены вспышкам ревности. И предположим еще, что в какой-то период жизни, когда самоконтроль давался вам особенно трудно, вы в приступе гнева совершаете некое действие, которое едва не приводит к убийству. Представьте себе, какой это шок для вас, какой ужас. Для человека чуткого и ранимого, вроде Каролины, это кошмар навсегда. Как и чувство вины. Она ничего не забыла. Страх и раскаяние остались с ней на всю жизнь.

Тогда я сама толком этого не понимала, но теперь, оглядываясь назад, вижу все совершенно ясно. Тот случай, когда она поранила меня, не давал ей покоя. Память о нем преследовала Каролину постоянно. На всех ее поступках лежала тень того события. В нем объяснение ее отношения ко мне. Всё – для меня. Мне – только самое лучшее. Для Каро я всегда шла первой. Половина ее ссор с Эмиасом случалась из-за меня. Я ревновала и изводила Эмиаса как только могла: стащила кошачьи капли, чтобы добавить ему в напиток, а один раз подбросила ежа ему в постель. Но Каролина всегда была на моей стороне.

Мисс Уоррен помолчала.

– Конечно, я вела себя безобразно. Каролина ужасно меня

избаловала. Но речь о другом. Мы же говорим о том, как это отразилось на ней. В результате той вспышки гнева она прониклась стойким отвращением к любым действиям такого рода.

Каро всегда следила за собой, жила в постоянном страхе перед тем, что нечто подобное может повториться. А еще она предприняла собственные меры защиты. Одна из них – большая вольность в выражениях. Она думала – и с точки зрения психологии, наверное, была права, – что если выплеснет агрессию в словах, то избавится от соблазна выразить агрессию в действиях. Практика показала, что метод работает. Я слышала от нее такие, например, высказывания: «Как бы мне хотелось покрошить его на кусочки и сварить в масле». Она могла сказать мне или Эмиасу: «Будешь надоедать – убью». Она не стремилась избегать ссор и в них давала себе полную волю. Понимала, что в ней живет импульс к насилию, и предусмотрительно давала ему выход. Стычки с Эмиасом перерастали у них во что-то невероятное.

Пуаро кивнул.

– Да, подтверждение этому есть. На суде говорили, что они жили как кошка с собакой.

– Вот именно. В этом и заключается проблема свидетельских показаний. Они бестолковые и создают неправильное представление. Конечно, Каро и Эмиас ссорились! Конечно, они говорили друг другу жестокие, оскорбительные и возмутительные вещи. Чего никто не понимает, так

это того, что им нравилось ссориться. Да, нравилось! И ей, и Эмиасу. Такая вот склеилась парочка. Обоим нравилась драма, эмоциональные сцены. Большинство мужчин – другие. Им хочется покоя. Но Эмиас был художником. Он любил кричать, угрожать, возмущаться. Он как бы выпускал пар. Такие, потеряв запонку, ставят на уши весь дом. Знаю, звучит странно, но жизнь в режиме непрерывных ссор и примирений была их идеалом! Они так развлекались. – Анжела нетерпеливо тряхнула головой. – Если б меня не услали, если б мне позволили выступить в суде, я бы так всем и сказала. – Она пожала плечами. – Только не думаю, что мне поверили бы. Да и я сама тогда не понимала этого с такой ясностью, как теперь. Я знала это, но не осознавала всего, и мне в голову не приходило попытаться изложить все словами. – Посмотрела на Пуаро. – Вы ведь понимаете, что я хочу сказать?

Тот выразительно кивнул:

– Прекрасно понимаю. Вы абсолютно правы в том, что сейчас сказали. Есть люди, которых утомляет согласие. Им постоянно требуются стимуляторы разлада, чтобы творить драму в собственной жизни.

– Верно.

– Позвольте спросить, мисс Уоррен, как бы вы описали ваши чувства в те дни?

Анжела вздохнула.

– Растерянность и замешательство, прежде всего. Беспомощность. Это был какой-то невероятный кошмар. Каролину вскоре арестовали – думаю, дня три спустя. До сих пор помню, как меня это возмутило, как я злилась, как верила с детской наивностью, что произошла какая-то дурацкая ошибка и все снова будет в порядке…

Каро, разумеется, тревожилась из-за меня, хотела, чтобы я уехала как можно скорее. По ее требованию мисс Уильямс почти сразу же отвезла меня к каким-то родственникам. Полиция не возражала. А потом, когда в суде решили, что мои показания необязательны, меня отправили за границу.

Разумеется, я не хотела уезжать, но меня убедили, что Каро беспокоится обо мне и что помочь ей я могу, только если уеду… – Она помолчала. – В общем, меня отправили в Мюнхен. Там я и была, когда присяжные вынесли вердикт. Повидаться с Каро не разрешили – этому воспротивилась она сама. Наверное, то был первый и единственный раз, когда она не поняла меня.

– Не думайте так, мисс Уоррен. Посещение в тюрьме любимого человека могло не лучшим образом отразиться на психике восприимчивой девушки.

– Возможно.

Анжела Уоррен поднялась.

– После приговора сестра написала мне письмо. Я никому

его не показывала. Думаю, сейчас я покажу его вам. Может быть, оно поможет вам понять, каким человеком была Каролина. Можете, если пожелаете, показать его Карле.

Она подошла к двери, потом вернулась.

– Идемте со мной. У меня в комнате портрет Каролины.

Второй раз за последнее время Эркюль Пуаро стоял перед женским портретом.

С художественной точки зрения работа была посредственная, но детектив смотрел на картину с любопытством – его не интересовали ее художественные достоинства. Вытянутое овальное лицо, изящная линия подбородка, милое, слегка застенчивое выражение. Лицо, как будто не уверенное в себе самом, эмоциональное, со скрытой, спрятанной красотой. В нем не было силы и энергичности, как в лице дочери, несомненно унаследовавшей эти качества от отца. Лицо отражало натуру менее позитивную.

И тем не менее, рассматривая портрет, Эркюль Пуаро понял, почему человек с таким богатым воображением, как Квентин Фогг, не смог ее забыть.

Рядом с Пуаро, держа в руке письмо, стояла Анжела Уоррен.

– А теперь, когда вы узнали, как она выглядела, прочтите ее письмо.

Детектив осторожно развернул листок и стал читать то, что Каролина Крейл написала шестнадцать лет назад.

Моя дорогая малышка Анжела,

скоро ты услышишь плохие новости и опечалишься, но я хочу, чтобы ты знала: всё в порядке. Я никогда не говорила тебе неправду и не стану говорить теперь. Скажу так: я счастлива, я ощущаю душевное равновесие и покой, какого не знала никогда прежде. Все хорошо, дорогая, все хорошо. Не оглядывайся, не горюй по мне – живи своей жизнью, и пусть тебе сопутствует успех. Ты сможешь, знаю. Все хорошо, все хорошо, и я ухожу к Эмиасу. У меня нет ни малейших сомнений в том, что мы будем вместе. Жить без него я не смогла бы. Сделай же для меня вот это – будь счастлива. Говорю тебе – я счастлива. Долги нужно отдавать. Так чудесно чувствовать покой в душе!

Твоя любящая сестра

Каро.
Эркюль Пуаро прочитал письмо дважды. Потом вернул его мисс Уоррен.

– Прекрасное письмо, мадемуазель. Замечательное.

– Каролина сама была замечательным человеком.

– Да, да. Какой необычный ум… Так вы считаете, что это письмо указывает на ее невиновность?

– Конечно!

– Но это не заявляется прямо.

– Каро знала, что мне и в голову не придет считать ее виновной!

– Возможно. Но понять его можно и в другом смысле. А именно в том, что да, она виновна и, искупив вину, найдет покой.

Такое предположение, подумал Пуаро, соответствовало ее поведению во время суда.

В этот момент он испытал сильнейшее сомнение в правильности избранного с самого начала направления в расследовании. До сих пор все указывало на виновность Каролины Крейл. Теперь даже она сама свидетельствовала против себя. И против всего этого было только одно – непоколебимая уверенность Анжелы Уоррен. Несомненно, она знала сестру очень хорошо, но разве ее убежденность не могла быть всего лишь фанатичной верностью девочки-подростка старшей, нежно любимой сестре?

Словно прочитав его мысли, Анжела Уоррен сказала:

– Нет, мистер Пуаро, я знаю, что Каролина не виновна.

– Видит Господь, я не хочу расшатывать вашу веру, но давайте будем практичными. Вы говорите, что ваша сестра не виновна. Хорошо, но тогда что же случилось на самом

деле?

Мисс Уоррен задумчиво кивнула.

– Согласна, вопрос трудный. Думаю, все было так, как и сказала Каролина, – Эмиас покончил с собой.

– По-вашему, это сочеталось с его характером?

– Нисколько.

– Но вы не утверждаете, как в случае с миссис Крейл, что это невозможно?

– Нет, потому что, как я уже сказала, люди часто совершают невозможные, казалось бы, поступки, совершенно не соответствующие их характеру.

– Вы хорошо знали мистера Крейла?

– Да, но, конечно, не так хорошо, как знала Каро. Мне представляется невероятным, что Эмиас совершил самоубийство, но, я думаю, он мог это сделать. И даже должен был.

– Другого объяснения вы не находите?

Анжела встретила этот вопрос спокойно, но с некоторым интересом.

– Я понимаю, что вы имеете в виду. Никогда об этом не

думала… Хотите сказать, что его убил кто-то другой? Что это было преднамеренное хладнокровное убийство?

– Но такое могло быть?

– Да, могло. Но все равно это очень и очень маловероятно.

– Даже менее вероятно, чем самоубийство?

– Трудно сказать. На первый взгляд никаких оснований подозревать кого-то другого нет. Оглядываясь сейчас назад, я не вижу никого…

– И все же давайте рассмотрим эту возможность. Кто из ближайшего круга знакомых представляется вам наиболее вероятным подозреваемым?

– Дайте подумать… Так, я его не убивала. И та тварь, Эльза, конечно, тоже. Она просто с ума сходила от злости, когда он умер. Кто еще там был? Мередит Блейк? Он всегда был верен Каролине, ходил за ней, как кот за хозяйкой… Какой-то мотив у него мог быть. В книге он мечтал бы убрать Эмиаса, чтобы самому жениться на Каролине. Но той же цели Мередит мог достичь проще, позволив Эмиасу уйти с Эльзой и оставшись с Каролиной в роли утешителя. Кроме того, я просто не представляю Мередита убийцей. Слишком мягок, слишком осторожен… Кто там еще?

– Мисс Уильямс? – предложил Пуаро. – Филипп Блейк?

Серьезное лицо Анжелы смягчила недолгая улыбка.

– Мисс Уильямс? Трудно убедить себя в том, что убийцей может быть гувернантка. Мисс Уильямс всегда была такая правильная, непреклонная, добродетельная… – Она помолчала, потом продолжила: – Конечно, была очень предана Каролине. Сделала бы ради нее все, что угодно. И Эмиаса ненавидела. Большая феминистка и мужененавистница. Достаточно ли этого для убийства? Конечно, нет.

– Пожалуй, едва ли, – согласился Пуаро.

– Филипп Блейк? – продолжала Анжела и, подумав немного, негромко добавила: – Вы ведь понимаете, что если мы говорим о вероятности, то он – самый подходящий кандидат.

– То, что вы говорите, мисс Уоррен, очень интересно. Позвольте спросить, почему вы так думаете?

– Ничего определенного у меня нет. Но, насколько я помню, Филипп Блейк – человек довольно ограниченного воображения.

– А ограниченное воображение предрасполагает к убийству?

– Нет, но оно может вести к выбору простого, грубого способа решения ваших трудностей. Люди такого типа находят удовлетворение в действии того или иного рода. Убийство – дело очень простое и грубое, вы со мной согласны?

– Да, думаю, вы правы. Это, несомненно, точка зрения. Но все равно должно быть что-то еще. Какой мотив мог быть у Филиппа Блейка?

Ответ последовал не сразу. Некоторое время Анжела Уоррен стояла молча, сосредоточенно глядя в пол.

– Он ведь был другом Эмиаса Крейла, не так ли? – спросил Пуаро.

Она кивнула.

– У вас что-то на уме, мисс Уоррен. Что-то, о чем вы пока мне не сказали. Эти двое, они были соперниками? Из-за девушки? Из-за Эльзы?

Анжела покачала головой:

– Нет, нет. Только не Филипп.

– Тогда что?

– Не знаю, знакомо ли это вам, но иногда какие-то вещи вдруг возвращаются к вам даже спустя годы. Я объясню, что хочу сказать.

Когда мне было одиннадцать лет, мне рассказали одну историю. Никакого смысла я в ней не увидела, и она никак меня не трогала – в одно ухо вошла, в другое вышла. Наверное, я о ней и не вспоминала бы больше. Но года два

назад, находясь в театре, я вспомнила ее и так удивилась, что даже произнесла вслух: «О, теперь-то мне понятен смысл этой глупой сказки о рисовом пудинге». Притом никакой прямой аллюзии в репликах не было – только какая-то шутка, с некой очень туманной отсылкой к сказке.

– Я понимаю, мадемуазель, что вы хотите сказать.

– Тогда вы поймете и то, что я собираюсь вам сказать.

Однажды мне пришлось остановиться в отеле. Когда я шла по коридору, дверь одного из номеров открылась, и из комнаты вышла знакомая женщина. Номер был не ее, и я поняла это по тому, как изменилось ее лицо, когда она увидела меня.

И вот тогда я вспомнила и поняла выражение, которое увидела однажды ночью на лице Каролины в Олдербери, когда она вышла из комнаты Филиппа Блейка.

Анжела Уоррен подалась вперед, предупреждая вопрос Эркюля Пуаро.

– Тогда у меня и мысли никакой не возникло. Я, конечно, знала кое-что – как и все девочки моего возраста, – но никак не связывала эти знания с реальностью. Каролина Крейл вышла из комнаты Филиппа Блейка – ну и что? Вышла и вышла. Точно так же она могла бы выйти из комнаты мисс Уильямс или моей. Но я все-таки обратила внимание на выражение ее лица. Странное выражение, значения которого я не знала и не смогла понять. А поняла лишь

много позже в Париже, когда увидела то же выражение на лице другой женщины.

– То, что вы рассказали сейчас, удивительно, – медленно проговорил Пуаро. – В разговоре с самим мистером Филиппом Блейком у меня сложилось впечатление, что он недолюбливает вашу сестру и никогда не питал к ней теплых чувств.

– Знаю. Не могу это объяснить, но что есть, то есть, – подтвердила Анжела.

Пуаро задумчиво кивнул.

Уже тогда, беседуя с Филиппом Блейком, он почувствовал: что-то не так. Нескрываемая враждебность к Каролине выглядела не совсем естественной. В памяти всплыли слова Мередита Блейка. «Думаю, ему не понравилось, что Каролина вышла за Эмиаса. Он больше года у них не показывался». Значит ли это, что Филипп был влюблен в Каролину? И не обернулась ли эта любовь, когда Каролина предпочла Эмиаса, в ненависть и горечь?

Да, Филипп был слишком резок, слишком необъективен. Пуаро представил его, бодрого, преуспевающего мужчину, у которого есть гольф и уютный дом. Какие чувства владели Филиппом Блейком шестнадцать лет назад?

– Не понимаю, – снова заговорила Анжела Уоррен. – Видите ли, у меня нет опыта в любовных делах – со мной ничего такого не случалось. Вам я рассказала об этом на

случай, если это могло иметь какое-то отношение к случившемуся.

Часть вторая
Рассказ Филиппа Блейка
(Сопроводительное письмо, полученное с рукописью)
Дорогой месье Пуаро,

выполняя обещание, посылаю с данным письмом свой отчет о событиях, имеющих отношение к смерти Эмиаса Крейла. Поскольку времени прошло немало, должен отметить, что воспоминания, возможно, не отличаются точностью, но я изложил происшедшее так точно и полно, как позволила память.

Искренне ваш

Филипп Блейк

Записи о событиях, предшествовавших убийству Эмиаса Крейла 19 сентября…

С покойным я познакомился еще в детстве. За городом мы жили по соседству, и наши семьи дружили. Эмиас Крейл был на два с небольшим года старше меня. Мальчишками мы играли вместе на каникулах, хотя учились в разных школах. Учитывая наше давнее знакомство и мое долгое общение с этим человеком, я полагаю, что имею право высказать свое мнение о его характере и взглядах на жизнь.

Сразу же скажу – каждому, кто хорошо знал Крейла, версия о его самоубийстве представляется смехотворной. Он никогда бы не покончил с собой, потому что слишком любил жизнь. Точка зрения защиты, согласно которой Крейл терзался муками совести и принял яд в порыве раскаяния, совершенно абсурдна. Он не был совестливым человеком, постоянно ругался с женой и не страдал из-за того, что разбивает неудачную для себя семейную жизнь. Крейл понимал, что ему придется позаботиться о ее и дочери финансовом благополучии. Не сомневаюсь, что он не стал бы скупиться, потому что был человеком щедрым и отзывчивым. Не только великим художником, но и верным другом. Насколько мне известно, врагов у него не было.

Так же много лет я знал и Каролину Крейл. Знал еще до ее замужества, когда она нередко приезжала в Олдербери и оставалась там на некоторое время. Каролина была неврастеничкой, предрасположенной к неконтролируемым вспышкам гнева, довольно привлекательной, но, несомненно, трудной в общении и неуживчивой.

В Эмиаса она влюбилась практически сразу. Он, как мне кажется, глубоких чувств к ней не испытывал. Но они часто бывали вместе и в конце концов обручились.

Друзья Крейла восприняли их брак настороженно, поскольку чувствовали, что она ему не пара. В первые годы это порождало между ними и Каролиной некоторую напряженность, но Эмиас требованиям супруги не поддался и старые дружеские связи сохранил.

Наши с ним отношения со временем вернулись на прежний уровень, и я снова сделался частым гостем в Олдербери. Могу добавить, что я стал крестным отцом их дочери, Карлы. Думаю, это доказывает, что Эмиас считал меня своим лучшим другом, и дает мне право говорить от имени человека, который уже не может высказаться за себя сам.

Что касается событий, о которых меня просили написать.

В Олдербери я приехал за пять дней до преступления (так указано в моем старом ежедневнике), то есть 13 сентября, и сразу же ощутил царящую в доме напряженную атмосферу. В доме также находилась мисс Эльза Грир, портрет которой писал в то время Эмиас.

Мисс Грир я увидел впервые, хотя слышал о ней раньше. Еще за месяц до того Эмиас отзывался о ней в восторженных выражениях. Говорил, что познакомился с чудесной девушкой, и описывал ее с таким восхищением, что я в шутку заметил: «Осторожнее, старина, а то ведь снова потеряешь голову». Он ответил, что это, мол, глупости, что ему важен только портрет, а сама она его не интересует. «Расскажи это кому-нибудь другому!» – сказал я.

«Нет, на этот раз все по-другому», – возразил он.

«Как всегда!» – съязвил я.

Эмиас тогда даже разволновался: «Ты не понимаешь. Она всего лишь девчонка. Почти ребенок». Потом добавил, что

у нее очень современные взгляды и она совершенно свободна от старомодных предрассудков. «Она искренняя, естественная и ничего не боится!»

Я подумал, хотя и не сказал этого Эмиасу, что на этот раз дело добром не кончится.

В последующие недели мне уже от нескольких человек довелось услышать, что, мол, «та девчонка Грир совсем голову потеряла». Кое-кто выражался в том смысле, что Эмиас ведет себя опрометчиво, учитывая возраст девушки, а некоторые с усмешкой добавляли, что уж Эльза Грир своего не упустит. Смысл большинства комментариев сводился к тому, что она купается в деньгах, всегда получает то, что хочет, и «обычно берет дело в свои руки». На вопрос, что думает обо всем этом жена Крейла, обычно следовал ответ, что она вроде бы чертовски ревнива и превратила его жизнь в ад, и в таких условиях каждый мужчина имеет право завести роман на стороне.

Обо всем этом я упоминаю потому, что считаю важным, прежде чем идти дальше, в полной мере понять действительное положение дел.

Мне очень хотелось увидеть девушку своими глазами. Она действительно оказалась красивой и обаятельной, и я, должен признаться, не без злорадства отметил, что ее присутствие сильно цепляет Каролину.

Сам Крейл выглядел отнюдь не таким беспечным и веселым, как всегда. Возможно, тот, кто не знал Эмиаса до-

статочно хорошо, никаких перемен в его поведении не заметил бы, но мне сразу бросились в глаза признаки напряжения: несдержанность, угрюмая рассеянность, общая раздражительность. Занятый картиной, он вообще бывал склонен к переменчивости в настроении, но в тот период работа определенно не могла стать причиной столь заметного переутомления.

Мне Эмиас обрадовался и, когда мы остались вдвоем, сказал: «Слава богу, Фил, что ты приехал. Живя в доме с четырьмя женщинами, можно запросто рехнуться. Взявшись за дело сообща, они точно отправят меня в сумасшедший дом».

Атмосфера там определенно не способствовала покою и благодушию. Каролина, как я уже отметил, слишком бурно переживала из-за этого всего. С Эльзой она была до невозможности груба, но при этом оставалась в рамках учтивости и, оскорбляя, ухитрялась не произнести ни одного бранного слова. Сама же Эльза вела себя с ней нарочито дерзко и вызывающе. Она чувствовала себя победительницей, хозяйкой положения, и хорошее воспитание отнюдь не мешало ей демонстрировать самые худшие образцы дурных манер.

В результате бóльшую часть свободного времени Крейл проводил в компании с Анжелой. Обычно они общались вполне дружески, хотя и подшучивали друг над другом и частенько цапались, но в тот мой приезд во всем, что говорил и делал Эмиас, ощущался край, и эти двое то и дело выходили из себя и схватывались по-настоящему.

Четвертой участницей этого женского квартета была гувернантка. «Унылая карга», – называл ее Эмиас. «Меня на дух не переносит. Вечно с поджатыми губами. Что бы я ни делал, ей все не нравится». Тогда же он в сердцах добавил: «Черт бы побрал всех этих женщин! Мужчине, если он хочет мира и покоя, следует держаться подальше от женщин».

«Тебе не стоило жениться, – сказал я. – Ты не создан для семейных уз».

Он ответил, что теперь говорить об этом уже поздно, и добавил, что, уж конечно, Каролина с радостью от него избавилась бы. Вот тогда я впервые понял, что в доме происходит что-то необычное.

«Ты о чем? – спросил я. – Неужели у тебя с милой Эльзой все настолько серьезно?»

Он тяжело вздохнул. «А она и впрямь мила, а? Вот думаю иногда, что лучше б совсем ее не видел».

«Послушай, старина, – сказал я, – тебе надо взять себя в руки. И не связывайся ты больше с женщинами».

Эмиас посмотрел на меня и рассмеялся: «Хорошо тебе говорить… Только вот я не могу с ними развязаться. Просто не могу. И если б даже мог, они в покое меня не оставили бы!» Помню, он еще пожал потом плечами, усмехнулся и добавил: «Надеюсь, в конце концов все как-нибудь уладит-

ся. Но признайся, картина ведь хороша, а?»

Он говорил о портрете Эльзы, над которым работал тогда, и даже я, человек, не разбирающийся в технике живописи, понимал, что это будет нечто особенное.

За мольбертом Эмиас полностью преображался. Он мог рычать, стонать, хмуриться, ругаться и даже швырять на землю кисть, но на самом деле был по-настоящему счастлив. И только возвращаясь в дом к обеду, снова оказывался в гнетущей атмосфере враждебности.

17 сентября эта враждебность достигла предела. Ланч стал тягостным испытанием.

Эльза вела себя особенно – не могу подобрать другого слова – кичливо! Намеренно игнорировала Каролину, упорно обращалась исключительно к Эмиасу, как будто в комнате никого больше не было.

Каролина же легко и весело разговаривала со всеми остальными, ухитряясь отпускать, казалось бы, безобидные, но на самом деле острые шпильки. Не владея презрительной и высокомерной прямотой Эльзы, она в полной мере пользовалась оружием полунамеков и замаскированных предположений.

Взрыв случился после ланча в гостиной, когда мы уже заканчивали кофе. Я отпустил какое-то замечание по поводу вырезанной из бука и отполированной едва ли не до зеркального блеска головы – вещицы весьма занятной, – и Ка-

ролина сказала: «Это работа одного молодого норвежского скульптора. Мы с Эмиасом восхищаемся им и надеемся повидать его на следующее лето».

Выраженное в спокойной форме, это предъявление прав собственника не могло остаться без ответа со стороны Эльзы, которая никогда не пропускала брошенный вызов. Выждав минуту-другую, она произнесла с подчеркнутой выразительностью: «Чудесная была бы комната, если привести ее в порядок. Сейчас здесь слишком много мебели. Я, когда стану здесь жить, выкину все старье и оставлю, может быть, только пару вещей получше. И повешу медного цвета шторы на западном окне – пусть горят в лучах заходящего солнца». Она повернулась ко мне и добавила: «Как думаете, будет красиво?»

Ответить я не успел.

Заговорила Каролина, и ее голос прозвучал обманчиво мягко и нежно, но с угрожающей ноткой: «Думаете купить этот дом, Эльза?»

«Мне не придется его покупать», – ответила Грир.

«Что вы хотите этим сказать?» – спросила Каролина, и теперь ее голос напомнил жесткий звон металла.

Эльза рассмеялась. «Нужно ли притворяться, Каролина? Бросьте, мы обе прекрасно понимаем, что я хочу сказать».

«Я не понимаю», – возразила Каролина.

«Не будьте страусом, не прячьте голову в песок, – усмехнулась Эльза. – Какой смысл притворяться, будто вы ничего не видите и не знаете. Мы с Эмиасом любим друг друга. Дом принадлежит не вам, а ему. И когда мы поженимся, я перееду сюда и буду жить здесь».

«По-моему, вы рехнулись», – сказала Каролина.

«Нет, милочка, не рехнулась, и вам это прекрасно известно. Нам следует быть честными друг с другом. Вы сами все видели и все знаете. Полагаю, вам остается только одно: дать ему свободу».

Каролина покачала головой.

«Не верю ни единому вашему слову», – сказала она, но без обычной уверенности. Эльза нанесла рассчитанный удар и пробила ее защиту.

Как раз в эту минуту в комнату вошел Эмиас, и Эльза со смехом сказала: «Не верите мне, спросите его».

«Спрошу, – ответила Каролина и повернулась к мужу. – Эмиас, Эльза утверждает, что ты хочешь жениться на ней. Это правда?»

Бедняга Эмиас… Мне даже стало его жалко. Становясь против желания участником такой сцены, каждый мужчина чувствует себя глупцом. Он покраснел, повернулся к

Эльзе и заорал – мол, какого черта она распускает язык.

«Так это правда?» – повторила Каролина.

Эмиас ничего не сказал, только стоял, засунув палец под ворот рубашки. Он всегда так делал, с самого детства, когда попадал в какую-нибудь заварушку. Потом заговорил и даже попытался напустить на себя важности, но, конечно, ничего у него не получилось.

«Я не желаю это обсуждать».

«Нам придется это обсудить!» – возразила Каролина, а Эльза добавила: «Думаю, нам нужно рассказать ей обо всем. Так будет справедливо».

«Так это правда, Эмиас?» – тихо спросила Каролина. Мне показалось, что он смутился. С мужчинами бывает такое, когда женщины загоняют их в угол. «Ответь мне, пожалуйста, – повторила она. – Я должна знать».

Эмиас мотнул головой – точь-в-точь как бык на арене. «Пусть правда, но обсуждать это сейчас я не намерен». С этим он повернулся и вышел из комнаты.

Я последовал за ним – не хотел оставаться с женщинами – и догнал Эмиаса на террасе. Он стоял там и ругался на чем свет стоит. Я впервые слышал, чтобы человек сыпал такими проклятиями. «Ну почему? Не могла язык прикусить? Какого черта растрепалась?! Не было печали, так подлила масла в огонь! А мне картину нужно закончить,

слышишь, Фил? Это лучшее из всего сделанного. Лучшая вещь в моей жизни. А эта пара дурех так и рвутся все испортить!»

Потом он немного успокоился и сказал, что, мол, женщины совершенно лишены чувства меры. Тут уж я не удержался и с улыбкой заметил, что, как ни крути, а виноват он сам. Эмиас даже застонал: «Думаешь, я не знаю? Но, с другой стороны, Фил, признайся – на моем месте любой потерял бы голову. Это даже Каролина должна понимать».

Я спросил, что будет, если она заупрямится, встанет в позу и откажется дать ему развод. Но Эмиас уже отвлекся, задумался и не ответил. Я повторил вопрос, и он рассеянно бросил: «Каролина зловредничать не станет. Ты просто не понимаешь, старина».

«А как же ребенок?» – напомнил я.

Эмиас взял меня за руку. «Фил, дружище, знаю, что ты хочешь как лучше, но прекрати каркать. Со своими делами я сам как-нибудь справлюсь. Все образуется, а если нет – увидишь». В этом весь Эмиас – неисправимый оптимист. «И пошли они к чертям, вся эта свора!» – бодро добавил он в заключение.

Не помню, говорили мы еще о чем-то или нет, но через несколько минут на террасе появилась Каролина – в довольно странной темно-коричневой шляпе с широкими полями – и совершенно спокойно, словно ничего и не случилось, сказала: «Эмиас, сними этот замызганный пиджак. Мы

идем на чай к Мередиту – ты же не забыл?»

Он уставился на нее непонимающе и, слегка заикаясь, сказал: «Д-да, забыл. К-к-конечно, идем».

«Тогда приведи себя в порядок и постарайся не выглядеть как старьевщик». Хотя голос ее и звучал совершенно естественно, на мужа Каролина не смотрела, а отошла к клумбе с георгинами и стала рвать цветы.

Эмиас медленно повернулся и побрел к дому, а мы с ней остались и еще довольно долго разговаривали. Говорила в основном Каролина. О погоде – долго ли еще простоит тепло. Придет ли макрель, и если да, то почему бы нам, Эмиасу, мне и Анжеле, не отправиться на рыбалку.

Надо отдать ей должное, держалась она на зависть хорошо. Такая сила воли, такое владение собой… Не знаю, созрело ли у нее к тому времени решение убить его, но если да, я бы не удивился. Обладая умом трезвым и безжалостным, она вполне могла все спланировать, расчетливо и бесстрастно. Каролина Крейл была опасной женщиной, и мне уже тогда следовало понять, что просто так она этого не оставит.

Но нет, словно глупец, я говорил себе, что Каролина смирилась с неизбежным или же позволила убаюкать себя надеждой, что если она будет вести себя как прежде, то, может быть, Эмиас еще передумает.

Между тем в сад спустились другие, в том числе Эльза, де-

рзкая и самодовольная, как победительница. Каролина ее словно не заметила. Положение спасла Анжела, поспорившая с мисс Уильямс из-за юбки и заявившая, что переодеваться ради кого бы то ни было не собирается. Мол, юбка как юбка и уж для дорогого дяди Мередита вполне сойдет, тем более что он все равно ничего не заметит.

В конце концов мы все же отправились к Мередиту: Каролина с Анжелой, мы с Эмиасом и Эльза – сама по себе, но с улыбкой.

Восхищения мисс Грир у меня не вызывала – слишком агрессивная и напористая, – но должен признаться, в тот день она была невероятно красивой. С женщинами такое бывает, когда они получают то, что хотят.

События второй половины дня помнятся плохо. Все смешалось. Нас встретил сам старина Мерри. Сначала мы прогулялись по саду. Потом долго разговаривали с Анжелой насчет дрессировки терьеров. Она съела кучу яблок и убеждала меня брать с нее пример.

Когда мы вернулись к дому, стол для чая уже накрыли под большим кедром. Мерри был чем-то расстроен, и я подумал, что Каролина или Эмиас что-то ему рассказали. Сначала он то и дело поглядывал с сомнением на Каролину, потом переключился на Эльзу. Его явно что-то тревожило.

Вообще-то Каролине нравилось держать моего брата, так сказать, на поводке, как преданного, платонически влюб-

ленного друга, который всегда рядом и никогда далеко не отходит. Такая она была женщина.

После чая мы с Мередитом коротко поговорили.

«Послушай, Фил, – сказал он. – Эмиас не может так поступить!»

«Может, ты уж мне поверь».

«Но нельзя же вот так запросто бросить жену и ребенка ради этой вот девушки… Он же намного старше, а ей не больше восемнадцати».

Я ответил, что мисс Грир уже двадцать.

«В любом случае она еще несовершеннолетняя и не отдает себе отчета в том, что делает».

Бедный старина Мередит… Всегда старался придерживаться джентльменских правил.

«Не беспокойся, приятель. Уж она-то отдает себе полный отчет в том, что делает, и ей это нравится!»

На этом мы и закончили. Я еще подумал, что Мерри, возможно, разволновался из-за того, что Каролина в скором времени станет брошенной женой. И тогда, по окончании процедуры развода, она могла ожидать определенных шагов от своего преданного поклонника. Мне же представлялось, что ему больше по душе вариант с неразделенным

чувством. Должен признаться, эта сторона дела меня даже забавляла.

Интересно, что само посещение лаборатории Мередита запомнилось плохо. Ему нравилось рассказывать людям о своем хобби. Лично мне это всегда казалось скучным. Вероятно, я был там со всей компанией, когда брат расписывал свойства кониина, но в памяти ничего не осталось. И я не видел, как Каролина стащила яд. Как уже отмечалось выше, женщина она была находчивая и ловкая. Но чтение Мередитом отрывка из Платона с описанием смерти Сократа я помню. По-моему, получилось занудно. Меня всегда утомляла классика.

Ничего больше о том дне я вспомнить не могу.

Эмиас и Анжела разругались вдрызг, чему остальные – по крайней мере в душе́ – только обрадовались, потому что ссора помогла избежать других трудностей. Анжела убежала к себе, мстительно пообещав напоследок посчитаться с Эмиасом позже, поделившись надеждой увидеть его в гробу, пожелав ему умереть от проказы и чтобы к носу прилепился, как в сказке, кусок колбасы.

Когда она умчалась, мы все невольно рассмеялись – такая забавная получилась сцена. Почти сразу же спать ушла и Каролина. Мисс Уильямс последовала за своей подопечной. Эмиас и Эльза вместе отправились в сад. Меня они с собой не позвали, так что я решил прогуляться один. Вечер выдался чудесный.

На следующее утро я спустился вниз довольно поздно. В столовой никого не было. Удивительно, как некоторые мелочи сохраняются в памяти. Я до сих пор помню вкус почек и бекона, которые съел на завтрак. Особенно вкусны были почки, приготовленные с острым соусом.

После завтрака я отправился поискать остальных, но никого не увидел, выкурил сигарету и наткнулся на мисс Уильямс, сбившуюся с ног в поисках Анжелы, которая по обыкновению пряталась где-то, вместо того чтобы чинить порванное накануне платье.

Вернувшись в холл, я услышал доносившиеся из библиотеки громкие голоса Эмиаса и Каролины. Она сказала: «Ты и твои женщины! Так тебя и убила бы. И когда-нибудь точно убью!»

«Не будь дурой», – ответил Эмиас.

«Я серьезно», – предупредила она.

Не желая подслушивать, я снова вышел из дома, прогулялся вдоль террасы и увидел Эльзу, сидевшую на скамейке, прямо под окном библиотеки, которое было открыто. Думаю, из того, что там происходило, она упустила немногое.

Увидев меня, Эльза нисколько не смутилась, спокойно поднялась и направилась ко мне. Подойдя, улыбнулась, взяла меня за руку и сказала: «Чудесное утро, не правда ли?»

Для нее то утро и впрямь было чудесное. Какая жестокая девушка! Хотя нет, просто откровенная и лишенная воображения. Она видела только то, что хотела для себя, и ничего больше.

Разговаривая, мы простояли на террасе минут пять, когда дверь библиотеки хлопнула, и я увидел выходящего Эмиаса Крейла. Лицо у него горело. Он шагнул к нам, бесцеремонно схватил Эльзу за плечо и сказал: «Идем. Пора позировать. Хочу поработать над картиной».

Она кивнула: «Хорошо. Я только поднимусь и захвачу пуловер. Ветерок сегодня прохладный».

Эльза ушла в дом, а я остался, думал, не скажет ли он мне что-нибудь. Не сказал. Только буркнул: «Эти женщины!»

«Держись, старина», – посоветовал я.

Больше никто из нас не проронил ни слова, а потом из дома вышла Эльза, и они вместе направились к Батарейному саду. Я вернулся в дом. В холле стояла Каролина. Меня она как будто не заметила. С ней такое бывало – иногда она словно уходила в себя. Я услышал, как Каролина пробормотала что-то вроде «слишком жестоко». Но обращалась она не ко мне, а к себе. Потом прошла мимо к ведущей наверх лестнице и снова меня не увидела. Как человек, полностью сосредоточенный на каких-то своих мыслях. Думаю (хотя, как вы понимаете, это только предположение), что именно тогда она приняла решение и направилась в комнату за ядом.

Как раз в этот момент зазвонил телефон. В некоторых домах принято ждать, пока трубку возьмет кто-то из прислуги, но я так часто бывал в Олдербери, что повел себя словно член семьи, и ответил.

Звонил мой брат, Мередит. Судя по голосу, его очень что-то расстроило. Он заходил утром в лабораторию и обнаружил, что бутылка с кониином наполовину пуста.

Не стану повторять все то, что мне следовало сделать тогда. Все случилось так неожиданно, что я непозволительно растерялся. Мередит еще бормотал что-то в трубку, но тут с лестницы донеслись чьи-то шаги, и я лишь успел сказать брату, чтобы он немедленно явился сюда. Сам же я вышел ему навстречу. На случай, если вы не знаете, поясню, что самый короткий путь от одного поместья к другому лежит через небольшой залив.

Я спустился по тропинке к небольшому причалу, у которого стоят лодки, и, проходя под стеной Батарейного сада, услышал голоса Эльзы и Эмиаса. Мне они показались веселыми и беззаботными. Эмиас сказал, что день выдался на удивление жаркий (так оно и было, несмотря на то что уже стоял сентябрь), а Эльза ответила, что там, где она сидит на стене, ощущается холодный ветерок с моря. Потом она добавила:

«У меня все онемело. Ты не против, дорогой, если я немного отдохну?» Я услышал, как Эмиас крикнул: «Ни в коем случае. Терпи. Ты же девушка крепкая. У нас отлич-

но получается». «Ты такой жестокий», – рассмеялась Эльза. Больше я ничего не слышал, потому что был далеко.

Мередит уже переправлялся через залив. Я подождал его. Он привязал лодку и поднялся по ступенькам на причал. Лицо у него было бледное и встревоженное.

Подойдя ко мне, брат сказал: «У тебя, Филипп, голова получше моей. Что мне делать? Вещь очень опасная».

Я спросил, уверен ли он, что бутылку ополовинили.

Мередит – парень немного рассеянный, и, возможно, из-за этого я отнесся к случившемуся без должной серьезности. Он сказал, что уверен, и еще накануне, во второй половине дня, бутыль была полная.

«И ты понятия не имеешь, кто мог отлить яд?» – спросил я. Мередит ответил, что не может даже представить, и спросил, что думаю я. Может быть, кто-то из прислуги?

Я сказал, что допускаю такую возможность, но считаю ее маловероятной. Он ведь всегда запирает лабораторию на ключ? Мередит это подтвердил – и понес какой-то вздор насчет того, что окно утром было приподнято на несколько дюймов, поэтому кто-то мог проникнуть в дом этим путем.

«Случайный вор? – скептически заметил я. – По-моему, есть варианты похуже».

Он спросил, что я имею в виду. Я ответил, что если никакой ошибки нет, то взять половину яда могла либо Каролина – чтобы отравить Эльзу, либо Эльза – чтобы убрать с пути Каролину и расчистить дорогу для истинной любви.

Тут Мередит разволновался, заявил, что это нелепо, отдает мелодрамой и вообще не может быть правдой.

«Яд пропал, – сказал я. – Как ты можешь это объяснить?» Никаких объяснений он, конечно, не привел. Скорее всего, он думал так же, как и я, но не хотел признавать факты.

«Что будем делать?» – спросил Мередит.

И я, безмозглый идиот, ответил, что нужно все тщательно обдумать. Ему следует либо заявить во всеуслышание о пропаже, когда все соберутся, либо отвести в сторонку Каролину и предъявить ей обвинение. Если она сумеет убедить его, что не имеет отношения к пропаже яда, то ему следует провернуть тот же фокус с Эльзой Грир.

«Такая девушка! – воскликнул он. – Она не могла его взять».

Я ответил, что не могу исключить ее из подозреваемых.

Разговаривая, мы поднимались по тропинке к дому. После моей последней реплики мы несколько секунд ничего не говорили.

Проходя мимо Батарейного сада, услышали голос Кароли-

ны. Я подумал, что там в разгаре ссора с участием всех троих, но оказалось, что супруги просто обсуждают Анжелу. Каролина протестовала против какого-то предложения мужа: «Ты слишком суров с ней». Эмиас раздраженно проворчал что-то. Мы проходили мимо садовой калитки, когда она открылась. Увидев нас, Эмиас немного растерялся. «Привет, Мередит, – сказала Каролина, выходя из сада. – Мы как раз говорили о том, чтобы отправить Анжелу в школу. Совсем не уверена, что именно это ей нужно».

«Не волнуйся из-за девчонки, – возразил Эмиас. – Ничего с ней не случится. Пусть катится».

В этот самый момент по тропинке от дома сбежала Эльза. В руке у нее было что-то вроде красного джемпера.

«Идем, – проворчал Эмиас. – Продолжим. Не хочу терять время». Он повернулся и, слегка покачиваясь, словно успел приложиться к бутылке, направился к мольберту. Впрочем, в его положении это было бы простительно, учитывая суету, неприятности и сцены.

«Пиво – кипяток, – проворчал Эмиас. – Неужели нельзя устроить, чтобы здесь стояло холодное?»

«Сейчас пришлю, – тут же отозвалась Каролина, – прямо из холодильника».

«Спасибо», – буркнул он.

Каролина закрыла калитку Батарейного сада и вместе с

нами пошла по тропинке. Мы с Мередитом сели на террасе, а она вошла в дом.

Минут через пять появилась Анжела с двумя бутылками пива и стаканами. День выдался жаркий, и охлажденное пиво оказалось как нельзя кстати. Пока мы пили, мимо прошла Каролина с еще одной бутылкой пива – для Эмиаса. Мередит сказал, что сходить может он, но Каролина отказалась.

Я тогда подумал – вот же глупец! – что все дело в ревности и она не хочет, чтобы те двое оставались в саду одни. По той же причине она спускалась в сад и раньше – якобы обсудить предстоящий отъезд Анжелы.

Каролина ушла по тропинке вниз, и мы с Мередитом проводили ее взглядами. Мы так ничего и не решили, а потом появилась Анжела и потребовала, чтобы я пошел с ней купаться. Оставить все на одного Мередита я не мог и, уходя, успел лишь сказать ему: «После ланча». Он кивнул.

Потом мы с Анжелой пошли купаться; очень хорошо поплавали – через залив и обратно, – и позагорали, растянувшись на камнях. Анжела по большей части молчала, что вполне меня устраивало. Подумав, я решил, что сразу после ланча отведу Каролину в сторонку и без лишних слов обвиню ее в краже кониина. Привлекать к этому делу Мередита бессмысленно – он слишком слаб. Нет, я сам припру ее к стенке. После такого она откажется от задумки, вернет яд или по крайней мере не осмелится им воспользоваться. Никаких сомнений в ее виновности у меня не оставалось.

Эльза была женщиной другого склада, благоразумной и прямой, и возиться с ядами не стала бы – слишком велик был риск. В первую очередь она позаботилась бы о собственной шкуре. Каролина же представляла собой смесь более опасную – неуравновешенная, склонная подчиняться импульсам, явная невротичка.

Но при всем этом, должен признаться, я все еще надеялся, что Мередит, может быть, ошибся. Или неловкий слуга пролил по неосторожности настой и не посмел в этом признаться. Яд – это ведь такая театральщина, в которую просто не верится.

Пока не случится самое страшное…

Было уже довольно поздно, когда мой взгляд упал на часы, и мы с Анжелой поспешили на ланч.

Все остальные только-только сели. Все, кроме Эмиаса, оставшегося поработать в Батарейном саду. Ничего необычного в этом не было, он частенько так делал, и я даже подумал, что так оно и к лучшему, поскольку за ланчем все чувствовали себя неловко. Кофе подали на террасу.

Как выглядела и вела себя Каролина, помню, к сожалению, плохо. Какой-то особенно взволнованной она мне не показалась. По-моему, была молчалива и немного печальна. Дьявол, а не женщина! Это кем же надо быть, чтобы вот так хладнокровно отравить человека… Я бы, может быть, понял, если б она схватила револьвер и застрелила мужа.

Но отравить, осуществить свою месть вот так расчетливо, невозмутимо, с полным самообладанием…

Поднявшись из-за стола, Каролина сказала, что отнесет ему кофе. И это прозвучало совершенно естественно, хотя она уже знала – знала наверняка, – что обнаружит его мертвым. С ней пошла мисс Уильямс. Предложила ли ей это Каролина или так решила сама гувернантка, я не помню. Думаю, без Каролины не обошлось.

Они вдвоем ушли, а вскоре и Мередит решил прогуляться. Я уже собирался последовать за ним, когда он с посеревшим лицом появился вдруг на тропинке и, задыхаясь, прохрипел: «Нужно вызвать доктора… быстро… Эмиас…»

Я вскочил со стула. «Что с ним? Он… умирает?»

«Боюсь, он мертв…» – сказал Мередит.

На минуту мы забыли об Эльзе, но она напомнила о себе ужасным криком. Так, наверное, воют банши[17]: «Мертв? Мертв?» Сорвавшись с места, она пулей понеслась по тропинке. Никогда не видел, чтобы кто-то так бежал. Как… как мстительная фурия.

«Я позвоню, – пропыхтел Мередит. – Иди за ней. Кто знает, что она там сделает…»

Я пошел за ней – и правильно сделал.

Эльза вполне могла убить Каролину. Никогда еще я не был

свидетелем такого горя и такой бешеной, неистовой ненависти и злобы. Весь лоск утонченности и образования сошел, и сразу стало ясно, что ее отец и бабушка с дедушкой были работягами на фабрике. У нее отняли любовника, и осталась только женщина, с ее примитивными инстинктами. Она разодрала бы Каролине лицо, вырвала волосы, швырнула ее за стену, если б только могла. Уж не знаю почему, но Эльза решила, что Каролина убила его ножом.

Я едва успел удержать ее, а потом вмешалась мисс Уильямс. Должен сказать, у нее получилось хорошо. Ей хватило минуты, чтобы взять ситуацию под свой контроль, заставить Эльзу замолчать, убедить ее, что криком делу не поможешь. Не женщина – камень. Но у нее все получилось.

Эльза успокоилась – стояла молча, лишь вздрагивая и всхлипывая. Что касается Каролины, то, на мой взгляд, маска спала с ее лица. Застыв в полной неподвижности, она как будто оцепенела. Как будто… Ее выдавали глаза. Встревоженные, внимательные, они за всем наблюдали и ничего не упускали. Наверное, ее уже охватывал страх.

Я подошел и заговорил с ней. Негромко. Так, чтобы те две женщины не слышали нас.

«Будь ты проклята, – сказал я. – Ты убила моего лучшего друга».

Каролина вздрогнула и отпрянула. «Нет… о нет… он… он сделал это сам», – пробормотала она.

Я посмотрел ей в глаза. «Можешь рассказать это полиции».

Она так и сделала – рассказала; но ей не поверили.

Конец рассказа Филиппа Блейка
Рассказ Мередита Блейка
Дорогой месье Пуаро,

Как и обещал, приступаю к письменному изложению моих впечатлений и воспоминаний обо всем, что имеет отношение к трагическим событиям шестнадцатилетней давности. Прежде всего хочу сказать, что я тщательно обдумал сказанное вами при нашей недавней встрече. И по зрелому размышлению еще более укрепился в мысли, что считаю вероятность отравления Каролиной Крейл собственного мужа крайне незначительной. Этот вывод всегда представлялся мне нелепым, но в отсутствие другого объяснения и ввиду ее собственного поведения я послушно присоединился к мнению других и остаюсь с ними: если не она это сделала, то кто же тогда?

После нашей встречи я много думал об альтернативном объяснении, представленном в то время и выдвинутом на суде стороной защиты. То есть о версии самоубийства. Хотя тогда это предположение казалось мне, человеку, знавшему Эмиаса Крейла, фантастическим, теперь я склонен скорректировать свое мнение. Прежде всего чрезвычайно важен тот факт, что в такое объяснение верила и сама Каролина. Если принять за данность, что эта мягкая,

доброжелательная и очаровательная леди была обвинена несправедливо, то ее неоднократно выраженное мнение обретает особую значимость.

Каролина знала Эмиаса лучше, чем кто-либо другой. И если она допускала возможность самоубийства, то оно должно быть возможно даже вопреки скептическому отношению к этой версии его друзей. Не исключено, что в глубине души Эмиас Крейл сохранил остатки совести и мучился раскаянием и даже отчаянием от осознания подлостей, совершенных под влиянием буйного темперамента, о чем было известно его жене.

На мой взгляд, эта гипотеза имеет право на существование. Также возможно, что эту свою сторону он показывал только Каролине.

Хотя данное допущение противоречит всему, что я слышал от него, нельзя отрицать того факта, что в натуре большинства людей существует скрытая, противоречащая всему их поведению черта, проявление которой удивляет и ошеломляет даже тех, кто знает их близко. Уважаемый, строгих правил человек вдруг обнаруживает тайный, непристойный аспект казавшейся безупречной жизни. Предприимчивый делец оказывается почитателем и ценителем тонкого искусства. Жестокие, бессердечные люди являют примеры неслыханной доброты. Под великодушием и общительностью могут таиться скаредность и свирепость.

Нельзя исключать, что и в Эмиасе Крейле таилось зерно самообвинения, и чем активнее он поощрял свой эгоизм,

чем упорнее отстаивал право поступать, как ему заблагорассудится, тем громче звучал голос пробудившейся совести. На первый взгляд это кажется невероятным, но я полагаю теперь, что так могло быть. Именно этой точки зрения придерживалась сама Каролина. Что, повторяю, весьма примечательно!

Теперь давайте исследуем факты или, вернее, мои воспоминания о фактах в свете нового подхода.

Думаю, сюда уместно включить мой разговор с Каролиной, состоявшийся за несколько недель до трагедии, во время первого визита Эльзы Грир в Олдербери. Каролина, как я уже говорил вам, знала о моих глубоких и искренних чувствах к ней. Я был человеком, которому она могла без малейших опасений довериться.

В тот день Каролина пребывала не в самом лучшем настроении, но все же застала меня врасплох, спросив, не думаю ли я, что Эмиас всерьез увлекся девушкой, которую привез с собой.

«Он собирается писать ее, – ответил я. – Только это его и интересует. Ты же знаешь Эмиаса».

Она покачала головой: «Нет, он влюбился в нее».

«Ну, может быть, чуть-чуть».

«Думаю, не чуть-чуть, а сильно».

«Признаю, она необыкновенно привлекательна. И мы оба знаем, как падок Эмиас на женские чары. Но ты, конечно, понимаешь, что любит он только одного человека – тебя. Да, у него бывают увлечения, но они никогда не длятся долго. Ты для него – единственная, и хотя порой он ведет себя недостойно, на его чувствах к тебе это никак не отражается».

«Я и сама думала так до последнего времени», – сказала Каролина.

«Поверь, Каро, так оно и есть».

«Но на этот раз, Мерри, я боюсь. Эта девушка. Она такая… такая невероятно искренняя. Такая юная. Такая… живая. И что-то подсказывает мне, что в этот раз у него все серьезно».

«Но как раз то, о чем ты упомянула – молодость и искренность, – послужат ей защитой. Женщины для Эмиаса – охотничья добыча, но в случае с такой девушкой все будет иначе».

Она вздохнула.

«Этого я и боюсь – что все будет иначе. Ты же знаешь, Мерри, мне тридцать четыре, и мы женаты десять лет. Соперничать с ней я не могу, у меня нет ровным счетом никаких шансов».

«Но ты же знаешь, Каролина, ты знаешь, что Эмиас пре-

дан одной лишь тебе?»

«Можно ли знать мужчину по-настоящему? – Каролина грустно рассмеялась. – Я женщина простая. Мне хочется взять топорик да приложиться к этой девице как следует».

Я сказал, что гостья, по всей вероятности, не отдает себе отчета в том, что делает. Восхищается Эмиасом как гениальным художником, преклоняется перед ним, но, наверное, не сознает, что он влюбляется в нее.

«Дорогой Мерри…» – Каролина покачала головой и перевела разговор на другую тему. Мне же оставалось только надеяться, что она успокоится и перестанет обо всем этом думать.

Вскоре после этого Эльза вернулась в Лондон. Эмиас тоже уехал и отсутствовал несколько недель.

Я уже начал забывать о том разговоре, а потом услышал от кого-то, что Эльза снова приехала в Олдербери, и Эмиас намеревается закончить картину. Новость немного меня обеспокоила, но Каролина, когда я увидел ее, не показалась мне ни расстроенной, ни обеспокоенной. Я подумал, что у них всё в порядке, и поэтому удивился, узнав, что дело зашло так далеко.

Я уже рассказывал вам о своих разговорах с Крейлом и Эльзой. Поговорить с Каролиной возможности не представилось. Мы лишь перебросились несколькими словами, о

чем я вам говорил. Передо мной и сейчас стоит ее лицо с широко раскрытыми темными глазами, полными едва сдерживаемых чувств. Я и сейчас слышу ее голос: «Все кончено».

Не могу описать то бесконечное отчаяние, что прозвучало в этих двух словах, ставших буквальной констатацией истины. С предательством Эмиаса для нее и в самом деле все было кончено. Уверен, именно поэтому она и взяла кониин, увидев в нем выход. Выход, предложенный моей бездумной лекцией о цикуте. И прочитанным отрывком из платоновского «Федона» с прекрасно описанной сценой смерти.

Теперь я твердо в это верю.

Она взяла яд, решив покончить с собой после измены мужа. Возможно, Эмиас увидел, как она это сделала, или узнал об этом позднее. Узнал – и пережил сильнейший эмоциональный удар, ужаснувшись результатам собственных действий. И тем не менее, несмотря на весь ужас и раскаяние, отказаться от Эльзы он не мог. Понять его можно. Каждый, кто влюблялся, знает, что порвать с любимым невозможно.

Эмиас не представлял жизни без Эльзы и понимал, что Каролина не может жить без него. Осознав свое положение, он решил, что выход только один – воспользоваться кониином.

Мне также думается, что выбранный способ характеризует

его самого. На первом месте в жизни была для него живопись, и умереть он предпочел буквально с кистью в руке. А последним, что видели его глаза, было лицо девушки, которую он полюбил с такой отчаянной страстью.

Возможно, Эмиас думал, что его смерть пойдет ей во благо.

Понимаю и признаю, что некоторые любопытные факты остаются без объяснения. Почему, например, на пустом флаконе с кониином остались отпечатки одной только Каролины. Возможно, после того, как Эмиас воспользовался им, отпечатки смазались или стерлись от соприкосновения с чем-то мягким, что лежало сверху, а потом Каролина взяла его посмотреть, осталось ли во флаконе что-то. Разве такое объяснение не возможно? Что же касается отпечатков на пивной бутылке, то свидетели от защиты указывали на то, что руку у человека, принявшего яд, могло свести, и он схватил бутылку совершенно неестественным способом.

И еще один пункт остается без объяснения. Поведение самой Каролины на протяжении всего суда. Полагаю, теперь я понял, в чем дело.

Это действительно она взяла яд из моей лаборатории. Ее решение покончить с собой подтолкнуло Эмиаса совершить самоубийство. Будет логично предположить, что она, считая себя виновницей смерти мужа, приняла ответственность за убийство, пусть и не в том смысле, который приписал ей суд.

Думаю, все могло быть так, и вам будет нетрудно убедить в этом малышку Карлу. И тогда она сможет с легким сердцем выйти замуж за своего молодого человека и успокоиться, зная, что ее мать виновна только в одном: импульсивном порыве (не более того) покончить счеты с собственной жизнью.

Все это, увы, не то, о чем вы меня просили, – речь шла об отчете о событиях того трагического дня, какими они остались в моей памяти. Позвольте устранить это упущение. Я уже рассказал вам о дне, предшествовавшем смерти Эмиаса Крейла. Перехожу теперь к самому дню трагедии.

Встревоженный катастрофическим для моих друзей поворотом событий, я долго не мог уснуть, тщетно пытаясь придумать что-то такое, что предотвратило бы надвигающуюся беду, и лишь около шести часов утра забылся тяжелым сном. Я даже не слышал, как принесли чай, и только в половине десятого оторвался наконец от подушки, с чугунной головой и совершенно разбитый. Через некоторое время до меня донеслись какие-то звуки из комнаты под спальней, той самой, которую я использовал как лабораторию.

Здесь нужно сказать, что звуки эти вполне мог производить забравшийся в лабораторию кот. Спустившись вниз, я обнаружил, что оконная рама приподнята и по недосмотру оставлена в таком положении со вчерашнего дня. Упоминаю об этом эпизоде лишь для того, чтобы объяснить, как я оказался в лаборатории.

Одевшись, я сразу же прошел туда и, оглядывая полки, заметил, что бутылка с кониином слегка сдвинута и выступает из общего ряда. Присмотревшись, я обнаружил, что уровень жидкости в ней значительно понизился. Накануне бутылка была практически полна – теперь же жидкости в ней осталось меньше половины.

Я закрыл окно, вышел и запер за собой дверь. Происшествие расстроило меня и сбило с толку. В такие моменты, надо признаться, мои мыслительные процессы замедляются. Беспокойство переросло в тревогу, за которой последовал прилив страха. Опрос прислуги ни к чему не привел – в лабораторию, по их утверждению, никто не входил. Поразмышляв еще немного, я решил позвонить брату и спросить его совета.

Филипп сообразительнее меня и, осознав серьезность моего открытия, велел тотчас прийти и проконсультироваться с ним.

По дороге из дома мне встретилась мисс Уильямс, которая искала свою сбежавшую ученицу. Я заверил ее, что не видел Анжелу и в моем доме ее не было. Наверно, мисс Уильямс заметила, что я немного не в себе, потому что посмотрела на меня с любопытством. Рассказывать ей о случившемся я не собирался, а потому, посоветовав поискать беглянку в саду – у нее была там любимая яблоня, – торопливо спустился к причалу, сел в лодку и переправился на веслах через залив.

Брат уже ждал меня там.

Мы вместе поднялись к дому по известной вам тропинке. Будучи знакомым с топографией поместья, вы понимаете, что, проходя под стеной Батарейного сада, мы слышали, о чем там говорили.

Я к разговору не прислушивался и понял только, что Каролина и Эмиас разошлись во мнении и спорят о чем-то.

Никаких угроз с ее стороны я, разумеется, не услышал. Речь шла об Анжеле, и Каролина просила отсрочить ее отъезд в школу за границей. Эмиас же твердо стоял на своем и раздраженно кричал, что все улажено и он сам ее проводит.

Мы уже поравнялись с калиткой, когда она отворилась, и из сада вышла Каролина, немного взбудораженная, но не более того. Рассеянно улыбнувшись нам, она сообщила, что говорила с Эмиасом об Анжеле. В ту же минуту на тропинке со стороны дома появилась Эльза, а поскольку Эмиас вполне определенно выразил желание поработать в спокойной обстановке, то мы продолжили путь наверх.

Впоследствии Филипп нещадно ругал себя за то, что мы сразу, без отлагательств не предприняли никаких действий и потеряли время.

Не могу согласиться с ним. Ничто не указывало на то, что в этот самый момент замышляется убийство, и у нас не было ни малейших оснований предполагать это. (Более

того, теперь я уверен в том, что оно и не замышлялось.) Конечно, нам нужно было наметить какой-то курс действий, но я по-прежнему считаю, что для начала нам следовало детально все обсудить и решить, что делать дальше.

Раз или два я ловил себя на том, что начинаю сомневаться в своей правоте. А если ошибся? Действительно ли бутылка была пуста накануне? Я не отношусь к тем, кто (как мой брат Филипп) всегда и во всем уверен. Бывает, память подводит. Частенько случается так, что, вроде бы положив какую-то вещь в одно место, позднее находишь ее в другом. Чем больше я думал о бутылке с кониином – была она полна или нет? – тем сильнее одолевали меня сомнения. Все это раздражало Филиппа, который уже начал терять терпение и злиться. Продолжить начатый разговор мы так и не смогли и в конце концов молча согласились отложить его до после ланча. (Замечу, что при желании я всегда мог зайти в Олдербери на чай.)

Уже после ланча Анжела и Каролина принесли нам пиво. Я спросил у Анжелы, о чем она думает, сбегая от занятий, и предупредил, что мисс Уильямс вышла на тропу войны. Она ответила, что ходила купаться и вообще не видит смысла штопать страшенную старую юбку, поскольку в школу в любом случае поедет со всем новым.

Видя, что возможности поговорить с Филиппом наедине в ближайшее время не представится, я решил прогуляться и еще раз хорошенько обдумать сложившуюся ситуацию.

Над Батарейным садом – как я показывал вам – есть по-

лянка, где в то время стояла старая скамейка. Расположившись там, я закурил и погрузился в раздумья, между прочим наблюдая за позировавшей Эмиасу Эльзой.

Думая об Эльзе, я всегда вспоминаю ее такой, какой она была в тот день. В желтой рубашке, темно-синих брюках и накинутом на плечи пуловере, девушка сидела неподвижно, приняв предписанную позу. Ее лицо лучилось юностью и здоровьем. Звонким, счастливым голосом она говорила о будущем.

Только не подумайте, что я подслушивал. Вовсе нет. Эльза видела меня. Они оба, она и Эмиас, знали, что я там, на поляне над ними. Эльза даже помахала рукой и пожаловалась на Эмиаса, который совсем не дает ей отдохнуть, а она уже окоченела. Эмиас пробурчал, что он, мол, окоченел еще сильнее и у него мышечный ревматизм. «Бедный старичок!» – усмехнулась Эльза, а он сказал, что ей достанется скрипучий инвалид.

Признаюсь, меня задело то беззаботное согласие, с которым они говорили об общем будущем, не замечая, какие страдания причиняют другим. Но и упрекать ее я не мог. Такую юную, такую самоуверенную, такую влюбленную… Она действительно не понимала, что значит страдать. Со свойственной ребенку наивной уверенностью Эльза полагала, что Каролина будет «в порядке» и «скоро все переживет». Она не замечала никого вокруг и видела только себя и Эмиаса, счастливых вместе. Еще раньше Эльза сказала, что мои взгляды старомодные. Она ни в чем не сомневалась, никого не жалела, не испытывала угрызений совес-

ти. Но можно ли ждать жалости от счастливой молодости? Это чувство для других, тех, кто, пожив, набрался мудрости.

Разговаривали они, впрочем, мало. Художники работают молча. Примерно раз в десять минут Эльза отпускала какое-то замечание, на которое Эмиас отвечал коротко и односложно. Помню, она сказала: «Думаю, ты прав насчет Испании. Первым делом поедем туда. И ты обязательно отведешь меня посмотреть бой быков. Какое волнующее, должно быть, зрелище… Только хочу, чтобы бык убил человека, а не наоборот. Я понимаю, что чувствовали римлянки, когда видели, как умирают люди на арене. Люди не интересны, а звери замечательны».

Думаю, в некотором отношении она сама была животным – юным, примитивным существом, без горького человеческого опыта и исполненной сомнений мудрости за спиной. Мне кажется, Эльза еще не начала думать – она только чувствовала. Но жизненной энергии в ней было с избытком – живее ее я не знал никого. Такой ликующей, сияющей и бодрой я видел ее тогда в последний раз. Есть поверье, что буйное веселье предвещает грядущую смерть.

Гонг призвал к ланчу. Я поднялся и направился по тропинке вниз. У калитки Батарейного сада ко мне присоединилась Эльза. После тени солнечный свет бил в глаза. Эмиас полулежал на скамье, раскинув руки и глядя на картину. Я часто видел его в такой позе. Откуда мне было знать, что яд уже начал свою смертельную работу и сковывает члены?

Эмиас терпеть не мог болезни. И никогда не признался бы, что болен. Смею предположить, он объяснил бы слабость тем, что перегрелся на солнце – симптомы весьма схожи, – но жаловаться никогда не стал бы.

«Он не пойдет на ланч», – сказала Эльза.

По правде говоря, я подумал, что так оно к лучшему. «Тогда – пока».

Эмиас перевел взгляд с картины на меня. В этом взгляде – даже не знаю, как это описать – было что-то странное. Что-то, похожее на злобу.

Конечно, тогда я этого не понял – он нередко метал такой убийственный взгляд, когда у него не ладилось с картиной. Я подумал, что дело в этом. Эмиас издал какой-то звук, как будто пробурчал что-то.

И опять-таки ни Эльза, ни я не увидели в этом ничего необычного: художники – люди капризные и раздражительные.

Мы оставили его одного, а сами, смеясь и разговаривая, поднялись по тропинке к дому.

Если б она знала, бедное дитя, что никогда больше не увидит Эмиаса живым… Слава богу, она об этом не подозревала и еще могла – пусть и недолго – побыть счастливой.

За ланчем Каролина вела себя как всегда, разве что была озабочена чуть более обычного. Разве это не говорит о том, что она не имела к случившемуся никакого отношения? Сыграть такое невозможно.

Потом они с мисс Уильямс спустились в сад и нашли Эмиаса уже мертвым. Я встретил гувернантку, когда она спешила к дому. Мисс Уильямс сказала мне вызвать по телефону доктора, а сама вернулась в сад.

Бедное дитя… я говорю об Эльзе. Такую скорбь, такое отчаяние можно наблюдать только у детей, которые еще не ведают, на что способна жизнь.

Каролина же сохранила полное спокойствие. Да, полное спокойствие. Разумеется, она умела контролировать себя намного лучше, чем Эльза. Ни сожаления, ни раскаяния. Сказала лишь, что, должно быть, он сделал это сам.

Мы не могли в это поверить. Эльза взорвалась и открыто, во всеуслышание, обвинила ее в убийстве. Возможно, Каролина уже поняла, что подозрение может пасть на нее. Скорее всего, именно этим и объясняется ее поведение.

Филипп был убежден в ее виновности с самого начала.

Большую помощь и поддержку оказала тогда мисс Уильямс. Она заставила Эльзу лечь, дала ей успокоительное, а когда прибыла полиция, увела Анжелу. Да, эта женщина оказалась настоящей опорой.

Дальше начался кошмар. Полицейские обыскивали дом и задавали вопросы; потом, как мухи, слетелись репортеры – щелкали фотоаппаратами, приставали ко всем домашним с расспросами.

Кошмар…

И этот кошмар продолжается даже теперь, через столько лет… Ради бога, расскажите малышке Карле, что на самом деле случилось, убедите ее, что все так и было, тогда мы сможем забыть и никогда больше не вспоминать этот ужас.

Эмиас наверняка покончил с собой – как ни трудно было поверить в это.

Конец рассказа Мередита Блейка
Рассказ леди Диттишем
Я изложила здесь полную историю моего знакомства с Эмиасом Крейлом вплоть до его трагической смерти.

Впервые я увидела его на вечеринке в чьей-то студии. Помню, он стоял у окна, и я, едва войдя, сразу его увидела. Спросила, кто такой, и мне ответили: «Крейл, художник».

Я тут же заявила, что хочу с ним познакомиться. В тот раз мы говорили минут, может быть, десять. Когда кто-то производит на вас такое впечатление, какое произвел на меня Эмиас Крейл, пытаться описать его бессмысленно. Если я скажу, что, когда увидела Эмиаса, все остальные, кто там был, съежились и растворились, это будет, пожалуй, бли-

же всего к истине.

Сразу после той встречи я отправилась смотреть его картины. Какие только могла. Как раз в то время у него была выставка на Бонд-стрит, еще одну картину показывали в Манчестере, одну – в Лидсе и две – в публичных лондонских галереях. Я посмотрела все, а потом встретилась с ним снова и сказала: «Я видела все ваши картины. По-моему, они чудесны».

Его это позабавило. «А кто сказал, что вы разбираетесь в живописи и можете судить? Я не верю, что вы в этом что-то соображаете».

«Может быть, и нет, – ответила я. – Но они все равно изумительные».

Он ухмыльнулся. «Не будьте восторженной дурочкой».

«Я не такая. Хочу, чтобы вы меня написали».

«Если вы хоть что-то соображаете, то должны понять – я не пишу портреты хорошеньких женщин».

«Это необязательно должен быть портрет, и я не хорошенькая».

Вот тогда только он посмотрел на меня так, словно начал видеть по-настоящему. «Да, может быть, и нет».

«Так вы меня напишете?» – спросила я.

«А вы чудной ребенок», – сказал он.

«Деньги у меня есть, если дело в этом. Я в состоянии хорошо заплатить за работу».

«Почему вам так хочется, чтобы я написал вас?»

«Потому что я так хочу!»

«И это причина?»

«Да, я всегда получаю то, что хочу».

«Бедняжка, как же вы юны!»

«Вы меня напишете?»

Он взял меня за плечи, повернул к свету и внимательно на меня посмотрел. Потом отступил на пару шагов. Я стояла неподвижно. Ждала.

«Несколько раз у меня возникало желание написать стаю до невозможности пестрых австралийских попугаев, опускающихся на собор Святого Павла. Если писать вас на фоне традиционного пейзажа, результат, полагаю, будет такой же».

«Так вы будете меня писать?» – снова спросила я.

«Вы – прекраснейший, живейший и ярчайший образчик

смешения экзотических красок. Я буду вас писать!»

«Тогда договорились», – сказала я.

«Но предупреждаю вас, Эльза Грир. Если я буду вас писать, то, вероятно, полюблю вас».

«Надеюсь…» Я произнесла это ровным, спокойным голосом и услышала, как он затаил дыхание. Его глаза блестели.

Вот так все было – вдруг.

Через день или два мы встретились снова. Крейл сказал, что мне нужно приехать в Девоншир, потому что там есть место, которое требуется ему для заднего плана.

«Я, как вам известно, женат и очень люблю жену».

Я заметила, что если он любит жену, то она, должно быть, очень милая.

«Необычайно милая, – подчеркнул он. – Она восхитительная, и я обожаю ее. Зарубите это себе на носу, юная Эльза».

Я сказала, что поняла.

Неделей позже он приступил к работе. Каролина Крейл встретила меня очень любезно. Я не очень-то ей нравилась, но, в конце концов, с какой стати я должна была ей

понравиться? Эмиас был очень осторожен. Не сказал мне ни слова, которое не могла бы услышать жена. Я была вежлива и соблюдала все требуемые условности. Но мы оба всё понимали.

Через десять дней Крейл сказал, что мне придется вернуться в Лондон.

«Но картина не закончена», – возразила я.

«Она едва начата. Дело в том, Эльза, что я не могу писать вас».

«Почему?» – спросила я.

«Вы прекрасно знаете, почему. Поэтому вам нужно уехать. Я не могу сосредоточиться на работе, не могу думать ни о чем – только о вас».

Мы разговаривали в Батарейном саду. Был жаркий солнечный день. Пели птицы, гудели пчелы. Казалось бы, мир и покой. Но в воздухе висело ощущение чего-то тяжелого, трагического. Как будто что-то, что только должно было случиться, уже отражалось в атмосфере сада.

Я знала, никакого толка от моего возвращения в Лондон не будет, но все-таки сказала: «Хорошо, я уеду, если вы так говорите».

«Вот и молодец».

И я уехала.

Не писала.

Крейл продержался десять дней, а потом явился сам. Похудевший, измученный, несчастный – не узнать.

«Я предупреждал вас, Эльза. Не говорите, что я вас не предупреждал».

«Я вас ждала. Знала, что приедете».

Он как будто застонал. «Есть то, с чем мужчина совладать не в силах. Я не могу ни есть, ни спать, ни отдыхать, потому что хочу вас».

Я сказала, что все это знаю, что сама переживаю то же самое, и так с нашей первой встречи. Это судьба, а ей сопротивляться бесполезно.

«А вы не очень-то и сопротивлялись, а, Эльза?» – спросил он.

Я ответила, что вообще не сопротивлялась.

Он заметил, что хотел бы, чтобы я была постарше, и я ответила, что это значения не имеет.

Я могла бы сказать, что несколько следующих недель мы были счастливы, но слово «счастье» не совсем подходящее. Это было что-то более глубокое и более пугающее.

Мы были созданы друг для друга, мы нашли друг друга, и оба знали, что должны всегда быть вместе.

Но случилось и кое-что еще. Незаконченная картина преследовала Эмиаса, не отпускала, не давала покоя.

«Странная штука, – сказал он однажды. – Раньше я не мог тебя писать – ты мешала, стояла между ней и мной. Но я хочу тебя написать. Написать так, чтобы картина стала лучшей из всего, что я сделал. Мне уже не терпится, у меня руки чешутся добраться до кистей, увидеть, как ты сидишь на той старой белесой стене, позади привычное синее море и благопристойные английские деревья, а на этом фоне ты – диссонирующий триумфальный крик. Вот так тебя нужно написать! Но пока я буду работать – не отвлекать и не беспокоить. Закончу картину, выложу все Каролине, и только тогда мы развяжем этот запутанный узел».

«А Каролина не будет против развода? – спросила я. – Скандал не устроит?» Он ответил, что не устроит. Но с женщинами ведь ничего нельзя знать заранее.

Я сказала, что мне будет жаль, если она расстроится, но, в конце концов, в жизни такое случается.

«Ты разумно рассуждаешь и правильно все говоришь, – вздохнул Эмиас. – Но Каролина голос разума никогда не слушает и рассудительно себя не поведет. Она, знаешь ли, любит меня».

Я ответила, что все понимаю, но если она любит его, то пусть ставит на первое место его счастье и по крайней мере не пытается удержать, если он хочет свободы.

«Жизненные проблемы не решаются с помощью красивых изречений из современных авторов. Не забывай, у природы окровавленные клыки и когти».

«Но мы же цивилизованные люди, разве нет?» – возразила я.

Эмиас рассмеялся. «Цивилизованные люди! Как же! Каролине наверняка захочется рубануть тебя топором. Она даже может проделать что-то в этом духе. Неужели ты не понимаешь, что она будет страдать? Ты хотя бы представляешь, что значит страдать?»

«Ну так не говори ей ничего».

«Нет. Разводиться так или иначе придется. Ты должна принадлежать мне как полагается. Чтобы видел весь мир. Чтобы все было открыто, не таясь».

«Предположим, она не согласится на развод».

«Этого я не боюсь».

«А чего же ты тогда боишься?»

«Не знаю…» – медленно произнес он.

Понимаете, он знал Каролину. Я – нет.

Если б знала…

Мы снова поехали в Олдербери. На этот раз все было уже не так легко и просто. Каролина что-то заподозрила. Мне это не нравилось. Совсем не нравилось. Я всегда терпеть не могла обман и скрытность. Считала, что мы должны все ей сказать, но Эмиас и слышать об этом не желал.

Самое интересное, что ему, в общем-то, было наплевать. Как бы он ни заботился о Каролине, как бы ни жалел ее, честь или бесчестие всего происходящего были для него пустым звуком. Он работал как помешанный, и все прочее не имело никакого значения.

Я впервые видела его таким, полностью поглощенным работой, и только тогда поняла, что он действительно гений. Работа увлекала его так, что он забывал о приличиях. Но для меня все было по-другому. Я оказалась в ужасном положении. Каролина с трудом меня терпела – и по праву. Выход был один – поступить честно и сказать ей правду.

Но Эмиас твердил одно: не мешать, не устраивать сцен, пока он не закончит картину. Я говорила, что никакой сцены, может быть, и не будет. Каролина слишком горда и самолюбива для этого.

«Я хочу быть честной. Мы должны поступить честно», – убеждала я Эмиаса.

«К черту честность. Я пишу картину, будь оно проклято».

Я понимала его точку зрения, но он не желал понимать мою. И в конце концов я не выдержала. Каролина говорила о каких-то планах, которые они с Эмиасом строили на следующую осень. Говорила уверенно, нисколько не сомневаясь, что так оно и будет. И я вдруг поняла, как омерзительно то, что мы делаем, – держим ее в неведении. А еще я, может быть, разозлилась, потому что она постоянно ставила меня в неловкое положение, но делала это так ловко, что и зацепиться было не за что. И вот тогда я выложила ей всю правду. До сих пор думаю, что была отчасти права. Хотя, конечно, если б представляла, к чему это приведет, ничего такого не сделала бы.

Сцена последовала бурная. Эмиас был вне себя от злости, хотя и признавал, что я сказала правду. Каролину я не поняла совсем. Мы отправились на чай к Мередиту Блейку, и она сыграла замечательно – разговаривала, смеялась. Я, по глупости, еще подумала, что она хорошо держится. Мне было неловко из-за того, что пришлось остаться, но Эмиас лопнул бы от злости, если б я уехала. Для всех, конечно, было бы лучше, если б ушла Каролина.

Я не видела, как она взяла яд, и допускаю, что ее объяснение правдиво. Но на самом деле мне трудно поверить, что Каролина собиралась покончить с собой. Она из тех до крайности ревнивых женщин-собственниц, которые никогда не упустят то, что считают своим. Эмиас принадлежал ей, был ее собственностью. Думаю, она скорее убила бы его, чем отпустила и позволила уйти к другой.

Вероятно, Каролина тогда же, пока мы были у Мередита Блейка, решила убить мужа. А рассказ о свойствах цикуты только указал ей на способ, как это сделать. Жестокая и мстительная женщина. Эмиас всегда знал, что она опасна. А я – нет.

На следующее утро они с Эмиасом окончательно все выяснили. Бо́льшую часть разговора я слышала, сидя на террасе под открытым окном. Он держался замечательно, был терпелив и спокоен. Умолял ее принять случившееся как есть, призывал к благоразумию, говорил, что сделает все, чтобы обеспечить их будущее. Потом посуровел, заговорил жестче.

«Пойми вот что. Я намерен жениться на Эльзе, и меня ничто не остановит. Мы с тобой всегда соглашались в том, что каждый даст другому полную свободу. В жизни случается всякое».

«Поступай, как угодно, – ответила она. – Я тебя предупредила».

Каролина говорила очень спокойно, но в ее голосе звучала странная нотка.

«Как это понимать?» – спросил Эмиас.

«Ты – мой, и я не намерена тебя отпускать. Скорее убью, чем отдам этой девчонке».

Как раз в это время вдоль террасы проходил Филипп Блейк.

Я встала и пошла ему навстречу. Не хотела, чтобы он услышал, о чем они говорят. Потом Эмиас вышел из дома и сказал, что пора возвращаться к работе. Мы вместе направились в Батарейный сад. Он почти все время молчал. Сказал только, что Каролина вышла из себя, но больше говорить об этом не стал – мол, обсудим все потом, когда закончим с картиной. «Это будет лучшее из всего, что я сделал, пусть и оплаченное кровью и слезами».

Через какое-то время я поднялась в дом за пуловером – с моря дул прохладный ветерок, – а когда вернулась в сад, там уже была Каролина. Думаю, она пришла, чтобы в последний раз попытаться образумить мужа. Филипп и Мередит Блейки тоже были там. Вот тогда Эмиас и сказал, что хочет пить и что есть пиво, но оно теплое.

Каролина пообещала прислать ему охлажденное. Выглядело это совершенно естественно и сказано было дружелюбным тоном. Ну разве не актриса? Она уже тогда знала, что намерена сделать.

Пиво Каролина принесла минут через десять. Эмиас работал. Она налила в стакан и поставила его рядом с ним. Никто из нас на нее не смотрел. Эмиас всегда сосредоточен на том, что делает, а я старалась держать позу и не отвлекаться.

Как всегда, Эмиас выпил пиво залпом, одним глотком. Потом поморщился и заметил, что вкус противный, но оно по крайней мере холодное. Однако даже тогда у меня не возникло ни малейшего подозрения – я только рассмеялась и

сказала: «Это печень».

Каролина не задержалась и, как только Эмиас выпил пиво, ушла домой.

Минут, наверное, через сорок он пожаловался на окоченелость и боли, предположив, что у него, должно быть, ревматизм. Надо сказать, что болеть Эмиас не любил и не терпел, когда с ним нянчились. Уже через минуту он, бодрясь, добавил: «Возраст дает о себе знать, Эльза. Нашла ты себе скрипучее дерево».

Я подыграла, ответила шуткой, но заметила, что движения его скованные, и он даже поморщился несколько раз от боли. Мне и в голову не пришло, что причина не в ревматизме, а в чем-то другом. Эмиас подвинул скамью, прилег и время от времени, с усилием привставая, поправлял что-то на холсте. Он и раньше делал так – просто смотрел на меня, а потом на картину. Иногда так продолжалось до получаса, поэтому я не придала этому особого значения.

Когда дали гонг, Эмиас сказал, что на ланч не пойдет. Он останется в саду и ничего не хочет. В этом тоже не было ничего необычного. К тому же ему было легче остаться, чем сидеть за одним столом с Каролиной. Говорил он тоже довольно странно, неразборчиво, будто бормотал. Но и такое случалось раньше, когда работа шла не так, как ему хотелось.

На ланч я пошла с Мередитом Блейком. Он заглянул в сад, заговорил с Эмиасом, но тот только буркнул что-то. Мы

отправились в дом и оставили его одного. Оставили умирать…

Я мало сталкивалась с больными, ничего не знала о болезнях и тогда подумала, что у него очередной приступ раздражительности. Если б я знала… если б догадалась… возможно, доктор еще успел бы его спасти. Господи, ну почему мне… Да что теперь говорить. Я была глупа и слепа.

Больше сказать нечего.

После ланча Каролина и гувернантка ушли. Мередит пошел за ними, но почти сразу вернулся и сообщил, что Эмиас мертв.

Вот только тогда я поняла! Поняла, что это сделала Каролина. Я еще не думала о яде. Думала, что она либо застрелила его, либо заколола. Я убила бы ее, если б добралась.

Как она могла! Как могла? Он был такой… живой, полный сил и энергии. И уничтожить все это… погасить эту жизнь… Только для того, чтобы он не достался мне…

Ужасная женщина.

Страшная, злобная, жестокая, мстительная…

Я ненавижу ее. Ненавижу до сих пор.

И ее даже не повесили.

Ее должны были повесить.

Даже веревки было бы для нее слишком мало.

Ненавижу… ненавижу… ненавижу.

Конец рассказа леди Диттишем
Рассказ Сесилии Уильямс
Дорогой мистер Пуаро,

посылаю вам отчет о событиях сентября 19… года, свидетельницей которых я была.

Я рассказала о них совершенно откровенно, ничего не утаив. Можете показать мой отчет Карле Крейл. Возможно, он расстроит ее и огорчит, но я всегда верила в правду. Полуправда губительна. Человек должен иметь смелость смотреть в лицо фактам. Без этой смелости жизнь бессмысленна. Более всего людям вредят те, кто защищает их от правды.

Поверьте мне, искренне ваша

Сесилия Уильямс

Меня зовут Сесилия Уильямс. Миссис Каролина Крейл приняла меня в дом на должность гувернантки для своей сводной сестры, Анжелы Уоррен, в 19… году. Мне было тогда сорок восемь лет.

К исполнению своих обязанностей я приступила в Олдербери, красивом поместье в южной части Девона, принадлежавшем на протяжении многих поколений семейству Крейл. Я знала, что мистер Крейл – известный художник, но не была знакома с ним до приезда в Олдербери.

В доме проживали тогда мистер и миссис Крейл, Анжела Уоррен (ей было в то время тринадцать лет) и трое слуг.

Моя подопечная оказалась девочкой интересной и многообещающей, с явно выраженными способностями, и мне доставляло удовольствие заниматься с ней. Некоторое сумасбродство и недисциплинированность, проявлявшиеся порой в ее поведении, проистекали в значительной степени из ее живости и непоседливости, а я всегда предпочитала, чтобы мои девочки выказывали характер и силу духа. Избыток активности и энергии можно направить в нужное русло ради достижения полезных целей. В целом, на мой взгляд, Анжела была обучаемым и поддающимся дисциплине подростком, пусть и несколько избалованным сводной сестрой, которая потакала ей во многом, не проявляя должной требовательности. Что касается мистера Крейла, то он, на мой взгляд, влиял на Анжелу не лучшим образом: то бездумно потворствовал, то требовал беспрекословного подчинения. Он был человеком переменчивого настроения, что объяснялось, по-видимому, его артистическим темпераментом. Никогда не понимала, почему художественные способности служат извинением для человека, неспособного контролировать себя и держаться в рамках приличий. Я не считаю картины мистера Крейла достой-

ными восхищения. Его манера рисования представлялась мне неверной, краски – неестественными, но, разумеется, поделиться своим мнением по этим вопросам мне никто не предлагал.

Что касается миссис Крейл, то вскоре я прониклась к ней глубокой симпатией. Я восхищалась ее характером, ее стойкостью в трудных жизненных обстоятельствах. Мистера Крейла нельзя назвать образцовым супругом, и, как мне представляется, именно его неверность причиняла ей боль и страдания. Женщина более решительная ушла бы от него, но миссис Крейл даже не рассматривала такой вариант. Она терпела его измены, прощала их ему, но – я могу сказать это с полной уверенностью – не молчала и устраивала бурные сцены. На суде говорилось, что они жили как кошка с собакой. Я бы так не сказала – к миссис Крейл такое выражение применить нельзя, поскольку она обладала достоинством и благородством, – но ссоры у них определенно случались. Что вполне естественно, учитывая обстоятельства.

Я провела у миссис Крейл два года, когда на сцену вышла мисс Эльза Грир. В Олдербери она приехала летом 19… года. Миссис Крейл знакома с ней не была. Мистер Крейл объявил, что собирается писать ее портрет. С первых дней стало ясно, что он влюблен в девушку, и она не предпринимала ничего, чтобы охладить его пыл.

На мой взгляд, мисс Грир вела себя возмутительно, постоянно грубила миссис Крейл и открыто флиртовала с мистером Крейлом. Разумеется, миссис Крейл ничего мне не

говорила, но было заметно, как она несчастна и встревожена. Я делала все, что было в моих силах, чтобы отвлечь ее и облегчить ее тяжкое бремя.

Мисс Грир позировала мистеру Крейлу каждый день, но работа над картиной продвигалась медленно.

Конечно, им было о чем еще поговорить!

К счастью, моя ученица происходящего почти не замечала.

В некоторых отношениях Анжела отставала от своего возраста, хотя интеллектуально была развита хорошо. Она не проявляла интереса к нежелательным книгам и не выказывала признаков нездорового любопытства, зачастую свойственного девочкам ее возраста. Поэтому и не видела ничего нежелательного в дружбе между мистером Крейлом и мисс Грир, которую тем не менее не любила и считала глупой.

В этом Анжела была права. Мисс Грир, полагаю, получила должное образование, но за время пребывания в Олдербери ни разу не взяла в руки книгу и не имела ни малейшего представления о современных литературных течениях. Более того, она не могла поддержать разговор ни на одну интеллектуальную тему. Мисс Грир интересовали лишь ее собственная внешность, наряды и мужчины.

Думаю, Анжела даже не сознавала, что ее сестра несчастна. Она не отличалась ни чуткостью, ни восприимчивостью и

бóльшую часть свободного времени проводила в мальчишеских забавах: лазала по деревьям и носилась как сумасшедшая на велосипеде. Кроме того, она пристрастилась к чтению и демонстрировала отменный вкус как в симпатиях, так и в антипатиях. Миссис Крейл всегда скрывала от сестры свои тревоги. Она всячески старалась выглядеть жизнерадостной и веселой в ее присутствии.

Потом мисс Грир возвратилась в Лондон, чему мы все, могу признаться, были очень рады. Слуги относились к ней так же неприязненно, как и я. Она создавала множество ненужных проблем и неизменно забывала сказать «спасибо».

В скором времени мистер Крейл тоже покинул поместье, и, конечно, я не сомневалась, что он последовал за девушкой. Мне было очень жаль мисс Крейл, которая принимала все близко к сердцу. Я глубоко разочаровалась в мистере Крейле. Недостойно мужчине, имеющему очаровательную, великодушную и умную жену, обходиться с ней подобным образом.

И все же мы надеялись, что роман вскоре закончится. Нет, мы не касались этой темы в разговорах, но миссис Крейл прекрасно знала мое отношение к происходящему.

К несчастью, по прошествии нескольких недель пара вернулась – продолжить работу над картиной. Теперь мистер Крейл трудился не покладая рук, охваченный каким-то творческим безумием. Казалось, его не столько интересует девушка, сколько портрет. Однако я понимала, что в

этот раз финала, ставшего уже привычным для такого рода ситуаций, не будет. Мисс Грир вцепилась в него мертвой хваткой и отпускать не намеревалась. В ее руках он был уступчив и податлив, словно воск.

В день, предшествовавший трагедии – то есть 17 сентября, – напряжение достигло высшей точки. На протяжении нескольких дней мисс Грир вела себя непозволительно дерзко. Уверившись в своей победе, она желала доказать и свою значимость. Миссис Крейл держалась безупречно, как истинная леди – с ледяной вежливостью, но ясно давая понять, что думает о ней.

17 сентября, когда мы сидели в гостиной после ланча, мисс Грир позволила себе удивительное замечание относительно своих планов по переустройству комнаты после переезда в Олдербери. Разумеется, миссис Крейл не могла оставить выпад без внимания и спросила, что это означает. В ответ мисс Грир имела наглость заявить – в присутствии всех домашних, – что собирается выйти замуж за мистера Крейла. Замуж за женатого мужчину!

Я очень, очень злилась на мистера Крейла. Как он посмел позволить этой девчонке оскорблять свою жену в ее собственной гостиной? Если он хотел сбежать с Эльзой Грир, то должен был уехать с ней, а не приводить ее в дом и поддерживать в возмутительных выходках. Тем не менее миссис Крейл не уронила достоинства.

Как раз в этот момент в комнату вошел ее муж, и она потребовала от него объяснений. Мистер Крейл, что вполне

ожидаемо, рассердился на мисс Грир, которая своим необдуманным заявлением не только обострила ситуацию, но и поставила его в неудобное положение, чего мужчины терпеть не могут. Это бьет по их тщеславию.

Он стоял посередине гостиной, высокий гигант, выглядевший как оробевший и напроказничавший мальчишка. А вот его супруга вышла из трудного положения с честью и достоинством. Мистер Крейл пробормотал, что, мол, да, это правда, но он не хотел, чтобы она узнала. Миссис Крейл посмотрела на него с молчаливым презрением и, высоко подняв голову, вышла из комнаты. Такая красивая женщина – куда до нее этой раскрашенной девице, – настоящая императрица…

Я всем сердцем надеялась, что Эмиас Крейл будет наказан за жестокость и пренебрежение, с которыми он отнесся к благородной, перенесшей столько страданий женщине. Впервые за все время я попыталась сказать о своих чувствах миссис Крейл, но она остановила меня: «Мы должны постараться вести себя как обычно. Так будет лучше. А сейчас мы все пойдем на чай к Мередиту Блейку».

«Вы замечательная, миссис Крейл», – сказала я ей.

«Вы плохо меня знаете… – Она направилась к двери, но потом вернулась и поцеловала меня. – Что бы я без вас делала».

Миссис Крейл ушла к себе и, думаю, выплакалась. Снова я увидела ее, когда они собрались к мистеру Мереди-

ту Блейку. Она надела широкополую шляпу, скрывавшую лицо, хотя вообще носила ее очень редко.

Мистер Крейл чувствовал себя не в своей тарелке, но старался держаться как обычно. Мисс Грир напоминала кошку, заполучившую целое блюдечко сметаны, и только что не урчала от удовольствия.

Они ушли и вернулись около шести. Наедине с миссис Крейл мы в тот вечер уже не оставались. За обедом она была очень молчалива и спать отправилась рано. Никто, наверное, и не представлял, как она страдает.

Вечером случилась перебранка между мистером Крейлом и Анжелой. Они снова сцепились из-за школы. Он был раздражен и несдержан, она – необычайно занудлива. Все вопросы были решены, новая одежда и школьные принадлежности куплены, казалось бы, о чем еще спорить, но она снова вытащила старые обиды. Уверена, девочка ощутила напряжение, и оно подействовало на нее так же, как и на других. Боюсь, и я, слишком занятая собственными мыслями, не вмешалась и не остановила ее вовремя, как следовало бы сделать. Закончилось же все тем, что Анжела бросила в мистера Крейла пресс-папье и выбежала из комнаты.

Я пошла вслед за ней и сказала, что мне стыдно за ее ребяческое поведение. Но привести девочку в чувство не получилось, и я сочла за лучшее оставить ее в покое. Возможно, мне следовало зайти к миссис Крейл, но я подумала, что ей это может не понравиться, поэтому не стала ее

тревожить.

Я часто упрекаю себя за то, что не поборола тогда собственную робость и не настояла на разговоре. Может быть, что-то и изменилось бы. Понимаете, ей некому было довериться. Выдержка, самоконтроль – качества, достойные восхищения, но приходится с сожалением признать, что иногда они уводят слишком далеко. Чувствам нужно давать выход.

По пути в свою комнату я встретила мистера Крейла. Он пожелал мне спокойной ночи, но я не ответила.

Следующее утро обещало прекрасный день. Когда просыпаешься, а вокруг такой покой и красота, кажется, что даже человек должен опомниться и прийти в чувство.

Еще до завтрака я зашла в комнату Анжелы, но ее уже не было. Я подняла валявшуюся на полу порванную юбку, прихватив с собой, чтобы девочка заштопала ее, когда поест. Оказалось, однако, что она, схватив хлеб и мармелад, уже умчалась.

Позавтракав, я отправилась на ее поиски. Упоминаю об этом, чтобы объяснить, почему меня не было в то утро с миссис Крейл. Наверное, мне следовало бы составить ей компанию, но я почла своим долгом присмотреть за Анжелой. Она всегда капризничала и упрямилась, когда речь шла о починке вещей, но я не собиралась идти ей на уступки.

Ее купального костюма на месте не оказалось, поэтому я спустилась к берегу. Ни на камнях, ни в воде ее не было; оставалось только предположить, что она ушла к Мередиту Блейку, в доме которого проводила много времени. Я села в лодку, переправилась на другой берег и возобновила поиски, но никого не нашла и в конце концов вернулась.

Миссис Крейл и оба Блейка, Филипп и Мередит, были на террасе. День выдался жаркий, и миссис Крейл спросила, не желает ли кто холодного пива.

В годы правления королевы Виктории к дому пристроили небольшую теплицу. Миссис Крейл она не нравилась и по назначению не использовалась, но зато в помещении хранились на полках бутылки с джином, вермутом, лимонадом и пивом. Стоявший там же холодильник каждое утро наполняли льдом и несколькими бутылками пива.

Я отправилась к теплице вместе с миссис Крейл. Анжела стояла у холодильника и как раз доставала бутылку. «Мне нужно пиво, – сказала вошедшая первой миссис Крейл, – отнести Эмиасу».

Должна ли я была тогда заподозрить что-то? Ее голос, когда она обратилась к сестре, прозвучал уверенно и совершенно нормально. Хотя, надо признаться, в тот момент меня больше занимала Анжела, стоявшая возле холодильника с опущенной головой и виноватым видом.

Я отчитала ее довольно резко, и она, к моему удивлению, приняла выговор безропотно и даже не пыталась возразить.

На мой вопрос, где была, ответила, что ходила купаться. Я сказала, что не видела ее на берегу. Она засмеялась. Тогда я спросила, где ее кофточка. Анжела ответила, что, наверное, забыла на берегу.

Все эти детали я привожу, чтобы объяснить, почему пиво в Батарейный сад понесла миссис Крейл.

Какие-то другие события того утра из памяти стерлись. Анжела принесла коробку со швейными принадлежностями и без лишнего шума заштопала юбку. Я вроде бы чинила белье. Мистер Крейл к ланчу не пришел, чему я порадовалась.

После ланча миссис Крейл собралась в Батарейный сад, а я решила спуститься на пляж и поискать забытую Анжелой кофточку. Мы отправились вместе, но потом разделились – она свернула в сад, а я пошла дальше по тропинке. И почти сразу же услышала ее крик.

Как вам уже известно, миссис Крейл попросила меня вернуться домой и позвонить доктору. Поднимаясь к дому, я встретила мистера Мередита Блейка и передала поручение ему, а сама поспешила вернуться в Батарейный сад.

Это моя история в том виде, как я рассказала ее на дознании и впоследствии на суде. О том, что будет изложено ниже, я не рассказывала ни одной живой душе. Мне не задали ни одного вопроса, на который я дала бы неправильный ответ. Тем не менее я виновна в сокрытии некоторых фактов, в чем не раскаиваюсь. Я бы сделала это снова.

Я также понимаю, что, предавая огласке этот факт, могу подвергнуться осуждению и критике, но не думаю, что по прошествии стольких лет кто-либо отнесется к моему заявлению всерьез, тем более что Каролину Крейл осудили и без этих моих показаний.

Вот что тогда случилось.

Встретив мистера Мередита Блейка, о чем упоминалось выше, я поспешила по тропинке вниз. Походка у меня легкая, к тому же в тот день на ногах у меня были парусиновые туфли. Калитка в Батарейный сад осталась открытой, и вот что я увидела, когда вбежала.

Миссис Крейл тщательно вытирала пивную бутылку своим носовым платком. Потом взяла руку своего мертвого мужа и прижала пальцы к бутылке. Все это время она прислушивалась и посматривала по сторонам. Страх, который я увидела на ее лице, открыл мне правду на то, что случилось на самом деле. Я поняла – и уже не сомневалась более, – что Каролина Крейл отравила своего мужа. И лично я не виню ее. Он довел жену до предела человеческого терпения и сам навлек на себя кару.

Я не рассказала об этом миссис Крейл, и она до самого конца не знала, что я видела. Дочь Каролины Крейл не должна строить жизнь на лжи. Как бы ни было ей больно узнать правду, правда – единственное, что имеет значение.

Скажите ей, передайте от меня, что ее мать не подлежит суду. Каролину Крейл подвергли испытаниям, вынести ко-

торые не способна любящая женщина. Долг дочери – понять и простить.

Конец рассказа Сесилии Уильямс
Рассказ Анжелы Уоррен
Дорогой месье Пуаро,

выполняя данную вам просьбу, я записала все, что помню об ужасных событиях шестнадцатилетней давности. И лишь взявшись за эти записи, поняла, как мало в действительности помню. В памяти не осталось ничего из того, что предшествовало самой трагедии. Сохранились лишь неясные воспоминания о летних днях – отдельные, разрозненные эпизоды, которые я не могу даже соотнести с уверенностью с тем летом.

Смерть Эмиаса стала ударом грома среди ясного неба. Ничто не предвещало беды, и все, приведшее к ней, прошло мимо меня. Можно ли было предвидеть ее? Неужели все девочки в пятнадцать лет такие же глухие, слепые и бестолковые, какой была я? Может быть. Мне кажется, я хорошо улавливала и понимала настроения окружавших меня людей, но мне и в голову не приходило задуматься над тем, в чем причины этих настроений. Кроме того, именно в то время я вдруг открыла для себя пьянящее очарование слов. Прочитанное, обрывки поэзии – в том числе Шекспира – эхом отдавались в моей голове. Помню, как ходила по садовой дорожке, словно в восторженном бреду, повторяя «под полупрозрачной зеленой волной»… Так чудно звучали эти слова, что их хотелось повторять снова

и снова.

И все эти открытия, все эти волнения шли вперемешку с тем, чем я любила заниматься, сколько помню себя. Плавать, лазать по деревьям, лакомиться фруктами, разыгрывать работавшего в конюшне мальчишку и кормить лошадей.

Каролину и Эмиаса я воспринимала как неотъемлемую часть моего мира, его центральные фигуры, но никогда не думала ни о них, ни об их делах, ни о том, что они думают и чувствуют.

Появление Эльзы Грир прошло для меня почти незаметно. Я считала ее глупой, не замечала ее красоты и воспринимала как скучную богачку, портрет которой взялся писать Эмиас.

Впервые вся эта ситуация коснулась меня, когда я услышала с террасы, куда сбежала однажды после ланча, как Эльза говорит, что собирается замуж за Эмиаса. Что за нелепость, подумала я и пристала к нему с расспросами: «Почему Эльза говорит, что выйдет за тебя замуж? Она же не может. Нельзя иметь двух жен – это бигамия, и за это сажают в тюрьму».

Помню, Эмиас очень разозлился. «Как, черт возьми, ты это узнала?»

Я сказала, что услышала через окно библиотеки.

Он разозлился еще сильнее и заявил, что меня нужно отправить в школу и отучить от привычки подслушивать.

До сих пор помню, как меня возмутили его слова. Возмутила несправедливость.

Абсолютная и полная несправедливость.

Я сердито выпалила, что не подслушивала, и вообще, почему Эльза говорит такие глупости?

Он ответил, что она пошутила.

Наверное, я должна была успокоиться. И успокоилась… почти. Но не совсем. И на обратном пути обратилась уже к Эльзе: «Я спросила у Эмиаса, что вы имели в виду, когда сказали, что собираетесь за него замуж, и он ответил, что это была просто шутка».

Я думала, что зацеплю ее, выведу из себя, но она только улыбнулась. Мне это не понравилось. Не понравилась ее улыбка. Я пошла к Каролине. Она как раз одевалась к обеду. Я спросила ее напрямик, может ли Эмиас жениться на Эльзе. До сих пор помню ее ответ слово в слово. «Эмиас женится на Эльзе только после моей смерти».

Вот тогда я успокоилась окончательно. Ведь смерть кажется нам всем чем-то таким далеким. Но обида на Эмиаса за все им сказанное не прошла, и за обедом я постоянно его дергала, так что в конце концов мы разругались вдрызг, и я убежала из столовой, упала на кровать и ревела, пока не

уснула.

Визит к Мередиту Блейку запомнился плохо, кроме того эпизода, когда он читал отрывок из «Федона» с описанием смерти Сократа. Раньше я о нем не знала, и это показалось мне самым прекрасным из всего, что я когда-либо слышала. Вот только связать его с каким-то определенным временем я не могу. Это мог быть любой день того лета.

Точно так же я не помню, как ни стараюсь, что было на следующее утро. Вроде бы купалась. Кажется, что-то штопала. Все будто в тумане, вплоть до того момента, когда на террасе появился запыхавшийся Мередит. Лицо у него было серое и какое-то странное. Помню, как со стола упала и разбилась кофейная чашка – ее уронила Эльза. Помню, как она вдруг сорвалась с места и побежала по тропинке. Помню ее перекошенное лицо. Я все повторяла про себя: «Эмиас умер. Эмиас умер». Но это не ощущалось как что-то реальное. Помню, как пришел доктор Фоссет, серьезный и хмурый. Мисс Уильямс успокаивала Каролину. Я бродила по дому, всеми забытая, путалась под ногами. Помню, что меня тошнило. Спуститься в сад и посмотреть на Эмиаса мне не дали.

Потом появилась полиция. Они всех расспрашивали и все записывали в блокноты. В конце концов на носилках принесли накрытое чем-то тело Эмиаса.

Немного погодя мисс Уильямс отвела меня в комнату Каролины. Та лежала на софе, бледная и больная. Она поцеловала меня и сказала, что хочет, чтобы я уехала как мож-

но скорее, что это все ужасно, но мне не нужно ни о чем беспокоиться и думать. Еще она сказала, что меня отвезут к леди Трессильян, где уже находилась Карла, потому что этот дом желательно освободить.

Я вцепилась в Каролину, сказала, что не хочу уезжать, а хочу остаться с ней. Она сказала, что знает это, но мне лучше уехать, и тогда ей будет легче.

«Делай, как говорит сестра, – вмешалась мисс Уильямс, – это будет самая лучшая твоя помощь. И не устраивай сцен».

Я пообещала сделать все так, как хочет Каролина.

«Ты молодец, моя дорогая Анжела», – сказала Каролина, а потом обняла меня и еще раз повторила, что мне не о чем беспокоиться, не надо говорить об этом и вспоминать.

Потом мне пришлось спуститься и поговорить с полицейским суперинтендантом. Он был очень внимателен и добр, спросил, когда я в последний раз видела Эмиаса и задал еще несколько вопросов, тогда показавшихся мне бессмысленными. Теперь, конечно, я понимаю, к чему они сводились.

Убедившись, что я знаю не больше того, что он уже слышал от других, суперинтендант сказал мисс Уильямс, что не возражает против моего отъезда в Феррибай-Грейндж, к леди Трессильян.

Я уехала туда, и леди Трессильян приняла меня очень любезно. Но, конечно, скоро я узнала правду. Каролину арестовали почти сразу же. Известие оглушило меня и ужаснуло так, что я заболела.

Уже потом мне говорили, что Каролина сильно тревожилась обо мне. Именно по ее настоянию меня отправили из Англии еще до начала судебного процесса. Но об этом я вам уже рассказывала.

Как видите, воспоминания мои весьма скудны. После разговора с вами я тщательно перебрала то немногое, что сохранилось в памяти, выискивая детали поведения и реакции свидетелей тех событий. Я не помню ничего такого, что указывало бы на чью-то вину. Безумство Эльзы. Посеревшее и встревоженное лицо Мередита. Скорбь и злость Филиппа. Все представляется совершенно естественным. Возможно ли, что кто-то только притворялся?

Я знаю только одно: Каролина этого не делала.

В этом я уверена совершенно и при этом убеждении останусь, но никаких доказательств у меня нет, кроме знания ее характера.

Конец рассказа Анжелы Уоррен

Часть третья

Глава 1

Выводы

Карла Лемаршан подняла голову, посмотрела на Пуаро печальными, полными боли глазами и усталым жестом от-

бросила со лба волосы.

– Я в замешательстве. Не знаю, что и думать. И все потому, что угол зрения постоянно меняется. – Она дотронулась до стопки рукописей. – Каждый видит мою мать по-своему, не так, как другие. Но факты одни и те же. В этом отношении все согласны, расхождений нет.

– Вы удручены? Прочли и расстроились?

– Да. А вы разве нет?

– Нет. Я считаю эти документы очень ценными и информативными, – медленно и задумчиво произнес Пуаро.

– Лучше б я их не читала, – вздохнула Карла.

Детектив взглянул на нее.

– Вот, значит, как?

– Они все считают, что это сделала она. Все, кроме тети Анжелы, а ее мнение в расчет не принимается, потому что оно не подкрепляется доказательствами. Она просто из тех людей, которые верны до конца, несмотря ни на что. Поэтому и повторяет одно и то же: «Каролина этого сделать не могла».

– Вы так это видите?

– А как иначе? Знаете, я так поняла, что если это сделала

не моя мать, то, стало быть, кто-то другой, один из пятерых. У меня даже есть теперь свои теории.

– Вот как! Это интересно. Расскажите.

– Ничего особенного, просто рассуждения. Взять, к примеру, Филиппа Блейка. Он биржевой маклер. Был лучшим другом моего отца. Возможно, тот доверял ему. Художники, как известно, люди в денежных делах беспечные. Может быть, он устроил так, что отец подписал что-то. Потом возникла опасность, что вся эта история выйдет наружу, и спасти Филиппа Блейка могла только смерть моего отца. Это один из возможных вариантов.

– Неплохо придумано. Что еще?

– Ну, есть еще Эльза. Филипп Блейк говорит в своих записях, что она слишком умна, чтобы иметь дело с ядом, но мне совершенно так не кажется. Предположим, моя мама пошла к ней и сказала, что не станет разводиться с отцом и ничто не заставит ее передумать. Можете говорить что угодно, но, как мне представляется, склад ума у Эльзы обывательский – ей хотелось удачно выйти замуж. Она вполне могла раздобыть яд – и в тот день, во время визита к Мередиту Блейку, у нее была прекрасная возможность это сделать – и попытаться убрать с дороги мою мать, отравив ее. Мне представляется, это было бы в ее духе. Но потом, возможно, по какой-то роковой случайности отравленное пиво вместо Каролины выпил Эмиас.

– У вас действительно неплохое воображение. Что-то

еще?

– Я подумала, – медленно сказала Карла, – может быть… Мередит!

– Ага… Мередит Блейк?

– Да. Знаете, мне он представляется как раз таким человеком, способным на убийство. Медлительный, не очень сообразительный, над которым все смеются, и его это возмущает и злит. А потом мой отец женится на девушке, которая ему нравится. К тому же Эмиас успешен и богат. И яды у него под рукой, он сам их изготавливает. Может, он и увлекся этим с тайной мыслью, что однажды сможет кого-нибудь убить. Чтобы отвести от себя подозрение, он сам привлекает к ним внимание. И, конечно, ему было легче всего взять яд. Может быть, Мередит даже хотел, чтобы Каролину повесили, – ведь это она когда-то отвергла его. Знаете, есть что-то подозрительное в этих рассуждениях насчет того, что люди порой совершают несвойственные им поступки. Что, если он, когда писал об этом, имел в виду не кого-то, а себя самого?

– Вы правы по меньшей мере в том, что не стоит принимать на веру все, о чем сказано в записях. Нельзя исключать, что кто-то писал с определенной целью: увести расследование в сторону.

– Да, знаю. Я держала это в уме.

– Еще идеи есть?

– Я думала, – медленно сказала Карла, – еще до того, как прочитала это… о мисс Уильямс. Она ведь лишилась работы, когда Анжелу отправили в школу. И в случае внезапной смерти Эмиаса Анжела, возможно, никуда и не поехала бы. То есть если б смерть сошла за естественную, что вполне могло случиться, а вскрытие ничего подозрительного не показало, то причиной посчитали бы солнечный удар.

Знаю, потеря работы не самый убедительный мотив для убийства. Но ведь убивают и по мотивам, которые кажутся совершенно нелепыми. Иногда из-за ничтожно малых сумм. Немолодая, возможно, не очень компетентная гувернантка могла впасть в отчаяние и, не видя перед собой будущего, решиться на убийство. Я думала так до того, как прочитала ее записи. Но мисс Уильямс не такая. Она вовсе не показалась мне некомпетентной.

– Отнюдь. Мисс Уильямс и сейчас женщина деловитая и разумная.

– Знаю. Это видно. По-моему, она заслуживает полного доверия. Именно это меня и огорчает. Вы ведь понимаете. Вы с самого начала дали ясно понять, что вам нужна правда. Полагаю, теперь мы ее получили! Мисс Уильямс права. Мы должны принять правду. Нельзя строить жизнь на лжи только потому, что нам хочется в нее верить. А раз так – я могу ее принять! Моя мать не невиновна! Письмо мне она написала, потому что была слаба и несчастна и хотела защитить меня. Я не осуждаю ее. Возможно, на ее месте я чувствовала бы то же самое. Не знаю, что значит

тюрьма для вас. И я не виню ее – если она так отчаянно любила моего отца, то, наверное, не могла поступить иначе. Но и отца я тоже не могу винить во всем. Я понимаю отчасти и его чувства. Он был такой жизнелюбивый, так хотел владеть всем… Он просто не мог иначе, не мог перебороть себя. А еще он был великий художник. Думаю, таким многое прощается.

Она повернулась к Пуаро, разгоряченная и взволнованная, с гордо вскинутым подбородком.

– Итак, вы удовлетворены? – спросил тот.

– Удовлетворена? – Голос Карлы Лемаршан дрогнул.

Пуаро подался вперед и по-отечески похлопал ее по плечу.

– Послушайте. Вы отказываетесь от борьбы, когда от вас требуется бороться. Вы отказываетесь от борьбы, когда я, Эркюль Пуаро, уже представляю, что на самом деле случилось тогда.

Карла недоуменно посмотрела на сыщика.

– Мисс Уильямс любила мою мать. Она своими глазами видела, как Каролина фальсифицировала улику. Если вы верите тому, что она написала…

Пуаро поднялся.

– Мадемуазель, именно тот факт, что Сесилия Уильямс утверждает, что видела, как ваша мать прижимала пальцы Эмиаса Крейла к пивной бутылке – пивной бутылке, запомните это, – окончательно убеждает меня в невиновности вашей матери. Каролина Крейл не убивала вашего отца.

Он несколько раз кивнул и вышел из комнаты, оставив Карлу в полнейшей растерянности.

Глава 2
Пять вопросов Пуаро
I

– Итак, месье Пуаро? – с плохо скрываемым нетерпением осведомился Филипп Блейк.

– Прежде всего должен поблагодарить вас за восхитительный и подробный отчет о трагедии Крейлов, – сказал детектив.

– Вы очень любезны, – смущенно пробормотал Блейк. – Даже удивительно, сколь многое вспомнилось, стоило только взяться за дело…

– Замечательно внятный и ясный отчет, но есть и определенные упущения, не так ли?

– Упущения? – Блейк нахмурился.

– Ваш рассказ, – продолжал Пуаро, – скажем так, не вполне откровенен. – В его голосе зазвучали жесткие нотки.

– Мне стало известно, что по крайней мере однажды миссис Крейл видели выходящей из вашей комнаты в весьма поздний час.

В наступившей тишине слышалось только тяжелое дыхание Филиппа Блейка.

– Кто вам сказал? – выдавил он наконец.

Пуаро покачал головой.

– Кто сказал, значения не имеет. Важно то, что я это знаю.

И снова тишина. Подумав, Филипп Блейк принял решение.

– Похоже, случай натолкнул вас на одно исключительно личное дело. Признаю, оно не укладывается в рамки моего изложения. И тем не менее оно увязывается с ним лучше, чем вы можете подумать. Придется рассказать вам правду.

Я действительно испытывал некоторую враждебность в отношении Каролины Крейл. И в то же время меня всегда неудержимо влекло к ней. Возможно, именно второе возбудило первое. Ее власть надо мной вызывала у меня возмущение и негодование. Я всячески пытался подавить это влечение, выпячивая для себя ее отрицательные черты.

Не знаю, поймете ли вы меня, но она никогда мне не нравилась. Однако же я мог бы легко и в любой момент сбли-

зиться с ней. Мальчишкой я был влюблен в нее, а она совсем меня не замечала. Простить такое трудно.

Шанс представился, когда Эмиас совершенно потерял голову из-за той девчонки, Эльзы Грир. Как-то вдруг и сам того не желая, я поймал себя на том, что признаюсь Каролине в любви. «Да, – спокойно сказала она, – я всегда это знала».

Вот оно, оскорбительное презрение женщин!

Конечно, я понимал, что она меня не любит, но видел, что последнее увлечение Эмиаса всерьез встревожило ее и развеяло иллюзии в отношении супруга. Когда женщина в таком настроении, завоевать ее не составляет труда.

Она согласилась прийти ко мне ночью. И пришла. – Блейк помолчал. Казалось, ему приходится выталкивать из себя слова. – Вошла в мою комнату. А когда я обнял ее, преспокойно сообщила, что ничего не получится. Что она любит только одного мужчину и останется с Эмиасом Крейлом, что бы там ни случилось. Согласилась, что обошлась со мной нехорошо, но ничего поделать с собой не может, и попросила прощения. И ушла! Ушла от меня! Вы понимаете, месье Пуаро? Понимаете, что после этого я возненавидел ее во сто крат сильнее? Понимаете, что я не простил ее? Не простил за оскорбление, которое она нанесла мне, и за то, что убила моего друга, которого я любил больше всех на свете!

Дрожа от нахлынувших эмоций, Филипп Блейк воскли-

нул:

– Не желаю говорить об этом, слышите? Вы свой ответ получили. Теперь же уходите! И никогда больше не обращайтесь ко мне с этим делом!

II

– Мне нужно знать, мистер Блейк, в каком порядке ваши гости вышли в тот день из лаборатории.

– Но, мой дорогой Пуаро, – запротестовал Мередит Блейк. – Шестнадцать лет прошло! Как же я могу помнить? Но я уже говорил вам, что последней вышла Каролина.

– Вы уверены?

– Да. По крайней мере я так думаю.

– Давайте пройдем туда сейчас. Видите ли, нам нужно знать наверняка.

Продолжая протестовать, Мередит Блейк тем не менее повел сыщика в лабораторию, открыл дверь и раздвинул ставни.

– Итак, друг мой, – тоном, не терпящим возражений, заговорил Пуаро. – Вы только что показали гостям ваши самые интересные препараты. Закройте глаза и подумайте…

Мередит Блейк покорно выполнил эту просьбу. Пуаро вынул из кармана носовой платок и осторожно помахал им

взад-вперед. Ноздри у Блейка дрогнули.

– Да, да… Невероятно, как все вдруг возвращается! На Каролине было бледно-кофейного цвета платье. Фил выглядел усталым. Мое хобби всегда казалось ему дурацким увлечением.

– Думайте, – сказал Пуаро. – Вы собираетесь выйти из комнаты и пойти в библиотеку – прочитать гостям тот самый отрывок о смерти Сократа. Кто выходит из комнаты первым? Вы?

– Эльза и… да, я. Она вышла первой. Я – сразу же за ней. Мы разговаривали. Я остановился и подождал, пока пройдут остальные, чтобы запереть дверь на ключ. Филипп… Точно. Филипп вышел следующим. И Анжела. Она еще спрашивала его про «медведей» и «быков» на бирже. Они прошли в коридор. За ними был Эмиас. Я все еще стоял и ждал… конечно, Каролину.

– Итак, вы совершенно уверены, что Каролина задержалась. Вы видели, что она делала?

Блейк покачал головой:

– Нет. Я стоял спиной к лаборатории. Разговаривал с Эльзой, рассказывал о том, что некоторые растения, согласно старинным поверьям, должно собирать только в полнолуние. Думаю, ей было скучно. Потом вышла Каролина – немного поспешно, – и я запер дверь.

Он остановился, посмотрел на Пуаро, который как раз убирал в карман носовой платок и, поморщившись, неприязненно подумал: «Ну и ну, этот чудак и впрямь душится!» Вслух же сказал:

– Я абсолютно уверен. Порядок был именно таким. Эльза, я, Филипп, Анжела, Эмиас и Каролина. Вам это помогло?

– Все складывается, – сказал Пуаро. – Послушайте, я хочу устроить здесь встречу. Думаю, трудностей не возникнет…

III

– Ну? – Эльза Диттишем подалась вперед с почти детским нетерпением.

– Хочу задать вам вопрос, мадам.

– Да?

– Когда все закончилось – я имею в виду суд, – просил ли Мередит Блейк вашей руки?

Эльза посмотрела на него. На ее лице проступило презрительное и почти скучающее выражение.

– Да, просил. А что?

– Вы были удивлены?

– Удивлена? Не помню.

– Что вы ответили?

Эльза рассмеялась.

– А вы как думаете? Мередит? После Эмиаса? Это было бы смешно! Он никогда не отличался большим умом. – Она вдруг улыбнулась. – Знаете, Мередит хотел защищать меня, «заботиться обо мне», как он выразился. Думал, как и все остальные, что суд стал для меня тяжким испытанием. Эти репортеры! Эти орущие толпы! Грязь, которой меня забрасывали…

Леди Диттишем ненадолго задумалась. Потом сказала:

– Бедняжка Мередит! Какой осел!

И снова рассмеялась.

IV

Уже не в первый раз Эркюль Пуаро наткнулся на острый, видящий насквозь взгляд мисс Уильямс и снова, будто перенесшись на десятки лет назад, ощутил себя робким, испуганным мальчишкой.

Он хотел бы, объяснил сыщик, задать один вопрос.

Мисс Уильямс выразила готовность выслушать гостя.

Неторопливо, тщательно подбирая слова, Пуаро сказал:

– Будучи еще ребенком, Анжела Уоррен получила серьезное увечье. В представленных мне записях я обнаружил два упоминания об этом событии. Согласно первому миссис Крейл бросила в нее пресс-папье. Согласно второму она напала на девочку с кочергой. Которая из этих версий правильная?

– Ни о какой кочерге я не слышала, – без раздумий ответила мисс Уильямс. – Правильный вариант – с пресс-папье.

– От кого вы его услышали?

– Мне рассказала сама Анжела. Причем рассказала по собственной инициативе и едва ли не в самом начале нашего знакомства.

– Что именно она вам поведала?

– Анжела дотронулась до щеки и сказала: «Это сделала Каролина, когда я была ребенком. Бросила в меня пресс-папье. Никогда не упоминайте при ней об этом, потому что она ужасно расстраивается».

– Сама миссис Крейл в разговоре с вами упоминала об этом инциденте?

– Лишь вскользь. Она считала, что я знаю, как все случилось. Помню, однажды миссис Крейл сказала: «Знаю, вы считаете, что я избаловала Анжелу, но, понимаете, я никогда не смогу искупить свою вину перед ней». А в другой раз выразилась так: «Нет бремени тяжелее, чем знать, что

ты на всю жизнь изувечил другого человека».

– Спасибо, мисс Уильямс. Это все, что я хотел узнать.

– Я не понимаю вас, месье Пуаро, – резко заметила мисс Уильямс. – Вы показали Карле мой отчет о трагедии?

Детектив кивнул.

– И тем не менее вы… – Она не договорила.

Пуаро кивнул.

– Задумайтесь на минутку. Проходя мимо торговца рыбой и видя лежащие на прилавке двенадцать рыб, вы принимаете их все за настоящие, не так ли? Но одна из них может оказаться муляжом.

– В высшей степени маловероятно, – с жаром возразила мисс Уильямс.

– Да, маловероятно, но не невозможно, поэтому однажды моему другу пришлось сравнивать чучело рыбы с настоящей. И если бы вы увидели вазу с цинниями в гостиной в декабре, то приняли бы их за искусственные, хотя они могли быть настоящими, доставленными из Багдада на самолете.

– К чему весь этот вздор? – строго вопросила мисс Уильямс.

– К тому, чтобы показать вам: по-настоящему видят лишь глаза разума.

V

Подходя к большому многоквартирному дому, выходящему на Риджентс-парк, Пуаро замедлил шаг. Вообще-то, если подумать как следует, ему вовсе не хотелось расспрашивать о чем-либо Анжелу Уоррен. Что касается единственного вопроса, который он хотел задать, то с ним можно было подождать. Нет, на самом деле его привела сюда неутолимая страсть к симметрии. Пять человек – значит, и вопросов должно быть пять. Так точнее и аккуратнее. Все как бы закругляется.

Ладно, он что-нибудь придумает…

Анжела Уоррен приняла его с живым нетерпением.

– Выяснили что-нибудь? Подвижки есть?

Пуаро медленно кивнул, став похожим на китайского болванчика.

– Продвижение есть… наконец.

– Филипп Блейк? – У нее получилось что-то среднее между утверждением и вопросом.

– В настоящий момент, мадемуазель, я не хочу ничего говорить. Время еще не пришло. А вас я попрошу оказать любезность и приехать в Хэндкросс-Мэнор. Остальные

уже согласились.

Мисс Уоррен нахмурилась.

– И что вы предполагаете сделать? Реконструировать события шестнадцатилетней давности?

– Посмотреть на все с другого угла и, может быть, увидеть яснее. Вы приедете?

– Да, приеду, – задумчиво сказала Анжела Уоррен. – Будет интересно увидеть всех снова. Может быть, теперь я посмотрю на них, как вы говорите, яснее, чем тогда…

– Вы захватите с собой письмо, которое показывали мне в прошлый раз?

Она снова нахмурилась.

– Письмо – моя собственность. Вам я показала его потому, что имела на то вескую причину, но позволять читать его чужим и не симпатичным мне людям я не намерена.

– Но вы согласны руководствоваться в этом деле моими рекомендациями?

– Ничего подобного. Я захвачу с собой письмо, но как с ним быть, решу сама в соответствии с моим собственным суждением, которое, позволю себе так думать, не хуже вашего.

Пуаро лишь развел руками в знак согласия и поднялся.

– Разрешите один небольшой вопрос?

– Какой?

– В то время, когда случилась трагедия, вы ведь читали «Луну и грош» Сомерсета Моэма?

Анжела Уоррен растерянно уставилась на него.

– Полагаю… да, совершенно верно, – подтвердила она и взглянула на сыщика с любопытством. – А как вы узнали?

– Хочу показать вам, мадемуазель, что даже в делах малозначительных я немного волшебник. Есть вещи, о которых я знаю, даже если мне о них не говорят.

Глава 3
Реконструкция

Послеполуденное солнце заглядывало в лабораторию Хэндкросс-Мэнор. В комнату внесли несколько кресел и небольшой диван, но они не столько добавили уюта, сколько подчеркнули ее унылое запустение.

Немного смущенный Мередит Блейк перебрасывался редкими репликами с Карлой, рассеянно пощипывая усы. Прервав очередную паузу, он сказал:

– Моя дорогая, вы так одновременно похожи и не похожи

на вашу мать…

– И чем же я похожа и не похожа? – спросила Карла.

– У вас такой же цвет волос и походка, но вы – как бы это выразиться… намного позитивнее.

Филипп Блейк наморщил лоб и, выглянув из окна, нетерпеливо побарабанил по стеклу.

– Для чего это все затевалось? Какой в этом смысл? Такой чудесный субботний денек…

Успокоить его поспешил Эркюль Пуаро.

– Приношу свои извинения. Я знаю, непростительно расстраивать партию в гольф. Mais voyons[18], мистер Блейк, это ведь дочь вашего лучшего друга. Вы же сделаете исключение ради нее, не правда ли?

– Мисс Уоррен, – объявил дворецкий.

Мередит вышел навстречу гостье.

– Рад, Анжела, что вы смогли выкроить время. Знаю, как вы заняты. – Он подвел ее к окну.

– Здравствуйте, тетя Анжела, – сказала Карла. – Прочла сегодня утром вашу статью в «Таймс». Приятно иметь знаменитую родственницу. – Она жестом указала на высокого молодого человека с квадратным подбородком и серыми

глазами. – Это Джон Реттери. Мы с ним… надеемся пожениться.

– О! Я и не знала… – отозвалась Анжела Уоррен.

Мередит отправился встречать очередного прибывшего.

– Мисс Уильямс, давненько не виделись.

Худощавая, хрупкая, но по-прежнему энергичная, пожилая гувернантка вошла в комнату. Несколько секунд она задумчиво смотрела на Пуаро, потом перевела взгляд на высокую, широкоплечую фигуру в ладно скроенном твиде.

Анжела Уоррен с улыбкой шагнула к ней.

– Я как будто снова чувствую себя ученицей.

– Горжусь вами, моя дорогая, – сказала мисс Уильямс. – А это, полагаю, Карла? Она, конечно, меня не помнит. Такая юная…

– Это еще что такое? – недовольно проворчал Филипп Блейк. – Меня никто не предупредил…

– Я называю это… экскурсией в прошлое. Давайте все сядем и подождем последнего гостя. А когда она прибудет, перейдем к нашему делу – попробуем похоронить призраков.

– Какие глупости, – воскликнул Филипп Блейк. – Вы же не собираетесь устроить сеанс спиритизма?

– Нет, нет. Мы всего лишь обсудим некоторые события, случившиеся давным-давно. Обсудим и, возможно, яснее представим их ход. Что же касается призраков, то они не материализуются, но кто скажет, что их здесь нет, в этой комнате, пусть даже сейчас мы их не видим? Кто скажет, что Эмиас и Каролина Крейл не слушают нас?

– Полнейшая чепуха и… – начал было Филипп Блейк, но осекся, потому что дверь снова открылась, и дворецкий объявил о прибытии леди Диттишем.

Эльза вошла в лабораторию с характерным для нее выражением скуки и высокомерного превосходства. Одарив пренебрежительной улыбкой старшего из Блейков, она холодно взглянула на Анжелу и Филиппа, прошествовала к стоящему у окна, чуть поодаль от остальных, креслу и распустила окутывавшие ее шею роскошные, бледных тонов меха. Минуту-другую оглядывала комнату, после чего посмотрела на Карлу.

Девушка тоже смотрела на нее, задумчиво оценивая женщину, чье появление внесло раздор и привело к трагедии в жизни ее родителей. Смотрела с любопытством, без следа враждебности на юном, серьезном лице.

– Извините, если опоздала, месье Пуаро, – сказала Эльза.

– Мадам, я благодарю вас за оказанную любезность.

Сесилия Уильямс едва слышно фыркнула, но Эльза встретила брошенный на нее презрительный взгляд с полным равнодушием.

– Анжела, тебя бы я не узнала, – сказала она. – Сколько не виделись? Шестнадцать лет?

– Да, – воспользовавшись моментом, подхватил Пуаро, – шестнадцать лет отделяют нас от событий, говорить о которых мы будем сегодня. Но прежде позвольте объяснить, почему мы собрались здесь.

Не тратя лишних слов, сыщик рассказал об обращении к нему Карлы Лемаршан и своем согласии на ее предложение. Затем, не обращая внимания на потемневшего от негодования Филиппа и опешившего от такого заявления Мередита, быстро продолжил:

– Я взялся за это дело и приступил к работе с одной целью: отыскать правду.

Слова Пуаро доносились до Карлы Лемаршан, сидевшей в глубоком, с высокой спинкой кресле, словно издалека. Прикрыв ладонью глаза, она тайком изучала пять лиц.

Возможно ли представить, что кто-то из этой пятерки совершил убийство? Прекрасная, как экзотический цветок, Эльза? Раскрасневшийся от возмущения Филипп? Мягкий, добродушный мистер Мередит Блейк? Суровая гувернантка? Собранная, деловитая Анжела Уоррен?

Возможно ли – если постараться как следует – представить кого-то из них убийцей? Да, возможно, но только убийство было бы другим. Филипп Блейк мог бы задушить какую-то женщину в порыве ярости. Мередит Блейк мог бы, грозя револьвером грабителю, случайно спустить курок. Застрелить из револьвера могла бы и Анжела Уоррен, но отнюдь не случайно. Ничего личного – ради безопасности экспедиции! И Эльза, сидя в роскошных шелках на диване в каком-нибудь сказочном замке, могла бы распорядиться сбросить какого-нибудь несчастного с крепостной стены. Но даже в самых буйных фантазиях невозможно было представить в роли убийцы маленькую мисс Уильямс. Еще одна воображаемая сцена: «Вы когда-нибудь убивали, мисс Уильямс?» И в ответ: «Занимайся арифметикой, Карла, и не задавай глупых вопросов. Убить кого-то – это зло».

«Я, должно быть, больна – это нужно остановить, – подумала Карла. – Послушай, дурочка, что говорит этот человечек. Он говорит, что знает».

– Моя задача состояла в том, – продолжал Пуаро, – чтобы вернуться в прошлое, пройти сквозь годы и выяснить, что же произошло на самом деле.

– Мы все знаем, что произошло, – подал голос Филипп Блейк. – Придумывать что-то другое – мошенничество. Наглое, неприкрытое мошенничество. Вы пытаетесь под ложным предлогом выманить деньги у этой девушки.

Пуаро сдержался и не дал воли гневу.

– Вы говорите, мы все знаем, что произошло. Говорите, не подумав. Общепринятая версия определенных фактов не есть обязательно версия верная. К примеру, вы, мистер Блейк, как может показаться на первый взгляд, не питали к миссис Каролине Крейл приязненных чувств. Таково общепринятое мнение. Но каждый, у кого есть психологическое чутье, сразу поймет, что в данном случае верно противоположное. Вас всегда неодолимо влекло к Каролине Крейл, но вы отвергали очевидное и пытались побороть влечение, постоянно напоминая себе о ее недостатках.

То же относится и к мистеру Мередиту Блейку, чья преданность Каролине Крейл стала чем-то вроде многолетней традиции. Описывая трагедию, он возмущается поведением Эмиаса Крейла, его отношением к жене, но, если вчитаться внимательнее, нетрудно увидеть между строк, что давнишняя верность исчахла, а все мысли заняла юная и прекрасная Эльза Грир.

Мередит попытался что-то сказать, а Эльза Диттишем улыбнулась.

– Я привожу эти примеры для наглядности, хотя они и имеют прямое отношение к случившемуся. А теперь начинаю путешествие в прошлое – узнать все, что только можно, о той давней трагедии. Я расскажу вам, с чего все началось.

Мне удалось поговорить с адвокатом, защищавшим Каролину Крейл, с помощником обвинителя, со старым адвокатом, близко знавшим семейство Крейл, с секретарем

адвокатской конторы, присутствовавшим в зале суда, с полицейским, расследовавшим это дело. А потом я пришел к пяти непосредственным свидетелям и участникам трагедии. Полученные от всех пятерых сведения составили композиционный портрет женщины. Я узнал следующие факты.

Ни разу за все время Каролина Крейл не заявляла о своей невиновности (за исключением письма, написанного к дочери).

На скамье подсудимых Каролина Крейл не только не выказала страха, но и не проявила интереса к происходящему, словно заранее смирившись с любым исходом.

В тюрьме она оставалась спокойной и невозмутимой.

В письме к сестре, написанном сразу после вынесения приговора, она выражала покорность судьбе. По мнению всех, с кем я разговаривал – за одним примечательным исключением, – Каролина Крейл была виновна.

Филипп Блейк согласно кивнул.

– Конечно, была!

– Но моя роль вовсе не заключалась в том, чтобы соглашаться с вердиктом, вынесенным другими. Я должен был сам изучить все улики, все свидетельские показания. Исследовать факты и признать, что психология дела соответствует им. С этой целью я внимательно изучил поли-

цейские протоколы и сумел убедить пятерых очевидцев трагедии написать для меня их личные отчеты о ней. Эти отчеты оказались крайне ценны, поскольку содержали определенные сведения, которых не было в полицейских протоколах, а именно:

а) содержание бесед и упоминания о происшествиях, не имевших, с точки зрения полиции, непосредственного отношения к делу;

б) мнения самих свидетелей относительно того, о чем думала и что чувствовала Каролина Крейл (по закону, в судебном разбирательстве такие материалы к рассмотрению не принимаются);

в) некоторые факты, намеренно сокрытые от полиции.

Располагая всем этим, я мог рассмотреть дело сам. В наличии у Каролины Крейл веского мотива для убийства сомнений вроде бы не было. Она любила мужа, а он открыто признавал, что намерен оставить ее ради другой женщины. К тому же она сама призналась в своей ревности.

От мотивов переходим к средствам – пустому флакону, содержавшему кониин и найденному в ящике ее комода. На флаконе были обнаружены отпечатки только ее пальцев. Отвечая на вопрос полиции, миссис Крейл признала, что взяла яд из комнаты, в которой мы сейчас находимся. На бутылке с кониином также нашлись ее отпечатки.

Я спросил у мистера Мередита Блейка, в каком порядке

пятеро его гостей вышли в тот день из лаборатории – мне представлялось маловероятным, что кто-то рискнет отливать яд из бутылки на глазах свидетелей.

Гости вышли из лаборатории в следующем порядке: Эльза Грир, Мередит Блейк, Анжела Уоррен и Филипп Блейк, Эмиас Крейл и последней Каролина Крейл. Что происходило в комнате, Мередит Блейк не видел, так как стоял к ней спиной. Так что возможность взять яд у миссис Крейл была.

Учитывая это все, я согласился с выводом, что кониин взяла она. На днях мистер Мередит Блейк сказал мне: «Я помню, что стоял там, вдыхая запах жасмина через открытое окно». Но в сентябре жасмин уже не цветет. Обычно он цветет в июне и июле. Запах жасмина, однако, сохранился в найденном в комнате миссис Крейл флаконе. Следовательно, можно с уверенностью утверждать, что миссис Крейл решила украсть кониин, для чего тайком опорожнила флакон с духами, лежавший у нее в сумочке. Эту версию я проверил, попросив мистера Мередита Блейка закрыть глаза и попытаться вспомнить, в каком порядке гости выходили из лаборатории. Запах жасмина мгновенно стимулировал его память. Запахи вообще влияют на нас сильнее, чем мы себе представляем.

Итак, мы переходим непосредственно к роковому дню. Представленные факты никем пока не оспариваются и сомнению не подлежат. Внезапное заявление мисс Грир о том, что они с мистером Крейлом собираются пожениться, подтверждение этого самим мистером Крейлом и глубокая

депрессия Каролины Крейл. Каждый из этих фактов подтверждается более чем одним свидетелем.

Утро следующего дня отмечено сценой между мужем и женой в библиотеке. Один из свидетелей услышал такое заявление Каролины Крейл: «Ты и твои женщины!» и последовавшее далее: «Убила бы… И когда-нибудь убью». Это слышал находившийся в холле Филипп Блейк. То же слышала с террасы мисс Грир. Также она слышала, как мистер Крейл призывал жену к благоразумию, а потом и угрозу миссис Крейл: «Я скорее убью тебя, чем позволю тебе уйти к этой девице». Вскоре после этого мистер Крейл выходит из библиотеки и предлагает мисс Грир спуститься в сад. Она берет пуловер и уходит вместе с ним.

Пока что ничего такого, что вызывало бы сомнения с точки зрения психологии. Все ведут себя так, как и должны себя вести в данных обстоятельствах. Но сейчас мы подходим к тому, что противоречит логике ситуации.

Мередит Блейк обнаруживает почти пустую бутылку и звонит брату. Они встречаются на причале и, поднимаясь по тропинке, проходят мимо Батарейного сада, где Каролина Крейл обсуждает с мужем предстоящий отъезд Анжелы в школу. Для меня это выглядит очень странным. Супруги только что пережили ужасную сцену, закончившуюся явной угрозой со стороны Каролины, однако не прошло и двадцати минут, как они уже ведут самый обычный семейный разговор.

Пуаро повернулся к Мередиту Блейку.

– В своем отчете вы упоминаете произнесенные Крейлом слова насчет того, что «все улажено, и он сам ее проводит». Все верно?

– Да, что-то в этом роде, – подтвердил тот.

Пуаро посмотрел на второго брата.

– Вы тоже это помните?

Филипп Блейк нахмурился.

– Не помнил, пока вы не сказали. Теперь… да, помню. Что-то такое говорилось.

– Это сказал мистер Крейл? Не миссис Крейл?

– Эмиас, он это сказал. Каролина упрекала его за то, что он слишком суров с девочкой. Так или иначе, какая разница? Мы же знаем, что через день-другой Анжела уехала в школу.

– Вы неверно оцениваете значимость моего возражения, – сказал Пуаро. – Зачем бы проводами девочки заниматься Эмиасу Крейлу? Это же нелепо! Есть миссис Крейл, есть мисс Уильямс, есть служанка. Собирать вещи, провожать – женское дело, но никак не мужское.

– При чем здесь это? – нетерпеливо перебил его Филипп Блейк. – Никакого отношения к преступлению это не име-

ет.

– Вы так думаете? Для меня это был первый заставивший задуматься пункт. И за ним тут же последовал второй. Миссис Крейл, несчастная, повергнутая в отчаяние женщина, чье сердце разбито, женщина, только что угрожавшая мужу и определенно подумывавшая об убийстве или самоубийстве, вполне по-дружески предлагает этому самому мужу принести бутылочку холодного пива.

– Ничего странного, – задумчиво произнес Мередит Блейк, – если она действительно задумала убийство. И потом, она же так и сделала. Притворство!

– Вот как? Она решила отравить мужа и уже раздобыла яд. В Батарейном саду есть запас пива. Если есть голова на плечах, то можно запросто подлить яд в одну из тех бутылок, когда поблизости никого нет.

– Каролина не могла это сделать, – возразил Мередит Блейк. – Отравленное пиво мог выпить кто-то другой.

– Да, Эльза Грир. А скажите мне, решив убить мужа, Каролина Крейл стала бы переживать из-за того, что убьет заодно и разлучницу?.. Но давайте не будем спорить по этому пункту. Ограничимся фактами.

Каролина Крейл говорит, что пришлет мужу холодное пиво. Отправляется в дом, берет бутылку из холодильника в теплице и относит в сад. Наливает пиво в стакан и подает Эмиасу. Он выпивает все сразу и жалуется: «Сегодня у

всего противный вкус».

Миссис Крейл уходит домой. За ланчем она выглядит как обычно. Может быть, немного обеспокоенной и задумчивой. Нам это ничего не дает – критерия поведения убийцы не существует. Одни убийцы ведут себя спокойно, другие нервничают.

После ланча она снова идет в Батарейный сад. Обнаруживает, что муж мертв, и дальше, скажем так, делает то, что делал бы на ее месте любой другой. Она взволнована. Она посылает гувернантку позвонить доктору. И тут мы подходим к факту, до сих пор остававшемуся неизвестным. – Пуаро повернулся к мисс Уильямс. – Вы не против?

Мисс Уильямс побледнела.

– Я не накладывала на вас никаких обязательств.

Спокойно, но с разительным эффектом Пуаро обрисовал сцену, свидетельницей которой стала гувернантка.

Эльза Диттишем переменила позу и, уставившись на сухонькую женщину в большом кресле, недоверчиво спросила:

– Вы действительно видели, как она сделала это?

Филипп Блейк вскочил с места.

– Вот и ответ! Окончательный ответ на все вопросы!

– Вовсе не обязательно, – мягко возразил Пуаро.

– Не верю, – резко бросила Анжела Уоррен, бросив быстрый неприязненный взгляд на маленькую гувернантку. Мередит Блейк с горестным видом дергал себя за усы. Застывшая в неподвижной позе, с прямой как доска спиной, мисс Уильямс сохранила спокойствие, и лишь на щеках у нее проступили алые пятна.

– Я это видела.

– Конечно, у нас есть только ваше слово… – начал Пуаро.

– Это мое слово. – Ее немигающие серые глаза смотрели на него в упор. – И я не привыкла, месье Пуаро, чтобы в моих словах сомневались.

Он наклонил голову.

– Я не ставлю под сомнение ваши слова, мисс Уильямс. То, что вы видели, именно так и произошло, и именно потому, что вы это видели, я понял, что Каролина Крейл невиновна… не могла быть виновна.

Молчавший до сих пор высокий молодой человек, Джон Рэттери, впервые подал голос.

– Интересно было бы узнать, месье Пуаро, почему вы это сказали.

Детектив повернулся к нему.

– Конечно. Я вам отвечу.

Что видела мисс Уильямс? Она видела, как миссис Крейл торопливо и вместе с тем тщательно стирает отпечатки пальцев. Затем прижимает к пивной бутылке пальцы своего мертвого мужа. К пивной, заметьте, бутылке. Но кониин был в стакане, а не в бутылке. Полиция не нашла следов кониина в бутылке. В ней яда не было. И Каролина Крейл не знала этого. Она, предполагаемая отравительница своего мужа, не знала, как он был отравлен. Она предположила, что яд был в бутылке.

– Но почему… – начал Мередит.

Пуаро не дал ему продолжить.

– Да – почему? Почему Каролина Крейл так отчаянно пыталась протолкнуть версию самоубийства? Ответ прост. Потому что она знала, кто отравил его, и была готова сделать все, чтобы подозрение не пало на этого человека.

Конец пути уже близок. Кто этот человек? Стала бы она защищать Филиппа Блейка? Или Мередита? Эльзу Грир? Сесилию Уильямс? Нет. Есть только один человек, которого она была готова защищать любой ценой.

Он помолчал.

– Мисс Уоррен, если вы принесли письмо вашей сводной

сестры, я бы хотел зачитать его вслух.

– Нет, – сказала Анжела Уоррен.

– Но, мисс Уоррен…

– Нет.

Анжела поднялась, и голос ее зазвенел холодной сталью.

– Я хорошо понимаю, к чему вы клоните. Вы хотите сказать – разве нет? – что я убила Эмиаса Крейла и что моя сестра знала об этом. Я решительно отвергаю это голословное утверждение.

– Письмо… – повторил Пуаро.

– Это письмо предназначено только для меня.

Пуаро посмотрел туда, где стояли двое самых молодых из всех находившихся в комнате.

– Пожалуйста, тетя Анжела, сделайте так, как просит месье Пуаро, – сказала Карла Лемаршан.

– Нет, правда, Карла! – с горьким упреком выговорила Анжела Уоррен. – Где твое чувство приличия? Это же твоя мать. Ты…

– Да, моя мать. – Чистый голос Карлы дрогнул от волнения. – Поэтому у меня есть право просить вас. Я обраща-

юсь от ее имени. Я хочу, чтобы письмо прочли вслух.

Медленно, с явной неохотой, Анжела Уоррен достала из сумочки письмо и протянула Пуаро.

– Лучше б я никогда не показывала его вам, – с горечью сказала она и, отвернувшись от всех, уставилась в окно.

Пока Пуаро читал вслух письмо Каролины Крейл, по углам комнаты быстро сгущались тени. В какой-то момент Карле показалось, будто кто-то, обретающий форму, слушает, дышит, ждет. Она здесь… моя мама здесь. Каролина Крейл в этой комнате!

Эркюль Пуаро дочитал письмо.

– Думаю, вы все согласитесь, что это замечательное письмо. Прекрасное – да, оно определенно замечательное. И замечательно оно тем, что в нем присутствует одно поразительное упущение – в нем нет утверждения невиновности.

– В этом не было необходимости, – не поворачивая головы, сказала Анжела Уоррен.

– Да, мисс Уоррен, необходимости не было. Каролине Крейл ни к чему было говорить сестре, что она невиновна, потому что миссис Крейл думала, что ее сестра уже знает это. Знает по самой весомой причине. Каролина Крейл заботилась лишь о том, чтобы успокоить и утешить сестру, отвести саму возможность признания со стороны Анже-

лы. Снова и снова она повторяет: Все хорошо, дорогая, все хорошо…

– Неужели вы не понимаете? – не выдержала Анжела Уоррен. – Каролина хотела, чтобы я была счастлива, вот и все.

– Да, она хотела, чтобы вы были счастливы. Это ясно. И это единственное, что ее занимало. У Каролины есть ребенок, но думает она не о нем – это потом. Нет, все ее мысли занимает сестра. Занимает до такой степени, что вытесняет все остальное. Сестру нужно ободрить, сестру нужно поддержать, направить к своей, счастливой и успешной жизни. А чтобы бремя этого дара не оказалось слишком тяжелым, Каролина добавляет одну очень примечательную фразу: «Долги нужно отдавать».

Эта фраза объясняет все. И относится она к ноше, которая тяготила Каролину многие годы, с того момента, когда она, в порыве неконтролируемого подросткового гнева, швырнула в младшую сестру пресс-папье и покалечила ее на всю жизнь.

И вот теперь наконец у нее появляется возможность рассчитаться по тому давнему долгу. Не знаю, утешит ли это вас в какой-то степени, но скажу вам так: оплатив тот долг, Каролина Крейл обрела внутренний покой и ясность духа, чего не знала прежде. Именно из-за веры в то, что она возвращает долг, ни суд, ни приговор не значили для нее ничего. Звучит, может быть, странно в отношении осужденной за убийство, но у нее было все, что требуется для счастья.

И это я вам сейчас покажу.

Если принять такое объяснение, все, что касается реакций самой Каролины, становится на место.

Взгляните на череду событий с ее точки зрения. Прежде всего вечером накануне трагедии случается эпизод, жестоко напоминающий Каролине о ее собственной подростковой несдержанности. Анжела бросает в Эмиаса Крейла пресс-папье. Помните, что ровно то же самое она сама сделала много лет назад. Вдобавок Анжела кричит, что желает Эмиасу смерти.

На следующее утро Каролина входит в теплицу и видит Анжелу возле холодильника с бутылкой пива. Вспомните слова мисс Уильямс: «…в тот момент меня больше занимала Анжела, стоявшая возле холодильника с опущенной головой и виноватым видом». Мисс Уильямс имела в виду, что Анжела чувствовала себя виноватой из-за невыполненного обязательства, но для Каролины виноватое лицо застигнутой врасплох Анжелы означает кое-что другое. Вспомните, что по меньшей мере однажды Анжела уже добавляла что-то в напиток Эмиаса. Эта мысль могла легко прийти ей в голову.

Каролина берет бутылку, которую дала ей Анжела, и спускается в Батарейный сад. Там она наливает пиво в стакан и подает его Эмиасу. Он выпивает пиво залпом, морщится и произносит те примечательные слова: «Сегодня у всего противный вкус».

Каролина ничего еще не подозревает, но после ланча идет в сад и находит мужа мертвым. Сомнений нет – его отравили. Она этого не делала. Тогда кто? И тут ее как будто накрывает волна: угрозы Анжелы, Анжела с бутылкой пива возле холодильника в теплице, ее виноватое… виноватое лицо. Зачем девочка сделала это? Хотела отомстить Эмиасу? Без намерения убить, но так, чтобы ему стало плохо? Или же она сделала это ради нее, ради Каролины? Поняла, что Эмиас хочет бросить ее сестру? Каролина помнит – увы, помнит слишком хорошо, – какой несдержанной и жестокой была в подростковом возрасте. И теперь в голове у нее бьется одна только мысль: как защитить Анжелу? Та трогала бутылку – на стекле остались ее отпечатки. Каролина быстро стирает все следы. Если б только люди поверили, что это самоубийство… Если б на бутылке остались только отпечатки пальцев Эмиаса… Она пытается прижать его пальцы к бутылке… спешит… слышит чьи-то шаги…

Стоит только принять это предположение, и все, что произошло дальше, становится на свои места. Тревога и волнение Каролины, ее настойчивое желание поскорее отослать Анжелу подальше, устроить все так, чтобы трагедия не затронула сестру. Страх из-за того, что Анжелу могут допросить в полиции. И, наконец, навязчивое стремление как можно скорее, до начала суда, отослать сестру из Англии. И все это потому, что ей страшно – а вдруг Анжела не выдержит и сознается?

Глава 4
Правда

Анжела Уоррен медленно повернулась и скользнула жестким, презрительным взглядом по обращенным к ней лицам.

– Глупцы. Слепые глупцы – вы все. Неужели не понимаете, что если б я сделала это, то обязательно призналась бы? Никогда бы я не позволила, чтобы Каролина страдала из-за меня. Никогда!

– Но вы же добавляли что-то в пиво, – сказал Пуаро.

– Я? Добавляла что-то в пиво?

Пуаро повернулся к Мередиту Блейку.

– Послушайте, месье. В своем отчете о случившемся здесь вы пишете, что утром в день убийства слышали какие-то звуки, доносившиеся из этой комнаты, которая находится под вашей спальней.

Блейк кивнул.

– Но то была только кошка.

– Откуда вы знаете, что это была кошка?

– Ммм… не помню. Но это была кошка. Я просто уверен. Окно было открыто достаточно широко, чтобы кошка забралась в лабораторию.

– Да, но рама не была зафиксирована в этом положении, а

она здесь ходит легко. Ее могли поднять, и тогда человек свободно пролез бы в помещение и вылез.

– Да, все так, но там была только кошка.

– Вы сами ее видели?

– Нет, не видел, – медленно и растерянно произнес Мередит Блейк и, нахмурившись, добавил после паузы: – И тем не менее я знаю.

– Я скажу, почему вы знаете, а пока обращаю ваше внимание вот на что.

В то утро кто угодно мог забраться в ваш дом, проникнуть в лабораторию, взять что-то с полки и незаметно уйти. Если кто-то пришел из Олдербери, то это не мог быть ни Филипп Блейк, ни Эльза Грир, ни Эмиас Крейл, ни Каролина Крейл. Что делали эти четверо, мы прекрасно знаем.

Остаются двое – Анжела Уоррен и мисс Уильямс. Мисс Уильямс была здесь, и вы даже встретились с ней, когда вышли из дома. Она объяснила, что ищет Анжелу. Рано утром Анжела ушла купаться, но ни на берегу, ни в воде мисс Уильямс ее не видела. Она могла легко переплыть через залив, что и сделала позднее, когда ходила купаться с Филиппом Блейком. Я предполагаю, что Анжела переплыла на эту сторону, пришла к дому, забралась через открытое окно в лабораторию и взяла что-то с полки.

– Ничего подобного я не делала, – возразила Анжела Уор-

рен. – То есть… по крайней мере…

– Ага! – воскликнул Пуаро. – Вы вспомнили. Вы сами рассказали мне – не так ли? – что задумали сыграть злую шутку с Эмиасом Крейлом и стащили что-то – «кошачьи капли», так вы выразились…

– Валерьянка! – перебил его Мередит Блейк. – Ну конечно.

– Совершенно верно. Вот почему вы и убедили себя, что в лаборатории побывала кошка. У вас очень чувствительное обоняние. Вы уловили слабый и весьма неприятный запах валерьянки, но не придали этому значения, а ваше подсознание подсказало объяснение – кошка. Эти животные любят валерьянку и пойдут за ней куда угодно. Вкус у нее крайне неприятный, и ваш собственный рассказ о ней накануне подтолкнул юную проказницу, мисс Анжелу, подлить ее в пиво мужу сестры, имевшему обыкновение выпивать стакан залпом.

– Неужели это было в тот самый день? – удивленно сказала Анжела Уоррен. – Я прекрасно помню, как стащила пузырек. Помню, как достала бутылку из холодильника и как Каролина едва не поймала меня, когда я открывала ее. Разумеется, я помню это все, только никогда не связывала это именно с тем днем.

– Конечно, не связывали – потому что такой связи у вас в голове не существует. Для вас эти два события совершенно разные. Одно из них соотносится с прочими вашими

розыгрышами и шалостями, другое – с трагедией, грянувшей как гром среди ясного неба и стершей из вашей памяти все более мелкие события. Но я заметил, что когда вы говорили об этом, то сказали: «…стащила кошачьи капли, чтобы добавить ему в напиток». Вы не сказали, что и в самом деле сделали это.

– Не сказала, потому что не сделала. Каролина вошла в теплицу, когда я откручивала крышку. О! – Неожиданно для себя самой Анжела Уоррен вскрикнула. – И Каролина подумала… подумала, что я… – Она не договорила. Огляделась. И уже своим обычным, сдержанным тоном сказала: – И вы все тоже так думаете. – Она помолчала. – Я не убивала Эмиаса. Ни нечаянно, в результате какой-то злой шутки, ни каким-либо другим образом. Если б убила, молчать бы не стала.

– Разумеется, моя дорогая, вы ничего такого не делали, – резко сказала мисс Уильямс и посмотрела на Эркюля Пуаро. – Только глупец мог так подумать.

– Я не глупец и так не думаю, – мягко сказал Пуаро. – Я хорошо знаю, кто убил Эмиаса Крейла.

Он помолчал.

– Всегда существует опасность принимать как доказанные те факты, которые на самом деле не доказаны.

Возьмем ситуацию в Олдербери. Она стара как мир. Две женщины и один мужчина. Мы все согласились с тем, что

Эмиас Крейл вознамерился бросить жену ради другой женщины. Но я утверждаю, что ничего подобного он делать не собирался. Увлечения случались у него и раньше. На время он терял голову из-за женщин, но эти увлечения никогда не длились долго. Женщины, в которых он влюблялся, обладали обычно некоторым опытом и не ждали от этих отношений многого.

Однако в этот раз ему встретилась женщина, которая ждала всего. Впрочем, она и женщиной-то не была, а оставалась девушкой, невероятно искренней, по словам Каролины Крейл. Пусть искушенная и изощренная в речах, но в любви – пугающе прямая и искренняя. Вспыхнувшая между ними страсть – навсегда, так она решила. Без вопросов. Ради нее он оставит жену – так она решила, не спрашивая его самого.

Но почему, спросите вы, Эмиас Крейл не развеял ее заблуждений? Мой ответ – из-за картины. Он хотел закончить картину. Кому-то это может показаться невероятным. Кому-то, но не тому, кто знает художников. И в принципе мы уже согласились с таким объяснением.

Более понятен теперь и разговор между Крейлом и Мередитом Блейком. Крейл смущен – похлопывает Блейка по спине, заверяет его, что все уладится, все будет хорошо. Для Эмиаса Крейла все просто. Он занят картиной, работе над которой мешают, по его собственным словам, пара ревнивых вздорных дамочек. Но ни одной, ни другой не позволено отвлекать его от того, что он считает важнейшим делом жизни.

Сказать правду Эльзе – значит поставить крест на картине. Возможно, вначале, поддавшись порыву чувств, он и говорил, что уйдет от Каролины. Мужчины говорят такое, когда влюблены. Возможно, он просто позволил кому-то так думать. Ему нет дела до того, что там предполагает Эльза. Пусть думает, что хочет. Все хорошо, что удержит ее еще на день-другой. Потом он скажет ей правду – что между ними все кончено. Угрызения совести – это не для него.

Думаю, он с самого начала старался не связываться с Эльзой. Предупредил ее, объяснил, что он за человек, но она не вняла предупреждению и отдалась на волю Судьбы. А для такого, как Крейл, женщины всегда были добычей, охотничьим трофеем. И если б его спросили, что и как, он пожал бы плечами и сказал, что Эльза молода – как-нибудь переживет.

Вот так рассуждал Эмиас Крейл.

Если кто-то и был действительно ему дорог, то только лишь жена. О ней он особенно не беспокоился. Все, что требовалось от нее, это продержаться еще несколько дней. Он злился на Эльзу, разболтавшую о своих планах Каролине, но оптимистично верил, что все уладится. Каролина простит, как прощала раньше, а Эльза… Ей придется смириться. Вот так решались жизненные проблемы в представлении Эмиаса Крейла.

Но, думаю, в последний вечер он забеспокоился всерьез. Из-за Каролины, не из-за Эльзы. Может быть, пошел к ней,

но она отказалась разговаривать. Так или иначе, проведя бессонную ночь, он утром, после завтрака, отозвал жену в сторонку и выложил все, как есть. Да, увлекся девушкой, но теперь все кончено. Он завершит картину и никогда больше Эльзу не увидит.

Именно в ответ на это заявление Каролина Крейл и выпалила негодующе: «Ты и твои женщины!» Эта фраза означала, что Эльза занесена в разряд остальных, тех, что были и ушли своей дорогой. «Так тебя и убила бы. И когда-нибудь точно убью!» – добавила Каролина. Она сердилась, ее возмущало его бессердечие и жестокость по отношению к юной особе. Когда Филипп Блейк, встретив Каролину в холле, услышал, как она бормочет себе под нос «слишком жестоко!», это касалось Эльзы.

Крейл же, выйдя из библиотеки, увидел девушку в компании Филиппа Блейка и без лишних церемоний приказал ей идти в сад. Он не знал, что Эльза Грир сидела под окном библиотеки и все слышала. В своем отчете она написала неправду о том разговоре. И подтвердить ее слова некому.

А теперь представьте, как шокировала ее правда, высказанная столь откровенно и цинично!

Описывая события предыдущего дня, Мередит Блейк сказал нам, что, ожидая задержавшуюся в лаборатории Каролину, он стоял у двери, спиной к комнате, и разговаривал с Эльзой. Следовательно, она стояла лицом к нему и могла видеть, что делает в лаборатории Каролина. Она – единственная, кто видел это. Она знала, что Каролина взяла яд.

И она никому ничего не сказала, но вспомнила о яде, когда сидела под окном библиотеки.

Когда вышел Эмиас, Эльза заявила, что хочет взять пуловер, и поднялась в комнату Каролины. Женщины знают, где прятать и где искать. Она нашла флакон и осторожно, помня, что отпечатки оставлять нельзя, набрала яд в пипетку от авторучки. Потом спустилась и пошла вместе с Крейлом в Батарейный сад. Там добавила кониин в стакан с пивом и подала Крейлу, который тот выпил, по своему обыкновению, залпом.

Между тем Каролина Крейл разволновалась не на шутку и, увидев, что Эльза поднимается к дому (теперь уже действительно за пуловером), быстро прошла в сад и принялась выговаривать мужу. То, что он вытворяет, непристойно! Она этого не потерпит! Какая невероятная жестокость, так вести себя с девушкой! Раздраженный тем, что его отрывают от работы, Эмиас говорит, что все улажено и что, как только закончит картину, он ее выпроводит!

Они слышат шаги – это идут братья Блейки, – Каролина выходит из сада и, слегка смущаясь, лепечет что-то насчет Анжелы, школы и сборах. Естественно, Филипп и Мередит решают, что в разговоре, который они случайно услышали, речь шла об Анжеле, и «выпроводит» становится «проводит».

Эльза, с пуловером в руке и спокойной улыбкой, спускается по тропинке и занимает свое место на стене. Она, несомненно, рассчитывала, что в убийстве заподозрят миссис

Крейл, а в комнате найдут флакон с ядом. Тут еще и сама Каролина играет ей на руку. Она приносит охлажденное пиво и наливает мужу в стакан. Эмиас выпивает, морщится и говорит: «Сегодня у всего противный вкус».

Вы понимаете, как много смысла в этой реплике? У всего… Значит, и до этого было что-то неприятное, и этот неприятный вкус остался у него во рту. И еще одно. Филипп Блейк упоминает, что Крейл немного покачивался, «как будто успел приложиться к бутылке». На самом деле то был первый признак действия кониина. А значит, яд попал в организм еще до того, как Каролина принесла мужу охлажденное пиво.

И вот Эльза Грир сидела на серой стене, позировала, а чтобы Эмиас Крейл не заподозрил ничего, пока не будет поздно, весело и непринужденно с ним разговаривала. Заметив на скамейке вверху Мередита Блейка, она помахала рукой, еще старательнее сыграв свою роль для него.

А Эмиас Крейл, человек, который терпеть не мог болеть и не признавал никакие болезни, продолжал упрямо работать, пока руки и ноги не перестали слушаться, а язык не онемел. И тогда он прилег на скамейке, беспомощный, но еще в ясном сознании. В доме ударили в гонг, и Мередит спустился в Батарейный сад. Думаю, в этот короткий миг Эльза соскочила со стены, подбежала к столу и выдавила последние капли яда в стакан из-под пива. (От пипетки она избавилась по пути к дому – просто раздавила ее ногой.) Потом встретила Мередита у калитки. Солнце там бьет в глаза, когда выходишь из тени. Мередит видел только, как

его друг, полулежавший в знакомой позе, оторвал глаза от картины и устремил на него злобный взгляд.

Понял ли Эмиас? Догадался ли? Насколько ясным оставалось его сознание? Этого мы не знаем, но ни рука, ни глаз его не подвели.

Пуаро повернулся к висящей на стене картине.

– Я должен был все понять, когда в первый раз увидел ее. Потому что сама картина замечательна. Это портрет убийцы, написанный ее жертвой, и портрет девушки, наблюдающей, как умирает ее возлюбленный…

Глава 5
После всего

В наступившей тишине – пугающей, зловещей тишине – медленно догорал закат. Последний отблеск упал на окно, замерев на темных волосах и бледно-серебристых мехах сидевшей там женщины.

Эльза Диттишем пошевелилась.

– Уведите их, Мередит. Оставьте меня с месье Пуаро.

Неподвижная, она ждала, пока дверь не закрылась за последним гостем. И только тогда заговорила снова.

– Вы ведь очень умны, не так ли?

Пуаро промолчал.

– Чего вы ждете от меня? Признания?

Он покачал головой.

– Ничего подобного не будет! Я ничего не признаю. Но то, что мы говорим здесь, значения не имеет. Ваше слово против моего – вот и весь вопрос.

– Совершенно верно.

– Я желаю знать, что вы намерены предпринять.

– Я сделаю все возможное, чтобы добиться от властей посмертного оправдания для Каролины Крейл.

Эльза рассмеялась.

– Какая нелепость! Оправдание за то, чего не делал… – Она помолчала. – А что со мной?

– Я представлю свои выводы официальным лицам. Если они решат, что для возбуждения дела против вас есть основания, пусть действуют. На мой взгляд, достаточно убедительных улик нет – есть умозаключения, но не факты. Более того, вряд ли они захотят предъявлять обвинение женщине вашего положения, не имея веских доказательств.

– Мне все равно. Оказаться на скамье подсудимых, бороться за жизнь… в этом, пожалуй, что-то есть… что-то живое,

волнительное. Может быть, мне это даже понравится.

– Но не вашему мужу.

Леди Диттишем пристально посмотрела на него.

– Уж не думаете ли вы, что мне есть дело до того, что чувствует мой муж?

– Нет, не думаю. Я не думаю, что вам когда-либо за всю вашу жизнь было небезразлично, что чувствуют другие. Будь иначе, возможно, вы были бы счастливее.

– Почему вы меня жалеете? – резко спросила она.

– Потому что, дитя мое, вам еще многое предстоит познать.

– И что же именно?

– Те чувства, которые испытывают взрослые люди: жалость, сострадание, понимание. Пока вы знаете лишь любовь и ненависть.

– Я видела, как Каролина взяла кониин, – сказала леди Диттишем. – Думала, что она хочет покончить с собой. Это многое упростило бы. А потом, на следующее утро, все открылось. Он сказал ей, что я ничего для него не значу, что он был влюблен, но это прошло. Сказал, что выпроводит меня, как только закончит картину. Что ей не о чем беспокоиться. А она… пожалела меня. Понимаете, каково мне

было это слышать? Я нашла яд, дала ему, а потом сидела и смотрела, как он умирает. Я никогда не ощущала такого восторга, такого вдохновения, такой власти. Я смотрела, как он умирает…

Она раскинула руки.

– Я не понимала, что убиваю себя – не его. Потом увидела, как и она попала в капкан, и это тоже меня не обрадовало. Я не могла сделать ей больно – ей было все равно, она всего избежала. Иногда ее как будто и не было там. Она и Эмиас, они оба сбежали туда, где я не могла до них добраться. Но они не умерли. Умерла я.

Леди Диттишем встала. Подошла к двери.

– Я умерла…

В коридоре она прошла мимо двух молодых людей, чья общая жизнь только начиналась. Шофер открыл для нее дверцу автомобиля. Леди Диттишем села, и шофер укутал ее колени меховой накидкой.

Примечания

1

И все же… (фр.)

2

Ну хорошо (фр.).

3

Вперед (фр.).

4
Назад (фр.).

5
Барристер – юрист (адвокат), ведущий дела в суде.

6
Королевские адвокаты – особая категория юристов, назначаемых короной.

7
Солиситор – категория адвокатов, ведущих подготовку судебных материалов для ведения дел барристерами.

8
Кингсли Чарльз (1819–1875) – английский прозаик, представитель христианского социализма. Писал романы с исторической и социальной тематикой. В одном из самых его известных романов «Эй, на Запад!» главного героя зовут Эмиас.

9
Шекспир У. «Ромео и Джульетта», пер. Т. Л. Щепкиной-Куперник.

10
Мой дорогой (фр.).

11

Должность начальника полиции города (за исключением Лондона) или графства.

12
Генри Стюарт, лорд Дарнли (1545–1567) – супруг королевы Марии Стюарт. Был убит по подозрению в организации покушения на Риччо, секретаря своей жены.

13
Эта пожилая леди фигурирует в романе А. Кристи «Трагедия в трех актах», события в котором происходят за 8 лет до описываемых здесь.

14
Успех в узких кругах (фр.).

15
Джейкоб Эпстайн (1880–1959) – знаменитый английский скульптор и график в стиле модерн.

16
Зд.: сильной женщины (фр.).

17
Банши – в ирландском фольклоре и у жителей горной Шотландии особая разновидность фей, опекающих старинные роды; издают пронзительные вопли, оплакивая близкую смерть кого-либо из членов рода.

18
Но взгляните (фр.).